АНДРЕЙ
ЖВАЛЕВСКИЙ

Те, которые

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Новый роман в жанре brain fiction продолжает традиции «Мастера сглаза» и «Мастера силы». На сей раз переплелись судьбы четырех очень необычных людей. Первый путешествует из тела в тело, второй проживает жизнь заново, третий обладает даром исцеления, четвертая… четвертой не довелось родиться, но она тоже человек. Сначала кажется, что судьба случайно сталкивает их друг с другом, но постепенно становится понятно – случайностей не бывает…

- АНДРЕЙ ЖВАЛЕВСКИЙ
  - ЧЕЛОВЕК ПЕРВЫЙ. АГАСФЕР
    - Пролог
    - Личность первая
    - Личность вторая
    - Личность третья
    - Эпилог
  - ЧЕЛОВЕК ВТОРОЙ. БОГДАН
  - ЧЕЛОВЕК ТРЕТИЙ. МЕЦЕНАТ
  - Позднее примечание
  - ЧЕЛОВЕК ЧЕТВЕРТЫЙ. МАШЕНЬКА
  - Права

АНДРЕЙ ЖВАЛЕВСКИЙ
ТЕ, КОТОРЫЕ

ЧЕЛОВЕК ПЕРВЫЙ. АГАСФЕР
(Человек, который не умер)

Пролог
БЕССМЕРТНЫЙ

Терпеть не могу умирать.

Все эти бредни про туннели со светом, тем более про ангелов, которые берут душеньку под белы ручки – чепуха и отсебятина!

Сколько ни умирал, ни одного ангела не видел. Яркий свет бывает в отдельных случаях, но только если отдаешь концы средь бела дня. Или при взрыве.

Когда душа…

Нет, неправильно. Правильно называть эту субстанцию не «душа», а просто «я».

Когда я на долю секунды оказываюсь без тела, возникает удивительное ощущение. Все органы чувств остаются в оболочке, так что я оказываюсь один на один со Вселенной. И воспринимаю ее всю сразу, все ее закоулки. Я сразу все вижу, слышу, пробую на зуб и на ощупь, вдыхаю все ароматы и получаю еще тысячи сигналов, которые описывать не берусь. Ну как, например, описать ощущение смысла? То есть когда перед тобой камень, и ты полностью понимаешь его предназначение, судьбу, историю…

Ну вот, сказал же – не берусь описывать, чего вдруг полез?

И вся эта какофония образов, звуков, смыслов, запахов… как бы это помягче… задалбливает со страшной силой. Рассудок не резиновый, чтобы все это в себя впитать, да еще с такой скоростью. Если бы в этот момент у меня был мозг, его бы взорвало так, что Большой взрыв показался бы новогодней хлопушкой. Память немедленно тошнит, выметая все лишнее, только этим и спасаюсь.

Поэтому я стараюсь умирать как можно реже.

Предпочитаю переселяться более естественным образом.

Это происходит само собой, без моего участия. Сначала начинают чесаться лопатки. Причем очень своеобычно, изнутри. Затем возникает запах валерьянки. Запах слышу только я. После этого лучше всего просто расслабиться и ждать. Обычно через пару секунд чувствую, что внутри моего нынешнего тела открывают клапан. Говорю старой оболочке «Счастливо оставаться» и выскальзываю из нее.

И тут же оказываюсь в новом теле. Без всякого, мать его, единения со Вселенной и постижения, мать их, смыслов.

В новом теле я еще немного наслаждаюсь ароматом валерьянки, обживаюсь и подключаюсь к памяти старого хозяина.

О том, куда он исчезает с моим приходом, стараюсь не думать. Даже если и помирает совсем, я тут причем? Я его даже не выбирал, если уж на то пошло!

В общем обустраиваюсь и стараюсь жить долго и счастливо, пока снова не зачешутся лопатки.

Но тут был случай исключительный. Меня занесло в психа. В прошлом со мной это уже случалось, и ну его к черту, такое удовольствие! Когда все вокруг знают, что ты псих, можешь хоть наизнанку вывернуться, доказывая свою нормальность, все равно к тебе будут относиться как к психу. А тут еще оказалось, что меня занесло в тело психа милитаризованного. Насколько я успел понять, прежнего хозяина оболочки бросила какая-то училка, и теперь он собирал взрывное устройство, чтобы рвануть школу. Глубже я разбираться не стал, противно, ей-богу. Просто закоротил какие-то клеммы…

Уже потом, когда оболочку разрывало в лоскуты, я подумал, что сначала надо бы отвести тело на пустырь, а то вдруг за стенкой соседи пострадают. Но, кажется, этот Отелло с динамитом сидел в каком-то подвале.

А меня пронесло по Вселенной и занесло…

Личность первая
ХУДОЖНИК

…в такое тело, что в первую секунду я пожалел об отсутствии взрывчатки под рукой.

Очередная оболочка принадлежала горькому пьянице. «Горькому» в данном случае не метафора. Во рту стоял мерзкий привкус, как будто я сожрал собственный желчный пузырь. А как воняло от этого туловища! Вряд ли бы нашелся ассенизатор, который осмелился бы подойти ко мне без противогаза.

Интересно, а как я выгляжу? Попытался обнаружить в пределах видимости зеркало, но не смог. А заодно не обнаружил: бытовой техники, осветительных приборов и, в общем-то, мебели. Обстановка комнаты, в которой я очутился, состояла из разнообразных обломков и обрывков, разбросанных по всему полу, истерзанной табуретки и матраца. Из белья на матраце был только я.

Принялся потрошить чужую память – и понял, что это удается с трудом. Тело оказалось пропитано алкоголем, как урод в Петровской кунсткамере – формалином. Отравленная кровь омывала мозг, и с каждой секундой я соображал все хуже. Вспомнил только, что зовут меня Санька, лет мне то ли пятьдесят, то ли еще сколько, и что-то про какую-то Верку.

Следовало вывести эту дрянь из организма, а уж потом разбираться с памятью. Я встал. Комната пошла ходуном. В животе забурчало. В ушах зазвенело. Я сел.

Нет, придется выспаться, а уж потом…

Концентрация спирта в мозгу достигла критической точки. Я завалился на бок и уснул в такой, казалось бы, непригодной для сна позе.

Сквозь дрему слышал, как кто-то ругался, тормошил меня, пытался что-то вложить в руку. Потом ругались, кажется, на кого-то еще. Потом стало плохо. Проснуться я не мог, и спать не мог, и вообще ничего не мог, даже сон смотрел, словно через грязное стекло. Снилось что-то из далекого моего прошлого. Какие-то унылые крестьяне в онучах, злобный усатый латник на лошади, скоморохи какие-то. Потом почему-то унтер-офицер в парадной форме, но без головы. И хохочущая девка в меховой шапке. У девки были раскосые глаза и кривая короткая сабля…

Просыпался долго, урывками, то и дело проваливаясь назад в сон. И память, которую я пытался проинспектировать, оказалась такая же лоскутная. Тем не менее удалось вспомнить кое-что про

себя нынешнего (работал токарем, выгнали за пьянку, собираю бутылки, всю обстановку пропил, собираюсь выгодно продать квартиру) и про Верку (прибилась возле гастронома, спит тут, но сексом мы с ней не занимаемся, хоть я и хвастаюсь во дворе).

Когда удалось проснуться более-менее окончательно, в комнате обнаружилась не только Верка, но еще двое молодых людей, в отношении которых память была лаконична: «Классные пацаны!».

– Петрович! – обрадовался один из «пацанов». – Наконец-то!

Улыбка на его лице показалась неискренней. Второй «пацан» тоже выглядел неестественно приветливым. Он ничего говорить не стал, просто выхватил из-за пазухи и показал бутылку с салатового цвета жидкостью. И тут – честное слово, без моего участия! – моя рука взметнулась навстречу бутылке.

– Э, нет! – первый «пацан» перехватил руку и помахал перед моим носом какими-то бумагами. – Это мы уже проходили! Давай так: ты подписываешь бумажки, а потом гуляешь. Дэ-бэ-зэ?

«Пацаны» прямо лучились добродушием, но уж чего-чего, а таких улыбок я на своем веку… то есть на своих веках насмотрелся предостаточно. Именно с этим выражением придворные протягивали отраву государю, а казаки Ермака Тимофеевича предлагали медные тазы местному населению Сибири. Помню я, и как придворным был, и как местным населением…

Я упрямо мотнул головой. Говорить было нельзя. В желудке готовилось извержение. Стоит открыть рот…

Лица «пацанов» слегка изменились. Как будто совсем чуть-чуть, но даже туповатая с виду Верка тоненько попросила:

– Ребятки! Не бейте его, а? Он головой слабый. Он счас все подпишет, ага?

Мне пришлось напрячься, чтобы максимально быстро решить сразу две проблемы. Первая – «пацаны» и их подозрительные «бумажки». Вторая – тектонические процессы в желудке. Опыт подсказывает, что иногда такие проблемы неплохо уничтожают одна другую.

Я кивнул и протянул руку к договору.

– Молодец! – сказал первый «пацан», и оба они заметно расслабились.

Я взял документ. Это оказался договор о купле-продаже квартиры. Уже по сумме было понятно, что подписывать это нельзя ни в коем случае. Но и не подписывать нельзя, потому что изметелят основательно. Буду лежать, как овощ, и мучиться. Ну что ж, извините, пацаны.

– А где тут подписываться? – хотел сказать я, но после «А»

последовал такой грандиозный фонтан, что собеседники отскочили на несколько шагов.

Договор оказался в полной негодности.

«Пацаны» перестали корчить из себя старых школьных приятелей. Первый заорал:

– Га-а-адство!

Второй вытащил из внутреннего кармана кастет.

Верка заголосила. Я покаянно оттирал договор, невнятно мыча.

– Хрен с ним, – процедил первый «пацан», и второй с некоторым разочарованием убрал кастет в карман. – Завтра придем. И не дай бог!

Гости ушли, не попрощавшись.

Осталось выпроводить и некоторых из хозяев.

– Вера, – сказал я и внутренне содрогнулся от этого голоса, – сбегай до магазина.

– Так денег нет, миленький! – Верка вытащила из-за батареи темную тряпку и принялась отчищать мою одежду, хотя тряпка от одежды по цвету не отличалась.

– Так найди! – рявкнул я.

Чужая память похвалила меня. Именно так и надо было поступать с этой бестолочью. Верка вжала голову в плечи и выскочила за дверь. Я попытался захлопнуть за ней замок, но затея провалилась из-за отсутствия последнего. Пришлось выламывать рейку из шкафа и подпирать дверь, благо открывалась она внутрь.

Затем я попытался принять душ. Это удалось осуществить не сразу. Для начала я потратил часа два на чистку ванны и заодно – на приведение в рабочее состояние унитаза. Верка уже успела вернуться, ломилась в двери, чем-то призывно булькала и что-то причитала. Я не реагировал.

Еще какое-то время ушло на поиски мыла и свежего белья. Мыло нашел. Белье – нет. Пришлось начать со стирки. И только после того как относительно чистая одежда была развешена по батареям, я получил химически чистое наслаждение в виде душа.

Сразу стало легче. Удалось даже придумать что-то вроде плана.

* * *

Проще всего оказалось избавиться от парней с договором. Я решил его все-таки сначала прочитать, а потом выбросить. Документ оказался очень интересным. Я очень кстати всего три…

нет, четыре жизни назад занимался юриспруденцией. Так вот, в этом договоре не хватало только пункта «Все описанное здесь подпадает под действие статьи УК РФ 159 “Мошенничество”». Сразу становилось понятно, что «пацаны» – ребята недалекие. Скорее всего, кустари-одиночки с кастетом.

Поэтому назавтра я их встретил радушно и сразу позвал в комнату. «Пацаны» откровенно удивились моему трезвому и почти опрятному виду, но перспектива наконец закончить эту бодягу заставила их забыть об осторожности. Они пошли со мной, вручили свежий экземпляр договора и даже оказались настолько любезны, что пояснили вслух некоторые непонятные для меня моменты.

Я вежливо поблагодарил их, но на требование «подписать по-бырому» достал работающий диктофон. Пресекая естественное желание «пацанов» расхерачить пишущее устройство о мою голову, с кухни появился участковый в компании с понятыми. Он слегка надавил, я чуть-чуть добавил – и «пацаны» поплыли. Если бы они оказались тертыми парнями, то хладнокровно послали бы всех в совершенно определенное место, потому что, честно говоря, все эти диктофоны и понятые с точки зрения суда – глупость и провокация. Но «пацаны», судя по всему, впервые встретили отпор, да еще и с привлечением правоохранительных органов. Они тут же, на подоконнике, настрочили признательные показания.

Когда наряд уводил «пацанов», участковый даже пожал мне руку:

– Спасибо, Петрович. Я уж думал, ты только чернила бухать умеешь.

И тут же добавил поперек собственной логики:

– Может, тебе мерзавчика проставить? За помощь в повышении раскрываемости?

От мерзавчика я твердо отказался. Участковый, по-моему, огорчился и ушел, недоверчиво на меня поглядывая.

Следующая проблема – избавиться от Верки – оказалась более сложной. Верка не обладала интеллектом Марии Кюри (и даже внешне ей проигрывала), зато хватку имела такую, что любая анаконда лопнула бы от зависти. Слава богу, в первый же день удалось найти в шкафу и установить дверной замок, иначе она проникла бы в мое жилище и окопалась бы в нем, зарывшись в бетон перекрытия.

Я ей грозил, просил, убеждал, даже слегка побил. Верка все терпела, со всем соглашалась, иногда плакала, но от двери квартиры старалась не отходить. Перед операцией по захвату «пацанов» я упросил участкового подержать ее в «обезьяннике»,

но он, собака неблагодарная, немедленно выпустил Верку, как только операция была завершена.

Тогда я просто перестал Верку замечать. Если пыталась проникнуть в жилище, молча отпихивал. Хватала за рукав – вырывался, глядя в стену, и уходил. Мне было жалко ее, честное слово, но сейчас было не до личной жизни.

В конце концов она это поняла, напоследок устроила показательный скандал, чтобы все соседи слышали, какой я импотент и выродок, и ушла.

Теперь можно было спокойно заняться третьей, главной, темой для размышлений – а дальше что?

Я бродил по квартире, механически собирал мусор и складывал его в центре комнаты на куске обоев, а попутно думал.

Бросить и это тело, надеясь, что в следующий раз повезет больше? Это, конечно, выход. Но неожиданно во мне взыграло ретивое. Что я прыгаю, как кузнечик? У меня есть мозги… Ну ладно, мозги у меня основательно отравленные бормотухой, но огромадный опыт дает кое-какие преимущества. В конце концов, это интересно – вывести в дамки шашку с первой линии доски. Строго говоря, моя шашка даже на доске не значится, валяется где-то за ее пределами.

Куча мусора в центре комнаты росла, зато вокруг нее понемногу образовывалось пригодное для жизни пространство. И от этого становилось легче на душе.

Когда я волок мусор к помойке, решение почти созрело. Я собирался доказать миру, что совсем пропащих людей не бывает. Оставалось только придумать, как именно моя шашка пройдет мимо всех других – своих и чужих – и окажется на последней горизонтали, чтобы перевернуться и продемонстрировать всем свою внутреннюю сущность.

Контейнер был совершенно полон, мне пришлось потрудиться, чтобы новая порция удержалась на макушке мусорного Эвереста. Это удалось, что я счел отличным предзнаменованием. Отошел на пару шагов и полюбовался. В этом была своя прелесть: жесткое зеленое основание контейнера ограничивало нижнюю часть айсберга отбросов, зато верхняя часть рвалась наружу, как отряд бунтарей. Пластик бутылок и жесть банок торчали турелями орудий. Обрывки ткани и пакетов напоминали боевые знамена в руках аквилиферов, ведущих за собой отряды. Обломки досок и проволока смахивали на разрушенные линии укреплений.

«О! – обрадовался я. – Да я художник! Отличная функция тела!»

«Функцией тела» я зову талант, который хранится в оболочке. Есть руки, которые созданы для рисования, уши, обеспечивающие идеальный музыкальный слух, ноги, приспособленные для долгого изнурительного бега. Ну и мозги, конечно. Мозг прирожденного карманника и мозг интуитивного психолога устроены и работают по-разному. Все это и есть «функция тела».

Самое забавное, что хозяева оболочек часто и понятия не имеют, для чего предназначены их руки, ноги, уши, а главное – мозги. Не умеют прислушаться к себе, больше доверяют чужому мнению или собственной лени. А я умею. Научился за многие годы.

И эти годы дали понять, что ярко выраженная «функция тела» – вещь редкая. На сей раз мне повезло. Мой алкаш имел глаза Рембрандта. Обнаружились у него (теперь у меня) в комплекте и воображение Дали, и упорство Гогена, и рука Саврасова. Саврасов, кстати, – близкая аналогия. Он, говорят, своих «Грачей» за поллитру воспроизводил неоднократно.

Домой я возвращался в неплохом настроении.

И его не замедлили испортить.

* * *

У входа в квартиру ждал участковый. Вид у него был виноватый.

– Привет, Петрович! – сказал он и сунул мне в руки листик.

Я пробежал ее глазами Рембрандта. Это было судебное предписание. За неуплату отключить все, что отключается. Воображение Дали тут же нарисовало апокалипсическую картину пещерного существования. Однако упорство Гогена потребовало не сдаваться.

– А сделать что-то можно? – спросил я как можно жалобнее.

Участковый, неплохой, в целом, мужик, развел руками:

– Второй год не платишь. Давно пора. Сейчас, сам знаешь, с этим строго. А вообще и выселить могут…

Я посмотрел ему прямо в глаза и спросил:

– А можно я у вас денег займу?

Вообще-то следовало к участковому обратиться по имени-отчеству, но его в дырявой памяти не оказалось. Может, и к лучшему. Участковый и без того чувствовал себя людоедом.

– Да нет у меня… То-се… Кредит…

– Врете ведь, – грустно сказал я.

Кровь понемногу окрашивала круглую физиономию участкового в цвет советского флага. Мужик явно врал.

– Думаете, я пропью… У вас есть все основания. Но… извините, как вас по имени-отчеству?

– Вениамин Петрович, – извиняющимся голосом произнес участковый.

– Так мы, считай, тезки! – теперь я имел полное право перейти на ты. – Ты Петрович, и я Петрович! Слушай! Заплати за мою хату хоть чуток! Пусть видят, что я начал погашать!

«Почти тезка» тяжело вздохнул, что на международном языке междометий соответствует белому флагу.

– Я же новую жизнь начал! Не пью третий день! Мусор выбросил!

Я распахнул дверь, чтобы доказать правдивость своих слов. Вениамин Петрович заглянул внутрь и погрустнел еще больше.

– Ладно, – буркнул он, отнимая у меня злосчастную бумажку, – скажу, тебя дома не было… И за квартиру положу полтинник…

– Я верну! – сказал я с предельно возможной искренностью. – Сегодня же пойду искать работу!

– Ну смотри, – только и сказал участковый, с сомнением покачивая головой.

Так и ушел, качая фуражкой, как будто сам себя уговаривал, но сам с собой не соглашался.

А я понял, что на пути к мольберту придется заняться более прозаическими видами зарабатывания на жизнь.

* * *

За века шатания по чужим телам я не раз сталкивался с проблемой, как теперь говорят, профессиональной переподготовки. И, честно говоря, чем дальше в капитализм, тем проще этим заниматься. Раньше приходилось больше руками работать: мечом или молотом махать, мастерить чего-нибудь, но чаще всего – пахать землю. Все это занятия большей частью незамысловатые, овладеть не проблема. Но чтобы с их помощью обеспечить себе пристойное существование – это нужно иметь ярко выраженную функцию тела. А иногда и этого недостаточно: крепостной может оказаться прирожденным химиком, да кто ж его к ретортам допустит?

Теперь не то. Вертикальная социальная мобильность сумасшедшая, а многие козырные профессии требуют только умения компостировать людям мозги. Этому я успел отлично обучиться, с моей-то практикой. Способы навешивания лапши на уши… простите, способы манипулирования людьми не меняются,

потому что люди в сути своей остаются одинаковыми, несмотря на все эти пыхтящие-жужжащие-мигающие приспособы, которыми они себя так любят окружать. Все равно у каждого есть пунктик, есть крючок. Зацепишь его – человек твой, как карась на удочке. Он может даже считать, что управляет ситуацией, управляет мной, кузнец своего счастья и все такое…

Ей-богу, лошадь под седлом гораздо более свободна, чем какой-нибудь тиран, особенно если в постели у этого тирана – умная, тонкая и умелая женщина.

Так что в XXI веке нужно всего лишь сообразить, как лучше использовать свое умение сажать людей на крючки и дергать за ниточки. Профессии менеджера, юриста или консультанта (о, каким я умею быть консультантом!) для меня пока закрыты. Мобильность мобильностью, но не до такой же степени.

Для начала нужно обеспечить себя минимальным доходом. Во-первых, придется как можно быстрее расплатиться с участковым. Это произведет на него неизгладимое впечатление, а пока Вениамин Петрович для меня – помощник номер один, и грех такими разбрасываться.

Во-вторых, хорошо бы чем-то питаться. Первые дни после заселения в оболочку я тупо голодал, выводя из себя всякую дрянь, которой питался предыдущий хозяин. Продержаться без еды я мог довольно долго. Меня пару раз заносило то в тело буддийского монаха, то – в православного отшельника, так что опыт есть.

Тут все зависит от того, как себя настроишь. Голод – это не физиология. Это психология чистой воды. Человек с детства привыкает есть, он едой себя не столько насыщает, сколько утешает.

(Кстати, совершенно не помню своего детства. Вообще. Никаких обрывочных образов, которые так любят описывать в «серьезной прозе». Может, у меня и не было никакого детства?)

Даже в таком дохлом туловище, которое мне досталось в наследство от алкаша Петровича, запасов хватит на пару недель. Но мои амбициозные планы простирались гораздо дальше. Следовательно, туловище придется кормить. Понемногу, дешевыми, но здоровыми продуктами.

Поэтому я начал с малого. Пошел в местный ЖЭК и устроился дворником. Директора противоречивые чувства раздирали так, что лицо перекосилось по диагонали. С одной стороны, дворники славянской национальности в нашем городе встречаются редко. Возьми он меня – из соседних домоуправлений ходить будут на экскурсии. С другой стороны, прежний владелец тела имел репутацию устойчиво-негативную.

С третьей стороны, жилье у меня есть, не нужно напрягаться по поводу служебной квартиры.

Эта – третья – сторона и стала, видимо, решающим аргументом.

– Смотри, Петрович! – сказал директор. – Пропьешь лопаты – выселю к хренам собачьим.

Тут он что-то вспомнил и хищно напрягся:

– Та-а-ак! А ты ведь у нас в злобных неплательщиках…

– Был, – покаянно сказал я и даже понурил голову, – но начал исправляться. Первый платеж произведен.

Директор перезвонил бухгалтеру, потом приказал принести какие-то ведомости, долго изучал и сказал:

– Ну-ну…

Чтобы окончательно задобрить работодателя, пришлось написать заявление, по которому половина зарплаты автоматически уходила на погашение долга.

В результате дворником я стал, но свободного капитала должно было хватить только на удовлетворение основных нужд. А нужно было одеться, купить кое-какие материалы… да и дом слегка обставить не мешало бы.

Пораскинув мозгами, я отправился в гастроном.

* * *

Бригадир грузчиков раза три осмотрел меня, прежде чем ответить.

– Не понял, – сказал он, – это прикол такой, да?

Я был вынужден внутренне с ним согласиться. По сравнению с бригадиром и его дюжими парнями выглядел я несколько смешно. Но внешне изобразил бравость и готовность к проверке боем.

– Я жилистый! Ты испытай меня, командир!

«Командир» ему понравился. Грубая лесть – что может быть приятнее для скудного духом и умом?

Полдня я таскал ящики от грузовика в подсобку. Не знаю, куда отправилась душа Петровича, который наградил меня таким изношенным телом, но икалось ей в тот день изрядно. Последний ящик я тащил почти на ощупь – перед глазами плясали красные тени. Даже бригадир впечатлился моим трудовым героизмом.

– Хорош на сегодня, – сказал он почти уважительно. – Держи зарплату.

И сунул в руки пакет с чем-то тяжелым. Я с трудом кивнул и, по-прежнему ничего не разбирая перед собой, осторожно

выбрался на улицу. Присел на бордюр и на ощупь определил – в пакете бутылка. Сначала была мысль вернуться и потребовать деньги, но… ее тут же сменила идея получше. Я отнес бутыль домой и рассмотрел ее. Это оказалась ярко-красная жидкость марки «Радость алкаша». Припрятав бутыль, полежал немного, приходя в себя, и занялся дыхательной гимнастикой. Дворником я начинал трудиться только с завтрашнего утра, но сегодня меня ожидало еще одно дело.

После гимнастики принял душ, снова пожелал душе Петровича всяких неприятностей и завалился спать. Проснулся, когда за окном было уже совсем темно. До покупки часов было пока далеко, и я осмотрел улицу, чтобы сориентироваться по времени. Удовлетворенно хмыкнул: ларьки как раз закрывались. Память прежнего хозяина подсказывала, что вот-вот стукнет одиннадцать, и торговля спиртным замрет в летаргии до девяти утра. Я даже почувствовал рефлективное желание немедленно побежать и успеть, но удержался.

Вышел минут через пять после закрытия киосков, бережно неся за пазухой драгоценную бутыль. Подошел к киоску и стал ждать. Очень скоро появился клиент – подвыпивший мужик в мятом спортивном костюме и с зажатыми в кулаке бумажками. Он поколотил в запертое окошечко, быстро прошел путь от уговоров до угроз в адрес невидимого продавца и развернулся, чтобы повлечь свою жажду в неуют квартиры.

И тут ему явился спаситель в моем небритом лице.

– Не продают? – сочувственно спросил я.

Мужик ответил в том духе, что нужно сурово наказывать тех, кто принимает такие дурные правила торговли.

– Хочешь, выручу? – спросил я и показал мужику горлышко с куском этикетки.

Он сразу посветлел лицом и выдохнул:

– Скока?

Я назвал. Он немного поторговался для виду, но выложил требуемую сумму, да еще и поблагодарил на прощание.

И я отправился домой, цитируя по памяти Маркса: «Нет такого преступления, на которое не пойдет капиталист ради 300 % прибыли, хотя бы под страхом виселицы».

Виселица мне точно не грозила, но и норма прибыли была, прямо скажем, поменьше трехсот процентов.

* * *

Следующие пару месяцев превратились в унылую каторгу.

На рассвете я вставал, чтобы прибрать свой участок. В девять, а то и десять пробегался по чердакам да подвалам (за них я отвечал тоже). Потом легкий завтрак – и в магазин, таскать ящики. Обед, час вынужденной сиесты, во время которой отхожу от красных кругов перед глазами, снова двор, еще пару часов магазина, ужин, час-два сна и, наконец, утоление страждущих у киоска.

Самое противное, что в любой момент я мог эту каторгу бросить, свалить в неизвестном направлении, сиганув с крыши. Вряд ли мне попадется еще более неудачное тело. Но за пораженческие настроения я себя всячески клеймил и устраивал выволочки. Очень мне хотелось доказать себе, что я сильнее любой судьбы.

Эх, если бы не насквозь прогнившее туловище… Иногда плакать хотелось от бессилия. Попадись мне эта оболочка хотя бы лет десять назад, когда она еще хоть как-то функционировала! Я бы ее до ума довел, была бы как новенькая. Но что тут сделаешь, когда циррозная печень дышать мешает.

Правда, материальное благосостояние росло неуклонно.

За квартиру платил регулярно, директор ЖЭСа нарадоваться не мог моему перерождению, которое он почему-то записал на свой счет. Я не спорил.

Питался скромно, но правильно. Любой диетолог пришел бы в умиление от моего меню: белки, жиры, углеводы и витамины в строгом соответствии с рекомендациями Минздрава. И по самым низким ценам, как любят говорить рекламщики.

Купил и кое-какие принадлежности для осуществления главного плана. Время от времени устраивал перерыв в карьере грузчика и учил свои руки рисованию. Способности способностями, а техника техникой.

Очень быстро погасил долг полутезке-участковому. И, как показал опыт, не зря. Мои вечерние торговые операции скоро стали ему известны. Если бы не хорошее отношение, получил бы я к своему циррозу еще и язву от казенной жрачки. Ну или, как минимум, отбитые в результате «сопротивления при задержании» почки.

А так Вениамин Петрович просто зашел в гости, сделал внушение и намекнул, что слишком нагло я себя веду. Я божился, но не слишком усердно, но за предупреждение расплатился честно – бутылкой вполне питьевой водки. Поскольку разговор происходил после двадцати трех, участковый водке обрадовался и забрал, пообещав для приличия, что вернет при случае.

Я с тех пор перестал нарываться на рожон. У киоска просто поджидал «клиентов», многие из которых узнавали меня в лицо,

отводил в подъезд и уж там без лишних глаз доставал из тайника спасительную жидкость.

Бизнес мой рос и ширился, принося основную часть дохода.

И наступил момент, когда он вырос и расширился настолько, что начал кое-кому мешать.

* * *

У меня еще днем было тяжелое предчувствие. Я, правда, не понял, что это предчувствие. Просто ломало организм по полной программе. Видимо, я все-таки переоценил его утлые возможности. Кости ломило, в низу живота тянуло, голова кружилась, а самое неприятное, что красные круги перед глазами появились не после перетаскивания тяжестей, а до. От верной бутылки за работу грузчика пришлось отказаться. Даже поел немного больше обычного: тушеная фасоль с картошкой и апельсин.

Но все равно в глазах было темно, когда я вышел на вечерний свой промысел. Поэтому и не заметил вовремя четырех крепких парней в кожанках, которые поджидали у киоска. А когда заметил, двое уже взяли меня в клещи, а один зашел сзади.

– Приторговываешь? – спросил самый угрюмый из парней.

Я изобразил радушие, насколько смог.

– Да нет, наоборот. Тут, говорят, один мужичонка по вечерам бухло толкает, – я принялся осматриваться в поисках самого себя, – может, видали?

Моя актерская игра не произвела на них никакого впечатления. Похоже, парни за мной наблюдали, прежде чем перейти к активной фазе. И, возможно, не один вечер. Вон того костлявого я вроде как вчера обслуживал.

– Видали, – беседу со мной продолжал все тот же угрюмый.

«Главный, – понял я, – нужно его уболтать…»

Но тут мои рассуждения были прерваны весомым аргументом, зажатым в кулаке того, кто был сзади. Кажется, это была монтировка…

* * *

Голова лежала отдельно от туловища. Я поднял руку и пощупал затылок. Что-то мягкое и шершавое. Пахнет химией и немытым мужским телом.

А еще почему-то темно.

– Где я? – лучшего вопроса в мою тугую голову не пришло.

– В больнице, – нехотя ответили слева. – В девятке.

– А почему темно? Ночь, что ли?

На сей раз ответ последовал после небольшой паузы и уже справа.

– День… Ты че, не видишь?

– Не-а, – я пощупал верхнюю часть головы, но повязки на глазах не обнаружил.

– Ясно, – без энтузиазма прокомментировал голос слева.

– Обход уже был? – спросил я.

– Был, – буркнули слева, и я решил пока воздержаться от содержательной беседы.

Я попытался ощупать себя на предмет других ранений, кроме очевидного сотрясения мозга. Ребра все целы… на руках пару ушибов, это, наверное, когда падал… ноги целы, шевелятся, боли нет… цирроз на месте… почки не задеты.

Создалось такое ощущение, что удар по затылку монтировкой был единственным. И, к сожалению, не смертельным. Я малодушно огорчился: ну что стоило ребятам тюкнуть меня посильнее? Сейчас кайфовал бы в оболочке какого-нибудь профессора или банкира. Или популярного певца – давно меня не заносило в артиста. А так… Лежу тут с чугунной башкой, да еще, похоже, и ослепший.

И в туалет жутко хочется.

Я попытался встать, но голова весила не менее полутонны.

– Сестра! – крикнул я. – Можно мне утку?

Никто не отозвался.

– Сестра! – я повысил голос. – Утку бы мне, а? Очень нужно!

Послышалось какое-то шевеление и шарканье.

– Утку, – виновато повторил я, протягивая на звук руку, – а то сил нет терпеть.

В руку ткнулось стекло утки.

– Спасибо, сестричка! – сказал я как можно душевнее, пристраивая утку.

– Какая я тебе, нахрен, сестричка? – недовольно проскрипел мужской голос. – Тут сестричку только на доллар заманить можно. И поосторожнее там, это моя персональная утка!

* * *

Несколько дней я надеялся, что обойдется, зрение вернется. И действительно, иногда в глазах немного светлело, я мог разглядеть палату и силуэты соседей. Но очень быстро

возвращалась полная тьма. Лечащий врач на обходе был не слишком любезен, на все вопросы отвечал: «Расслабьтесь, всех вылечим» – и старался побыстрее проскочить нашу палату.

Тут лежали все «непрестижные», а доктор спешил к «престижным». Это мне объяснил Макар Антонович, тот самый сосед, что поделился уткой в первый день. Он вообще оказался мужик неплохой и душевный, хотя душевности своей стыдился и все норовил нахамить. Это у него получалось плохо – время от времени прорывался правильный русский, который отличает учителей-языковедов советской закалки. Я прямо спросил – он прямо ответил, что учителем он был раньше, а теперь обуза на шее родного государства.

Четверо других были тоже обузами разной степени тяжести. Двое бомжей, которые всячески старались оттянуть выписку, стонали и жаловались на все подряд. Фрезеровщик Егор, едва не лишившийся пальца, выйдя на смену пьяным. Этот ни о чем другом говорить не мог, кроме как матерно крыть заводское начальство, периодически расширяя круг виноватых до правительства. А еще с нами лежал совсем молодой мальчишка. По голосу ему было лет двадцать. Я его сначала принял за медика – слишком квалифицированно он обменивался терминами с лечащим врачом – но потом соседи со смехом объяснили, что Санек тут от армии косит. Он все медицинские справочники наизусть выучил, лишь бы не отдавать долг Родине.

Никого из нас никто никогда не навещал, даже нянечка убирала раз в три дня, поэтому все страшно возбудились, когда в палату заглянул посетитель. Им оказался мой участковый, Вениамин Петрович.

Он был очень смущен, притащил апельсины (цитрусовый запах сразу перебил больничные ароматы). Меня почему-то называл на вы.

– Вы, Петрович, не волнуйтесь, мы этих гадов найдем! Я даже подозреваю, кто это, – участковый понизил голос, – таксисты местные. Они раньше… хм… этот бизнес контролировали. А тут вы…

– Тезка, – взмолился я, – мы же вроде на ты были?

– Ну да, – он замялся, – я же тогда не знал, кто вы…

И он поведал удивительную историю. Оказывается, меня нашли вовсе не на остановке, а в моей собственной квартире. Дверь была открыта ключами. Нехитрый скарб перерыли, вытащили все деньги и все спиртное. Когда туда прибыл Вениамин Петрович, чтобы составить протокол, наткнулся на мои наброски, заинтересовался… ну и прихватил с собой.

– Вы не думайте, – извинялся участковый, – я не чтобы

присвоить. Просто… понравились очень. Решил показать одному… Есть у меня один знакомый искусствовед… или что-то вроде…

И вот показывает мой полутезка эскизы искусствоведу, а тот за сердце хватается. «Боже! – кричит. – Это же талант! Самородок! Смотрите, как он стремительно прогрессирует!»

– Он там еще что-то говорил, – вздохнул участковый, – только я не запомнил. Он очень просил о встрече… Но я решил сначала с вами посоветоваться. Вы ведь не против?

Башка гудела, и я не мог сообразить, против я или нет. Я быстро провел подушечками пальцев по казенному одеялу. Нащупал на нем выпуклый узор и принялся его поглаживать. Как я выяснил в результате экспериментов, это нехитрое действие меня успокаивает.

А теперь пожмякать панцирную сетку – мозги прочищает.

– Этот профессор предлагает, – продолжил Вениамин Петрович, не дождавшись ответа, – подучить вас немного. А потом персональную выставку. Он говорит, вы талантливый художник, один на миллион…

И тут раздался хохот фрезеровщика:

– Твою ермолку! Художник, блин! Он же слепой, как чучело! Ты чего, командир, не заметил?

Я кожей почувствовал, как окаменел участковый.

– Нне может быть… Как?..

– А вот так, – грустно отозвался я, вызвав новый приступ веселья фрезеровщика. – Тюкнули эти таксисты мне по затылочку монтировочкой – и все. Полная темнота.

Со стороны койки Макара Антоновича раздалось приглушенное шипение. Наверное, бывший учитель пытался урезонить ржущего пролетария. Добился он только того, что фрезеровщик от изнеможения перешел на похрюкивание.

– Ах, суки, – с чувством сказал Вениамин Петрович, – они же говорили… Ну я их найду!

Раздался грохот отодвигаемой табуретки, но я уже привел мысли в порядок и отпускать моего посетителя не собирался. Мои пальцы резвились среди пружин, и легкое покалывание бодрило не хуже крепкого кофе.

– Вениамин Петрович, – сказал я весело, – а приводите своего искусствоведа! У меня есть к нему предложение!

Из угла фрезеровщика донесся всхлип:

– Я щас сдохну!

* * *

– Слушай, Петрович, – сказал сосед слева, – а ты что, точно художник?

После визита участкового мой авторитет в палате вырос почти до уровня Путина.

– Учился, – коротко ответил я.

Не то чтобы брезговал беседой, но сосредоточился на другом. Мои пальцы и ладони шарили по одеялу, выискивая нужные шероховатости и выстраивая складки по определенной схеме.

– А че? – хохотнул фрезеровщик. – Был же глухой композитор! Че бы не быть слепому художнику?!

Теперь у него появилась новая тема для разговоров, и я искренне скучал по тем временам, когда выслушивал многоэтажные пожелания руководству завода.

Пальцы и ладони старательно отыскивали, выглаживали, сминали…

– Ну и как оно, – продолжал любопытствовать сосед слева, – много художники получают?

– Хрен его ведает, – тут я был совершенно честен. – Я ж только учился.

– И не узнал? – сосед был откровенно разочарован. – Чего учился, если расценок не знаешь?

– Ради идеи! – неожиданно подал голос пацан-«косильщик».

– Помолчал бы! – проскрипел Макар Антонович. – Что ж ты в военном комиссариате об идеях забываешь?!

В палате тут же завязалась живая дискуссия на тему «Духовное и материальное – что важнее?». Меня оставили в покое, всем кагалом навалившись на юного идеалиста.

Я продолжал свои манипуляции. Должно быть, со стороны казалось, что я просто нервничаю – руки снуют над одеялом, как ткацкие челноки. Иногда замирают, что-то сминают или разглаживают, снова проверяют. Я понимал всю степень риска. Молился богу, которого пока не встречал во Вселенной, чтобы искусствовед имел не только тонкую душу…

…И вздрогнул, когда услышал над самым ухом:

– Здравствуйте, любезнейший! Вы позволите присесть на вашу постель?

– Нет! – я испуганно раскинул руки над одеялом, как курица, которая пытается прикрыть птенцов от падающего камнем коршуна.

– О, – только и смог сказать гость.

– Вы его извините, – послышался голос Вениамина Петровича. – У него травма. Сотрясение мозга…

– …и потеря зрения, – добавил я. – Прошу простить, но садиться на кровать не нужно. Меня зовут…

– Александр Петрович, – сказал гость, – я уже знаю. А я Михаил Леонидович, кандидат искусств.

– Очень приятно, Михаил Леонидович, – я счел нужным слегка наклонить голову.

Впрочем, при этом старался не пошевелиться. Одеяло ни в коем случае не должно потерять форму.

– Как вы понимаете, – я старался говорить сухо, почти строго, – путь в изобразительное искусство для меня закрыт.

– Ну… – кандидат искусств явно пытался меня приободрить. – Медицина сейчас…

– Не с моими деньгами… Извините, что перебиваю.

Я вдруг понял, что вся палата превратилась в одно большое ухо. Это плохо… Могут украсть идею… Хотя кому тут красть? Не тот контингент.

– Поэтому мне пришлось изобрести новый вид искусства, – я сделал паузу. – Кинестетический. Или, если угодно, тактильный.

Кто-то – наверняка бывший учитель – уважительно прищелкнул языком. Фрезеровщик, к счастью, пока не видел причин для веселья.

– Это… – Михаил Леонидович пока не понимал, куда я клоню. – Это, простите, как?

– Дайте руку!

Я протянул обе руки в сторону голоса, ладонями вверх. После паузы (с участковым перемигивался, что ли?) искусствовед осторожно положил на них свою руку. Я аккуратно, но цепко ухватил ее и слегка пробежался пальцами. Теплая… кожа тонкая. Лучше не придумаешь!

– Не волнуйтесь, Михаил Леонидович, – я улыбнулся, искренне надеясь, что улыбка слепого не выглядит слишком жутко, – больно не будет.

Я аккуратно перевернул его руку ладонью вниз. Он все-таки был слишком напряжен…

– В таких случаях, – нервно сказал искусствовед, – врачи обычно врут: «Вы ничего не почувствуете!».

– О, нет! – таинственно сказал я. – Почувствуете! И еще как!

Я осторожно опустил его ладонь на одеяло.

– Ой, – сказал Михаил Леонидович как-то совсем по-детски. – Как… как странно…

Я порадовался. С первого раза попал на зону расслабления – хорошее начало. Рука кандидата искусств почти не сопротивлялась, когда я нежно передвинул ее вдоль одеяла.

Михаил Леонидович замер… и рассмеялся звонко и счастливо.

– Щекотно? – мой участковый, кажется, плохо понимал, что

происходит.

Как, надеюсь, и все остальные, кроме искусствоведа.

– Не-а! Здорово! Весело! Вот это да! А еще что у вас есть?

– Немного грусти, если позволите.

– Только потом верните в эту зону, ладно? – по голосу искусствоведа было понятно, что он улыбается.

– Любой каприз! – ответил я и передвинул его руку на десять сантиметров вправо.

* * *

Я как раз заканчивал небольшую композицию, когда в дверь мастерской постучали. Деликатно, нервно – это искусствовед Миша.

– Занят! – крикнул я.

У меня действительно сейчас был важный этап – придание профилю нужной шероховатости. Для этого нужно рассыпать крупный песок по поверхности, на которую нанесен клей. Сыпать нужно очень равномерно, чтобы не пришлось потом сдирать лишнее.

Но Миша постучал вторично. Это было странно. Обычно после моего «Занят!» он затихал на полчаса и стучать более не отваживался, только покашливал. Значит, причина есть, и неотложная.

– Минуту! – сказал я тоном потише, но засыпку завершил.

Тщательно протер руку ветошью (вдруг Миша наконец привел нужного человека?) и только после этого отпер. Запах чужого одеколона заставил сердце биться сильнее. Это был отличный одеколон, дорогой, не резкий. И нанесен без фанатизма, с чувством меры.

Его хозяин вполне мог оказаться человеком, который мне нужен. Поэтому я решил сделать вид, что не заметил его. Пусть посмотрит на товар без упаковки.

– Миш, – сказал я досадливо, – сколько раз я тебе говорил?

– Но тут…

И мой кандидат искусств вдруг осекся. Ага, значит, гость подал ему знак молчать. Отлично.

– Что «тут»? У меня сейчас клей застынет! – я вернулся к верстаку, пробежался пальцами по песку. – Что там у тебя?

Миша нес какую-то пургу про публикации в блогах, я досадливо морщился и работал.

Кое-где снял лишнее, чтобы тут же перекинуть на «лысые» места. Изгиб тщательно зашкурил. Проверил пластичную часть,

надавливая на нее то сильнее, то слабее. Приложился к наружной стенке щекой.

Гость оставался бесшумен. Либо он флегматик от природы, либо серьезно во мне заинтересован. Впрочем, одно другого не исключает.

– Слушай, – я перебил Мишу на полуслове, – мне наплевать, что и кто там написал в интернете! Я тебе сто раз говорил: мои работы нужно показать настоящему профи!

– Э-э-э… М-м-м… Ну-у-у… – содержательно отозвался искусствовед.

Кажется, он был чем-то очень сильно озадачен.

– Миш, – с ласковой угрозой попросил я, – уйди, а? А то как шарахну по башке шедевром!

Вдруг я почувствовал, что запах элитного одеколона ослабел. Он что, ушел? Черт! Надо было не ваньку валять, а сразу брать золотого тельца за рога!

Но расстроиться я не успел. У входа в мастерскую раздалось деликатное покашливание. Я резко повернулся на звук.

– Прошу прощения, – произнес глуховатый баритон. – Я услышал голоса, вот и спустился.

Молодец, мужик! Не стал возникать из воздуха, а инсценировал тактичное прибытие сверху.

– Добрый день! – Я изобразил смущение, нашарил на столе тряпку, принялся вытирать руки.

– Здравствуйте, – отозвался баритон.

– Это Дмитрий Алексеевич! – Миша явно испытывал огромное облегчение. – Он заинтересовался вашими работами, Александр Петрович. Я взял на себя смелость пригласить его сюда…

– Ой, Михаил Леонидович, – теперь я был сама любезность, – что же вы не предупредили? Я бы работу не затеял.

– Ничего-ничего, вы заканчивайте, а мы вас подождем в гостиной, да, Михаил? – Дмитрий Алексеевич говорил неторопливо, но как-то непрерывно, совсем без пауз на знаках препинания.

Получилось «Ничего ничего вы заканчивайте а мы вас подождем в гостиной да Михаил» даже без особенного вопросительного знака в конце.

– Я быстро! – пообещал я и мило улыбнулся.

Я уже успел выяснить у окружающих, что улыбка у меня ослепшего получается эффектная: жуткая и милая одновременно.

Гости вышли, а я несколько раз бесцельно протер композицию. Надо успокоиться. Разговор будет очень важный. Другого такого может и не случиться. Никаких эмоций внутри.

Побольше естественности снаружи.

Кто он? Какой Петрович ему понравится? Твердый и решительный профессионал? Или сумасброд-художник? Скорее, первый вариант. Но не факт…

Комната поплыла перед глазами…

Стоп! Я же слепой, что за новости?!

Только тут я осознал, что верчу в руках свою новую штучку, поглаживаю ее, то сильнее, то слабее нажимая на ее разные части. Нервные окончания на кончиках пальцах находят шероховатости, как клавиши на диковинном инструменте. И рождают мелодию в моей голове. Неожиданную мелодию.

Комната плывет, но я ее вижу!

Здесь очень темно, свет проникает только через приоткрытую дверь. Я усмехнулся – экономный Миша включает лампочку на потолке, только когда сам тут находится. И верно: зачем слепому свет?

Верстак темный, даже в полутьме он выглядит темнее всего окружающего. На нем в строгом порядке разложены инструменты. Порядок – мера вынужденная, иначе я буду шарить в поисках нужного напильника по полчаса. Выглядит это довольно зловеще: разложенные строго по ранжиру пилы, пассатижи, напильники, надфили, молотки и молоточки.

На стенах ничего нет. Или я просто не вижу? Трудно понять.

Смотрю на себя. Темная роба, вся в опилках и стружках.

Начинает покалывать в висках. Кажется, слишком большая нагрузка для моего не совсем здорового мозга.

Я выпускаю тактильную картину из рук – и сразу погружаюсь в привычную темноту.

Назову эту штуковину «Пианино». Или «Очки»?

В голове все еще плывет. Провожу рукой по робе – она вся в опилках и стружках.

* * *

Когда я переоделся и поднялся в гостиную, в ней пахло дорогим коньяком. Я даже не смог определить марку. Миша встретил меня у дверей и бережно препроводил в кресло.

– Коньячку? – бесцветно спросил Дмитрий Алексеевич из соседнего кресла. – Или это мешает творчеству?

– Ну… на сегодня я, кажется, закончил, – я пожал плечами и протянул ладонь на голос.

Рука, которая вложила в ладонь бокал, коснулась меня краешком, но и этого было достаточно. Холеная рука. Чистая, не

липкая. Здоровая кожа. Хорошо бы еще ногти потрогать, но и без них ясно, что эти руки никогда не держали в руках кайло.

Я приподнял бокал, приветствуя собравшихся, поднес его к носу и блаженно вдохнул.

Запах… Какой дурак сказал, что коньяки пахнут клопами? Коньяк пахнет летом. Не в смысле, что он издает аромат только в три летние месяца. Нет, зимой и летом он пахнет летом: полуденным солнцем; нагретой каменистой почвой виноградника; ягодой, которая когда-то была крупной, налитой соком, а теперь сморщилась на полпути к изюму; сохнущими досками из лимузенского дуба для бочки; и снова солнцем, но уже закатным…

Запах… Я всегда был неравнодушен именно к ароматам. Жаль, что мне ни разу не удалось побывать в шкуре парфюмера. Ах, какие букеты я бы создавал! Но ладно, тактильные картины – тоже неплохой выбор. В каком-то смысле даже лучший, ведь до меня их никто не делал. По крайней мере, я о таком не слышал.

И вкус оказался хорош. Виноградный сок, густой и тягучий, без лишнего сахара, без видимых признаков спирта. Немного растворенная и чуть подогретая виноградина. И что-то еще, для чего есть только одно определение – «вкус хорошего коньяка». Если бы Миша еще догадался предварительно разогреть бокал…

Но, знаете, это все увертюра. Самое интересное начинается потом, когда напиток скатывается по пищеводу в желудок. Тут следует замереть и ждать. Резкое жжение говорит о подделке. Отсутствие реакции пищевода – тоже о подделке, но уже другого типа. Правильный коньяк должен разогревать внутренности медленно, но неуклонно.

Кажется, я до сих пор под воздействием «Пианино». На лирику тянет.

Я выдохнул с искренним блаженством.

– Да вы гурман, – в голосе гостя не было насмешки. – Сразу видно художника.

Миша еле слышно сопел на диване.

– Я ведь не настоящий художник, – признался я.

И вдруг вспомнил, что с момента переселения в нынешнюю оболочку я еще ни разу не потреблял алкоголь. А такой алкоголь, кажется, не потреблял никогда.

– Я знаю, – сказал Дмитрий Алексеевич. – Я внимательно изучил вашу биографию. Особенно с момента, когда она решительным образом изменилась.

Я напрягся.

– И работы ваши очень интересны.

– Вам что больше понравилось? – встрепенулся я.

Это хорошая тема, можно попытаться понять больше об этом странном человеке.

– Все, – ответил Дмитрий Алексеевич.

– Дмитрий Алексеевич, – чуть не с придыханием подсказал Миша, – скупил все, что у нас не было реализовано.

Оно, конечно, хорошо…

– И все-таки? – я грел бокал в руке.

– Под настроение, – ответил гость. – Когда хочется отдохнуть – «Эдем». Когда взбодриться – «Левиафан», посмеяться – «Варежки на рыбьем меху»… У вас очень своеобразный талант.

Все правильно. Все мои кинестетические игрушки так и действуют. «Эдем» массирует кожу головы, «Левиафан» покалывает все тело (неделю его отлаживал!), «Варежки» – портативная щекоталка пассивного типа. Но ему нравится все в равной степени. Хотя начал все-таки с отдыха… Допустим…

Я пригубил. Нет, коньяк пока не разогрелся до нужной кондиции. Для этого напитка очень много значит температура. Плохой бренди при нагревании становится отвратительным. Качественный продукт превращается в нектар.

– Дмитрий Алексеевич! – сказал я проникновенно. – Давайте к делу. Я хочу признания. Не только вашего или Михаила Леонидовича. И не только в желтой прессе. Я хочу, чтобы профессионалы признали меня своим, чтобы появились последователи…

– То есть вы хотите славы? – уточнил гость.

– Почти. Мне не нужна любая слава. Мне нужна слава в кругу людей, которые в этом что-то понимают.

– А деньги?

– На операцию. Говорят, зрение еще можно вернуть. Да и кроме операции, хотелось бы себя немного подлатать. В остальном у меня скромные запросы.

Я еще раз попробовал напиток. Уже почти температурная норма.

Воспользовавшись паузой, Миша похвастался:

– Александр Петрович замечательно готовит из очень дешевых продуктов! Хотите?

– Может быть, позже, – теперь гость говорил мягко. – Хорошо, я понял вас. Я планирую провести вашу выставку в одной очень престижной галерее. Но мне нужно гораздо больше… м-м-м… объектов. Около сотни.

Сердце ухнуло.

Все получилось очень просто. Так не бывает.

– Сколько времени вам нужно, чтобы изготовить сто тактильных картин?

Я облизал губы. Надеюсь, это не выглядело слишком пахабно.

– Полгода.

– Понятно. Тогда через три месяца – маленький вернисаж-анонс. Все, что успеете к этому сроку.

Моя рука механически поднесла бокал к губам и вылила коньяк в рот. Это меня парадоксальным образом отрезвило.

– Финансовые условия простые, – Дмитрий Алексеевич, судя по паузе, тоже отхлебнул, – я покрываю расходы, прибыль делим пополам.

И вдруг мне захотелось увидеть его, моего Мефистофеля, бога из машины, чертика из табакерки. Человека, который пришел и вот так запросто дал мне будущее. Пусть не мне – мое будущее скрыто во тьме веков, так сказать – но художнику, который чуть не погиб в этом алкаше Петровиче.

– Я хочу показать вам последнюю работу, – я поднялся, беспомощно тыча в пространство пустым бокалом.

Немедленно появилась рука Миши, которая выхватила бокал из рук.

– Принести? – спросил искусствовед.

– Я сам.

Гость ничего не сказал. Я спустился в подвал, вернулся с «Пианино» в руках, а он не произнес ни слова. Миша пытался развлечь его каким-то разговором, но получался неровный монолог. Хотя, возможно, гость отвечал кивками и мимикой.

Снова оказавшись в кресле, я принялся поглаживать «Пианино».

– Это штуковина нового типа, – сказал я. – Можно назвать ее… например, динамической кинетической картиной…

– Прошу прощения, – перебил меня Дмитрий Алексеевич, – но это сложно. Как насчет «щупалки»? Или «терки»?

Это замечание несколько сбило меня с мысли. Наверное, поэтому «Пианино» никак не начинало действовать.

– Нет, – сказал я, – я бы не хотел таких странных названий.

– Как знаете, – а вот теперь в его голосе послышалась легкая ирония.

Я, наконец, нащупал конфигурацию, которая дала эффект. Из мрака вырисовывались неясные контуры.

– Итак, – продолжил я. – Эту картину я назвал «Пианино». Чтобы оно… «зазвучало», нужно не просто прикоснуться к поверхности, а двигать по ней ладонью, продавливая поверхность в определенных точках.

«Пианино» работало, но как-то странно. Только себя я видел отчетливо, все прочее – стены, обстановка, Миша, гость – продолжали оставаться тенями и контурами с размытыми

краями.

Я растерянно замолчал. Гость пришел ко мне на помощь.

– Простите, могу я попробовать?

Я безропотно протянул «Пианино». Некоторое время ничего не было слышно, кроме осторожного шуршания да Мишиного сопения. Когда он старается дышать потише, сопение выходит особенно противным.

– Чудесно, – сказал Дмитрий Алексеевич. – Не сразу удается нащупать, но потом…

– Что вы видите? – кажется, я спросил слишком резко.

Это все Миша со своим сопением!

– С открытыми глазами – не вижу, а слышу. Удивительные звуки. Не музыку, а… звуки все время меняются, предугадать невозможно, но в целом – очень гармонично… А когда закрываю глаза…

Снова пауза. Я непроизвольно подался вперед, как будто мог заглянуть в картину, которая раскрылась перед гостем.

– Вижу все так, как будто глаза открыты…

– Четко видите? – опять я, кажется, слишком нервничаю.

– Не все… только то, что хорошо запомнил. Все остальное – очень смутно… Кажется, эта штука… визуализирует память, я бы так это назвал.

Я откинулся в кресле. «Визуализирует память»… А я-то губу раскатал.

Только сейчас я понял, как мне хотелось снова стать зрячим. Пусть даже с помощью этой безделушки.

– Отличная вещь, – сказал Дмитрий Алексеевич. – Сможете сделать еще парочку в том же духе?

* * *

Утро после вернисажа оказалось очень тяжелым.

Если не считать меценатского коньяка, который мы пили в день знакомства, все время после больницы я спиртного в рот не брал. Хотя иногда подмывало, особенно перед сном, когда руки уже ходят ходуном от усталости, а в мозгу еще клокочут идеи новых поверхностей. Но я удерживался, всякий раз спасало «Пианино». Оно словно вымывало мысли и эмоции, мир начинал звучать (нащупал я и музыку, о которой рассказывал тогда Меценат). Так и засыпал, с «Пианино» в руках.

Но на фуршете пришлось пить. С журналистами, с инвесторами, а хуже всего – с художниками. Эти приперлись явно бухнуть на халяву, но какое-то извращенное чувство

собственного достоинства не позволяло им потреблять чужое вино без виновника торжества.

Вот моя циррозная печень и не выдержала.

Черт! Если бы я знал, что народу будет так много!

Я застонал.

– Доброе утро! – раздался бодрый голос Миши. – Вот, выпейте, триумфатор вы наш!

Я был готов убить эту сволочь здоровую. Выпил небось не меньше моего, а хоть бы хны. Миша вложил в мою руку стакан с чем-то холодным и шипящим. Я приложил стакан ко лбу. Немного полегчало.

– Это растворимый аспирин, – осторожно сказал Миша, – его пить надо.

– Меценат порекомендовал? – мрачно осведомился я.

– Дмитрий Алексеевич, – подтвердил мой импресарио. – Да вы пейте!

Я стал пить. Как обычно, Меценат заранее знал, что мне поможет.

Он вообще все знал заранее. Разве что в каких-нибудь мелочах путался. Но основные вехи моей жизни отслеживал исключительно точно. Однажды вызвал «скорую» за полчаса до того, как у меня прихватило сердце. Они приехали, пытались возмущаться, он платил какие-то деньги, чтобы они подождали… и они дождались. Смотрели на Дмитрия Алексеевича потом, как на нечистую силу. Самое смешное, что я о приезде «скорой» не знал, работал себе в подвальчике, а потом чувствую – что-то мне дышать трудно. А тут и врачи под рукой оказались…

Оказался он прав и сейчас. Аспирин приглушил ноющую боль в голове, да и тошнить, кажется, стало поменьше.

Я сел в кровати и, противу ожидания, это действие не вызвало катастрофических последствий.

– Вы пока посидите, Александр Петрович, – Миша обрадовался еще больше, – а я вам газетки почитаю. Вот, «Московский комсомолец»… ой… Я лучше другое что-нибудь…

– Миша, – строго сказал я, – если утаишь от меня правду, выгоню из импресарио!

Угроза была липовой. Мой импресарио меня полностью устраивал. Под невзрачной Мишиной внешностью скрывался свирепый бухгалтер. Ни один журналист не мог похвастаться, что побеседовал со мной бесплатно. Все попытки очернить мое имя пресекались жестоко, но не сразу. «Пусть, пусть раздуют скандальчик, подогреют интерес публики, – говорил в таких случаях Миша, – тут-то мы их и прихлопнем рубликом». И всегда прихлопывал.

Но Миша все равно испугался. Вернее, очень натурально изобразил испуг.

– Хорошо! Но вы не волнуйтесь, тут есть… не очень хвалебные слова…

– Вот если «эМ-Ка» меня хвалить начнет, я тебя точно выгоню!

– Читаю, – торопливо отозвался импресарио. – «8 мая в галерее Звягинцевой состоялась…» Э-э-э…

– Миша! – я грозно сдвинул брови.

– «…состоялась, как мы сначала подумали, презентация новой московской помойки. Ан нет! В салоне обосновался вернисаж скандально известного художника…»

– «Художника» в кавычках?

– Да, – виновато признался Миша.

– Так и читай – «художника в кавычках»!

Я улегся на кровать, но не потому, что стало плохо. Наоборот, хотелось с максимальным комфортом насладиться этим опусом.

– «…художника в кавычках Добрышева. Впрочем, этот… в кавычках… деятель искусств совершил полезную для общества работу, собрав металлолом с улиц города. Удивляет другое – удивляют доверчивые посетители, которые гладят эти железяки, надевают их на головы и даже (ужас какой!) лижут их…»

Этот пассаж меня заинтересовал.

– Правда лижут? – спросил я, массируя виски.

– Художник Луговой лизнул «Антрацит», – сознался Миша. – Но я сразу же пресек. Дальше читать?

– Давай.

– «Все эти чесалки хороши для спин бомжей, которые…» – импресарио вдруг запнулся.

– Миш, – сказал я озаренно, – ты им сколько заплатил?

– Да как я мог?!

Менее опытный человек услышал бы в его голосе только гнев праведный. Но я знал Мишу не первый месяц и поэтому погрозил пальцем. Мой импресарио понял, что запираться бессмысленно, и вздохнул:

– Пять штук евро… Но был уговор, чтобы без намеков на прошлое!

– Ничего, ты еще в суд на них подашь, – давясь от смеха, предположил я.

Миша засопел теперь уже с искренним возмущением:

– Я бы и так подал. Мы договорились: я подаю, они извиняются, подписываем мировое… и они получают пять тысяч. Теперь три получат, подлецы!

Я хрюкнул. Миша, с его тонкой натурой, умел найти

неожиданное оскорбление. Я сам был свидетелем, как он смертельно унизил одного бизнесмена. Бизнесмен в «ревущие девяностые» явно поднялся на рэкете, и прошедшие годы не изгладили память об этом. Когда Миша, дико извиняясь, отказался продать мое любимое «Пианино» за бешеные деньги, бизнесмен обложил его с ног до головы виртуозным многоэтажьем. А в ответ услышал тихое: «А вы… дурак!». Хорошо, что Меценат не допустил мордобоя, в котором у Миши не было ни единого шанса. Но несостоявшийся покупатель долго еще орал из прихожей: «Меня! Дураком! Ты знаешь, кто я, сука? А меня дураком! Ты у меня кровью умоешься!».

Кстати, потом Миша ему под видом «Пианино» втюхал один из неудачных проектов за половину первоначально предложенной бешенной суммы.

– Миш, – спросил я, вытирая слезы с невидящих глаз, – а почему нельзя было просто заказать им ругательную статью? Официально?

– Во-первых, так никто не делает, – снисходительно ответил он. – Во-вторых, пришлось бы платить налог, что подняло бы цену на…

– Все-все! – я поднял руки, сдаваясь. – Ты прав. Ладно, хрен с ним, с «эМ-Ка». Где-нибудь хвалят?

– Да все остальные хвалят! Причем бесплатно!

Импресарио тут же стал зачитывать самые яркие панегирики. Я лежал и думал: «Интересно, чем он больше гордится – нашим успехом или тем, что за хвалебные статьи не пришлось платить?»

* * *

Сидя в теплом и мягком кресле, так приятно слушать, как шелестят банкноты! Особенно когда осознаешь, что эти банкноты тобою честно заработаны.

– Восемнадцать тысяч, – бормотал Миша. – Раз, два, три…

– А можно, – неожиданно для себя попросил я, – я возьму пачку?

– Вообще-то это и так все тебе, – удивленно сказал Меценат.

– Это только наличные! – торопливо уточнил Миша. – На первоочередные нужды! Остальное на карточке и на счету. Часть на…

Я замахал руками, Миша тут же заткнулся.

– Не в этом смысле. Я потрогать хочу.

– Конечно, – по голосу Мецената было ясно, что он улыбается.

Я протянул руку, в ней тут же оказалась пачка бумажек. Я

поводил подушечкой пальца по верхней. Рельефный рисунок. Кажется, это называется «металлография».

– Вы думаете, – в голосе импресарио дрожала обида, – мы вас обманываем?

– Да нет, – ответил я. – Просто интересно.

– А-а-а! – догадался Дмитрий Алексеевич. – Ищешь тактильные картинки?

– «Щупалки», – мстительно уточнил я, – и «терки»!

Меценат усмехнулся:

– Я же тебе сто раз говорил: это не я, это так народ назвал.

Я бросил пачку на стол.

– Нет там никаких «терок». Просто шершавая бумага.

Меценат хмыкнул. Миша вернулся к своей бухгалтерской рутине. Я протянул руку к столику – и тут же ощутил в ней теплый бок бокала с коньяком. Улыбнулся Меценату с благодарностью.

– Ну что, – сказал Меценат, – осталось склепать еще три десятка терок. И сотня к выставке готова.

– Восемь, девять, десять… – бубнил Миша.

– Все проданные работы на выставке тоже будут, – продолжил Дмитрий Алексеевич. – С табличками «Куплена таким-то».

Все это он уже говорил, так что я даже не кивнул, потягивая ароматнейшую из отрав.

– Слушай, Петрович, – Меценат вдруг стал серьезным. – Надо тебя врачу показать.

– Ай, – отозвался я.

Миша перестал шелестеть банкнотами.

– А что, – спросил он, – у вас… предчувствие?

По-моему, импресарио всерьез считал Диму колдуном и ясновидящим.

– Типа того, – отозвался Меценат. – Ты как себя чувствуешь?

– Отлично я себя чувствую!

«Вот только работать лень», – признался я себе.

– С сегодняшнего дня в твоем доме дежурит бригада кардиологов.

– Слушай…

– Не спорь, мне лучше знать!

– А мне лучше не знать! И вообще, я хочу зрение вернуть!

Я кожей почувствовал, как Миша сжимается в математическую точку – объект, не имеющий размеров. Да, в гневе я страшен!

– Мы же договорились, – Меценат успокаивающе положил мне руку на колено, но я ее стряхнул, – сразу после выставки едешь в Германию. Но пока надо следить за здоровьем…

Я фыркнул.

– Пожалуйста, – очень тихо попросил Меценат.

Не знаю, что на меня нашло, но сейчас он меня раздражал – всегда правый, знающий все наперед, благородный и честный. Наверное, этим и раздражал.

– Пошел к черту, – сказал я и сунул руку с бокалом в сторону Миши.

Тот беззвучно уволок опустевшую тару, но взамен ничего не подал.

– Эй, импресарио! – прикрикнул я. – Еще коньяку!

Возникла пауза. Даже без «Пианино» я отлично представлял ее себе в лицах: Меценат строго качает головой, Миша умоляюще складывает руки на груди…

– Ладно, – Дима говорил с трудом, как будто у него глотку заложило. – Еще один. Последний.

* * *

Это был отличный рабочий день. Накатило вдохновение, я сварганил две довольно большие конструкции, в которые нужно забираться голышом… ладно, хотя бы в нижнем белье. Кое-что требовало доводки, но не сильной – конструкции были не жесткие, качались и гремели, и в этом был свой кайф. Уже ложась спать, я вдруг понял, что неоправданно ограничиваю область воздействия. Почему только осязание? Ведь можно использовать и звуки, и запахи…

Запахи! Я даже сел в кровати. Ну я и олух! Как я не сообразил сразу?!

Я снова лег, набрасывая в уме общие схемы: тактильная музыка дополняется звуковой какофонией и аромовоздействием. Надо только придумать, как изменять гамму запаха. Вентиляторы? Пожалуй. Что-то вроде ароматизаторов в салонах машин…

За дверью моей спальни послышался подозрительный шум. Кажется, Миша кого-то не пускал ко мне. С большим трудом не пускал, с кряхтением и довольно громкими увещеваниями. Странно. Нежелательных гостей отсекает охрана, а желательные с такой экспрессией ко мне не ломятся.

Я прислушался.

– Дмитрий Алексеевич… Он спит уже… Целый день работал…

Ого! Миша не пускает самого Мецената! А тот, вместо того чтобы пустить в ход свое хваленое красноречие, молча

прорывается…

Нет, уже не молча.

– Ушел отсюда, понял! В ухо сейчас дам!

Все вентиляторы и схемы окончательно вылетели из моей головы. Дмитрий свет Алексеевич был, судя по голосу, мертвецки пьян! Это событие я пропустить не мог.

– Миша! – крикнул я. – Да пусти ты его! Не сплю я!

Миша пробурчал «Ну вот, разбудили», и дверь распахнулась. Спальня тут же заполнилась благородным ароматом свежевыпитого… нет, не коньяка! Виски! Сегодня в лесу перемерла вся крупная живность.

– Ну? – весело спросил я. – Какие новости?

Послышались шаркающие шаги, и дверь с треском захлопнулась. Немедленно раздался сдавленный стон Димы.

– Блин! Где тут у тебя свет включается?

– Нигде! – я по-прежнему веселился. – Мне он ни к чему. Садись куда-нибудь, а то зашибешься!

Раздалось еще несколько сдавленных стонов, сопровождаемых краткими эпитетами, – и кровать тихо охнула, придавленная чреслами Мецената.

– Тут сидеть буду! – объявил он.

Запах виски усилился. Послышалось ритмичное бульканье.

– А мне? – поддразнил я.

– У тебя нос… в вине! – Дима рассмеялся собственной остроте, и в смехе было нечто от сумасшествия.

Мне стало уже не так весело. «Может, Мишу кликнуть?» – подумал я. Наверняка импресарио прилип к двери и готов прийти на выручку.

– Слушай, Саня, – сказал Меценат грустно, – не умирай, а?

– Никогда?

– Ага! Давай жить вечно! И умрем в один… То есть не умрем ни в один день!

Я усмехнулся.

– Я-то готов. А вот в тебе не уверен.

– Да хрен с ним – со мной! Ты, главно, не умирай, да? Если и ты еще…

Снова бульканье. Я открыл рот, чтобы уточнить, что значит «и ты еще», но Меценат снова говорил.

– Я мог их всех спасти, ты понял? Надо было просто все сделать правильно! А я не смог! Хотя я ведь пер по колее! Потому что мне надо туда попасть! И все исправить… Но тебя!.. Но ты!.. Я так думаю, тебя можно спасти, и не сходя с колеи! Понимаешь? Ты живой?! Тебе плохо?!

Эк его расколбасило…

– Я живой, – успокоил я разволновавшегося Диму, – мне не плохо. Мне удивительно. Какая колея? Что ты несешь?

– Да неважно! Колея у каждого своя… Просто…

Он вдруг опустился до театрального шепота.

– Я живу уже во второй раз…

Я окаменел. Или поплыл. Или черт знает что со мной стало. «Во второй раз»? Он – такой же, как я?! То есть не совсем такой, я-то уже тысячный раз живу, или стотысячный, а он – всего второй… Но он – тоже?.. Я не один такой в мире?!..

Да, кажется, сегодня мне пригодится помощь бригады кардиологов, что вторую неделю тусуется в домике для гостей. Сердце работает с перебоями.

– Ты… – я вдруг понял, что не могу подобрать нужное слово, – ты… переселяешься в другие тела?

Сказал – и стало мучительно стыдно. Есть вещи, которые оказываются глупостями, как только произнесешь их вслух.

Хорошо, что Меценат смертельно пьян.

– Нет, – ответил он, нимало не удивившись, – я в свое тело вселился. Но по второму разу. Я, понимаешь, жил, жил… А потом ррраз…

Наверное, он что-то показывал руками, забыв про темноту и мою незрячесть.

– …и я снова молодой. – Меценат явно хвастался. – Но все помню! Все будущее помню! И про Тошку, и про отца, и про тебя…

Тут он снова встревожился.

– Только ты не помирай, ладно? Нет, когда-нибудь потом, когда будешь старый и дряхлый – тогда ладно… Тогда все помрем. Но в ближайшее время… Нет, я точно скажу: 13 августа помирать не смей! А то я тебя…

И вдруг он заплакал. Горько и жалко, как ребенок, который смотрит на любимого щенка и просит: «Шарик! Ко мне! Встань, Шарик!». А Шарик валяется на дороге, сбитый самосвалом, и может только поскуливать. Я нашел руку Мецената и погладил ее.

– Дима, ты чего? Ты успокойся!

Он не схватил мою руку, наоборот, словно столбняк на него напал. Сидел и шептал:

– Не умирай!.. Я никого!.. Все… так хоть ты!..

Я гладил его по руке, но он плакал все горше и горше.

– Миша! – негромко крикнул я.

Тут же распахнулась дверь, и Миша, причитая и успокаивая, повел Мецената из спальни.

* * *

Мы ни разу не вспоминали события того вечера – ни я, ни Меценат, ни тем более Миша. Но по мере приближения 13 августа мне становилось как-то не по себе. Вот странно: неисчислимое количество раз приходилось умирать, даже убивать себя или лезть под пули – никогда не было страшно. Наверное, потому, что смерть была всегда либо внезапной, либо спланированной. А тут… Я впервые понял, что это такое – страх смерти. Он ведь был и у меня когда-то… наверняка был, но выветрился за время болтания от тела к телу, от оболочки к оболочке. И вот – проснулся снова.

Я много и с фантазией работал. Миша стоял на стреме, отлавливая папарацци и что-то делая с моими деньгами (он рассказывал про какие-то вклады и фонды, но я старался не вникать). Меценат периодически заезжал, спрашивал, не нужно ли чего. Дважды мягко предложил пройти обследование у специалистов. Один раз я мягко отказался. Второй – 11 августа – согласился. И, судя по вырвавшемуся у Мецената вздоху облегчения, спас себя от многочасовой лекции о пользе медицинских обследований.

Врачи не нашли ничего нового, кроме повышенной усталости и некоторого восстановления зрения. Действительно, какие-то сполохи перед глазами я рассмотрел, но назвать это «зрением» смог бы только безудержный оптимист. Меценат был весел, много говорил о том, как будет здорово, когда (после выставки, разумеется!) я отправлюсь к немецким кудесникам от офтальмологии. Но не забыл по привозе меня домой сдержанно отчитать Мишу за мое переутомление. Миша только пыхтел, даже не пытаясь оправдываться. Заставить меня отдохнуть не смог бы сейчас никто.

Ожидание 13 августа, ожидание неминуемой смерти странным образом повлияло на мою работоспособность. Я словно боялся чего-то не успеть. Как только появлялась возможность, бросался к верстаку и гнул, пилил, точил, заливал, шлифовал…

Иногда мне начинало казаться, что Меценат устроил инсценировку тем вечером. Изобразил пьяного, набормотал непонятного и пугающего, объявил дату «смерти» – все ради повышения производительности творческого труда.

Однако я вспоминал его слезы… Слезы были настоящие. Это зрячего можно обмануть, подсунув ему душещипательную картинку. Когда живешь в темноте, начинаешь различать малейшие нюансы интонации. Дима ревел совершенно искренне, и про 13 августа он ничего не придумал. Он знал.

В конце концов, если есть я – специалист по путешествию между телами, почему бы не быть Диме – специалисту по предсказанию будущего? Он, правда, еще говорил, что живет не в первый раз… Но об этом я старался не думать. Слишком сильное потрясение я тогда пережил. Сначала – надежда найти собрата. Потом – жестокое разочарование.

Так или иначе, вся коллекция, которую мы собирались представить на выставке в сентябре, 12 августа была готова.

* * *

Я сидел у верстака в полном спокойствии и с непривычным ощущением – не нужно спешить, придумывать, делать, подгонять. Рядом сидел Меценат. Мы наблюдали, как рабочие выносят последнюю композицию. Вернее, Меценат наблюдал, а я слушал. Композиция была жесткая, угловатая, рабочие шепотом материли ее, вытаскивая на улицу. Там их ждал бдительный Миша, который придирчиво разглядывал, не сломали ли бесценное произведение искусства.

– Как ты ее назвал? – спросил Меценат.

– «Сотка». Она же сотая, последняя.

– И что она делает?

– Ничего.

Меценат хохотнул. Мне стало немного обидно, ведь сначала он должен был спросить: «Как ничего?». Я бы ответил: «А так – ничего!», а потом после уговоров рассказал бы ему свою идею. Вот после этого можно было и хохотать.

– Обиделся? – голос Мецената звучал виновато. – Извини. Просто… я сообразительный. Решил показать поклонникам язык?

– Решил. Наверняка найдется какой-нибудь особо чувствительный, кто скажет, что в «Сотке» у него селезенка екает или камни из почек выходят. А остальные подхватят.

Меценат хохотнул еще раз. Так уже было. На весенний вернисаж одну работу – «Аврору» – притащили ненастроенную. Я приехал на экспозицию только после обеда (телевизионщики задержали), что не помешало нескольким поп-звездам заявить, что у них в «Авроре» возникает неодолимая эрекция. Некоторые, говорят, даже демонстрировали восхищенной публике. Поп-идол прошлого Николай Лебяжий со слезами на глазах просил продать ему композицию немедленно, так как у него молодая жена и большие планы на медовый месяц. Я, когда все это узнал, разозлился и не стал ничего настраивать. И эти уроды всю недели ходили на мой вернисаж повышать себе потенцию!

А вообще-то «Аврора» при правильной настройке вызывает светлую печаль и лечит бессонницу.

Поэтому я и решил сотворить «Сотку» – чтобы поиздеваться над теми, кто ни хрена не понимает, но очень любит понадувать щеки. Так сказать, новое платье короля.

Мы немного помолчали.

– Как себя чувствуешь? – спросил Меценат.

– Нормально.

Я взял со стола «Пианино» и принялся вертеть его в руках. Отчего-то мне не хотелось продавать эту безделушку. Возможно, потому что зрячий человек не сможет по-настоящему оценить все ее достоинства.

– Ничего не болит?

– Ничего… Устал просто…

Я пробежался пальцами по внутренней поверхности «Пианино». Вокруг посветлело.

– Я знаю, тогда ты мне не поверил, – Меценат говорил твердо.

Когда-то мне казалось: если он говорит твердо – значит, совершенно спокоен. Теперь знаю, что в такие минуты Меценат напряжен, но полностью себя контролирует. «Пианино» под пальцами зазвучало сильнее, я разобрал силуэт у двери. Меценат стоял, привалившись к косяку и сложив руки на груди. Или мне так казалось.

– Когда «тогда»?

– Когда я напился. Я нес пургу, как тебе казалось.

Мастерская была залита ровным сумеречным светом. Я мог разобрать очертания и крупные детали любого предмета. Лицо Мецената по-прежнему оставалось в тени.

– Да уж, – согласился я. – Бред полнейший.

– Это не бред. Сейчас я трезв. И могу повторить многое из сказанного.

Я водил по «Пианино» всей ладонью. Освещение нарастало, как в кинотеатре после окончания сеанса. Появились цвета, мелкие детали. Теперь казалось, что на лице Мецената – глухая черная маска. А на теле – бесформенный плащ.

– Значит, – сказал я спокойно, – завтра я умру? И ты подгонял меня, чтобы я успел к выставке?..

– Не совсем… Не только. Я по-прежнему думаю, что тебя можно спасти. Во всяком случае, сделаю все от меня зависящее.

В мастерской стало совсем светло. Лицо и фигура Мецената притягивали мой незрячий взгляд. Чернильное пятно на яркой картине.

– А почему ты думаешь, что я умру именно завтра?

– Я не думаю. Я знаю.

Послышались мягкие шаги. Чернильное пятно приблизилось ко мне. Меценат понизил голос:

– Можешь считать меня психом…

– Уже считаю, – мне хотелось перевести все это в шутку. – Нормальный человек в меня не стал бы вкладываться.

Черное лицо и размытый плащ совсем близко.

– А знаешь, почему я рискнул? – Меценат даже и не думал шутить. – Потому что я не рисковал. Я совершенно точно знал, что твои «терки» станут модными и дорогими игрушками в Москве этой осенью. Потому что… потому что я живу в этом времени второй раз и знаю… то есть помню, что и как должно произойти.

Я напряженно вслушивался в голос. Да, он волновался. Да, боялся сорваться. Но при этом оставался абсолютно искренен. Не удивлюсь, если я первый, кому он эту фантастику рассказывает.

Фантастику? Уж моя корова лучше молчала бы.

– Твои тактильные картины станут началом нового направления в искусстве. Через полгода Москву и Европу наводнят подделки под тебя. Потом появятся настоящие последователи. Они не будут копировать, начнут изобретать, пойдут гораздо дальше тебя, начнут играть с воздухом и водой. Но все равно ты останешься первым.

Он замолчал. Кажется, не слишком-то легко даются ему эти воспоминания.

А я вдруг понял, что мне режет руки – так сильно я сжимаю «Пианино». Я торопливо разжал ладонь. Воображаемый свет погас, я снова оказался в темноте.

– И тогда… когда ты жил в первый раз, – уточнил я, – тринадцатого августа я умер?

– Да.

– Не понимаю, – сказал я, – чем тебе моя смерть помешает? Наоборот, повысит продажи.

– Возможно. Но… я хочу тебя спасти. Если я ничего не сделаю – это будет убийство.

Перед глазами стояла темнота, но в этой темноте я различал сгусток чего-то еще более темного. Чернильное пятно на черном бархате.

– Ладно, – сказал я. – Выглядит это все бредово, но тебе это, я вижу, важно. Завтра буду делать все, что скажешь.

* * *

Есть огромное удовольствие в том, чтобы лежать в кровати

и чувствовать себя совершенно здоровым. Вокруг люди, проводами какими-то опутывают тебя с ног до головы, еду-питье приносят по первому зову. Пытались уговорить пользоваться уткой («А еще лучше – катетером!»), но тут уж я взбунтовался – навевало неприятные воспоминания о больнице. Пока сидел на толчке, бригада эскулапов под дверью чуть сама не померла от напряжения. Не знаю, заплатил им Миша, или Меценат обработал, или оба постарались, но врачи тряслись над моей нежной жизнью, словно полдюжины кровных братьев.

Впрочем, как потом оказалось, многие работали не за страх и даже не за деньги. Просто были счастливы лицезреть такую знаменитость. Одна девочка-сиделка Наташка мне очень нравилась. Голос такой, что только в «Сексе по телефону» работать. И очень смешливая. Я ей из озорства «Пианино» подсунул, она полчаса с ним забавлялась, визжала от восторга и, набравшись наглости, попросила подарить.

– Вот помру, – весело ответил я, – можешь забирать.

Бедняжка от страха аж дышать перестала. Нет, наверное, без запугивания тут все-таки не обошлось.

А у меня появилось время подумать. Логически порассуждать. Если Меценат не врет, сегодня я умру. Почему-то я ему верил. Но умереть в таких комфортных для здоровья условиях… Нет, вряд ли. Даже если бы не было вокруг меня толпы спасателей жизни и дорогостоящего оборудования, как-то не верилось, что вот вдруг возьму и преставлюсь. Мне приходилось пару сотен раз скоропостижно отбрасывать коньки, но всегда были объективные причины: стресс, удар молнии, камень в голову, нехватка кислорода вследствие пережимания дыхательных путей подушкой…

Мне стало жалко Мецената. Я-то что, перепрыгну в здорового, зрячего, а он останется тут с чувством вины церетелиевского размера.

Я попросил позвать Дмитрия Алексеевича.

Он пришел взволнованный, и мне для начала пришлось уверить его, что ничего страшного с моим драгоценным здоровьем не происходит, просто хочу поговорить. Услать весь медперсонал из комнаты он решительно отказался, оставил Наташу, следящую за приборами. Пришлось говорить намеками.

– Помнишь, – сказал я очень убедительно, – ты пересказывал мне фантастический роман? Там еще один человек получал шанс прожить свою жизнь заново.

– Помню, – медленно ответил Меценат.

– Мне это напомнило, – продолжил я, – другой роман. Там душа человека… Нет, лучше так: личность человека

перепрыгивала из одного тела в другое. Все думали, что она умирает, а она на самом деле просто путешествовала.

Я замолчал, ожидая реакции. Дождался реплики Наташки.

– Ой, извините, я, наверное, это читала. Это «Кочующий мозг», да? Про реинкарнацию? Такой бестселлер?

– Нет, – немного раздраженно ответил я. – Мозги не кочуют. И я говорю об очень редкой книге. Возможно, она существует в единственном экземпляре.

– Хм, – наконец отозвался Меценат, – интересный роман… А я вот буквально сейчас читаю рассказ. В нем один человек, умирая, придумал сказку для родных и близких, будто он не умирает, а переселяется в другое тело. Знаешь, как называется рассказ? «Не дурите мне голову».

Я вздохнул. Ну почему никто не верит, когда говоришь чистую правду? Я ведь ему поверил! Хотя откуда я знаю – правду он мне рассказал или…

– Слушай, – сказал я, будто что-то вспомнив, – а тот твой роман про повторную жизнь, он ведь тоже называется как-то похоже? «Брехня» или «Я это выдумал», кажется?

– Он называется «Чистая правда», – возразил Меценат.

Мы помолчали. Наташка больше не осмеливалась встревать в разговор.

– Ладно, – примирительно сказал Меценат, – может, тебе надо чего-нибудь?

Я вдруг понял, что вижу его… то есть слышу его в последний раз в жизни. И мне очень захотелось его увидеть.

– А можно, – я говорил быстро, чтобы не успеть застесняться, – я тебя потрогаю?

– Хм… в смысле?

– Лицо! Только лицо!

– Ну… хорошо.

Я протянул руки туда, откуда шел голос. Меценат, наверное, немного нагнулся, чтобы мне помочь, потому что я вдруг ощутил его лицо обеими ладонями сразу. Провел пальцами вверх, пока не оказался на лбу.

Все эти месяцы я старался сохранить чувствительность подушечек, иначе не смог бы мастерить свои картины. Специальной губкой промывал их и даже чуть-чуть зачищал. Так что теперь они больше походили на усики муравья, которыми он ощупывает все, что попадается на пути.

Лоб у Мецената оказался высоким и гладким. Немного жирный, но не слишком. Вряд ли он блестит. Морщин пока нет – только заготовки под них, тоненькие горизонтальные канавки. Волосы начинаются довольно высоко. Я не удержался и пощупал

меценатову макушку.

– Нет лысины, – усмехнулся он, – не волнуйся.

– А у тебя какого цвета волосы?

– Русые. Седины почти нет.

Я вернулся к лицу. У основания носа нащупал характерную ложбинку.

– Ты что, очки носишь?

– С детства. Врожденная дальнозоркость. Сейчас снял, чтобы тебе не мешать.

– Дай потрогать!

Тонкие очки с толстыми стеклами. Легкие, наверное линзы пластиковые. Одна линза толще другой. Я вернул очки с некоторым сожалением. Почему-то меня огорчило, что у Мецената плохое зрение. Мне хотелось, чтобы он оказался безукоризненным.

Итак, нос. Мощный, длинный, без горбинки. Глаза… неглубоко под надбровными дугами.

Уши… Большие, прижатые к черепу.

Щеки гладко выбриты. Даже под нижней губой, где я никак не могу полностью изничтожить растительность, у него ничего не нащупывается. Губы не тонкие и не толстые. Не хитрец и не обидчивый.

Подбородок без ямочки. Мощная шея.

– Борьбой занимался?

– Еще в школе. А вообще это у меня конституция такая, мы в роду все… крепкие.

Я обвел лицо пальцами по диаметру. Да, широкое лицо, но не круглое. И не толстое.

Опустив руки, я нашарил на одеяле «Пианино».

– Да ладно, – сказал Меценат, поняв мою задумку, – не спеши. Скоро свозим тебя в Неметчину, после этого сможешь увидеть меня воочию.

Но я продолжал манипуляции. Пальцы были разогреты, и очень быстро я увидел перед собой силуэт Мецената. Больше всего он напоминал мультяшного персонажа, нарисованного Хитруком: крупные линии, незавершенные овалы.

И тут я почувствовал, что у меня начинают чесаться лопатки.

– Ой, – сказала Наташа и вдруг заорала. – Сюда! Мозг!

* * *

Врачи оказались отличными профессионалами. Никто не орет: «Что за херня?!» или «Да не может этого быть!». Деловито

суетятся вокруг, бросая короткие команды и сообщая непонятные и неинтересные мне сейчас показатели. И еще вводят что-то в трубочку, которая торчит из меня.

Я всматриваюсь в лицо Димы. Никто не вырывал у меня из рук «Пианино» (и попробовал бы он вырвать!), я по-прежнему играю на нем. Лицо Мецената вырисовывается все четче и четче. Оно уже не мультяшное, приобрело полутона и мелкие детали. Может быть, это мое подсознание постаралось, но теперь я вижу его глаза – очень перепуганные, за толстыми стеклами. Стекла для дальнозорких увеличивают, поэтому глаза кажутся расширенными от ужаса. Но это иллюзия, на самом деле они просто перепуганные. На висках выступили малюсенькие капельки пота.

Нестерпимо пахнет валерьянкой.

Я вдруг соображаю, что переход на сей раз что-то уж затянулся. Обычные несколько секунд давно истекли. Я прислушиваюсь к голосам врачей.

– Это не инсульт… Давление в норме.

– А энцефалограмма?

– Все так же…

Да, это не их заслуга, не их лекарства так подействовали.

Объяснение может быть только одно. Это «Пианино». Что-то оно разладило у меня в голове, и теперь тело меня не отпускает.

Сначала я радуюсь. Теперь я не «умру», и Дима не будет так переживать. Но тут же мою радость остужает скепсис. Я держусь в этой оболочке, судя по всему, только благодаря «Пианино». И что теперь – непрерывно теребить его в руках? Я пальцы в кровь сотру… Хотя нет, не успею, раньше меня одолеет сон. Человек без сна может прожить всего пару суток, меньше, чем без воды. Я проверял, я знаю.

И валерьянкой пахнет все сильнее.

– Дима! – говорю я. – Я не врал, ей-богу. Я… я воскресну.

Чувствую, что несу полную чушь. Надеюсь, доктора слишком заняты, чтобы вслушиваться. Воображаемое лицо Мецената искажает гримаса недоверия.

– Я потом напишу тебе! – у меня появилась идея. – Я напишу кодовое слово, чтобы ты знал – я живой. Только в другом… другой оболочке.

В присутствии врачей не могу произнести «в другом теле».

– Какое? – он, кажется, мне верит.

Ему очень хочется мне верить.

От запаха валерьянки у меня свербит в носу и текут слезы.

– Скажи сам.

Он наклоняется к моему уху и шепчет. Это целое

предложение.

Я смеюсь.

– Я тебе напишу, – говорю я. – Удачи с выставкой.

И перестаю тереть «Пианино».

Свет гаснет…

Личность вторая
ПСИХОЛОГ

…чтобы ярко вспыхнуть.

Я снова вижу.

Я в оболочке, которая принадлежит зрячему.

Более того, зрячему, который развалился на шезлонге под ярким солнцем – пусть и в темных очках. Отлично. Будет время спокойно разобраться, кто я теперь. В руке – холодный стакан. Пробую. Это апельсиновый сок.

Очень кстати, при такой-то жаре.

Прикрываю глаза, делая вид, что дремлю. Шарю в новой памяти.

* * *

У меня огромная статистика переселений из тела в тело, и могу сказать со всей определенностью: наверное, есть все-таки какая-то высшая справедливость на свете. Не зря я так упирался, выводя алкаша Петровича в признанные художники. За это меня отблагодарил кто-то там, наверху. Моя новая оболочка оказалась благополучной, ухоженной и очень для меня комфортной.

Вся жизнь проходит перед глазами.

У других это происходит в последний миг, а у меня – в первый. У других перед глазами проходит своя жизнь, у меня – чужая. Другие от этого впадают в панику, я испытываю любопытство.

Сергей Владимирович Супонев, 41 год, женат, дочке 17 лет, доход выше среднего…

Что самое приятное – психолог.

То, что нужно. И перековываться ни в кого не придется. Беглый самоанализ показал, что прежний владелец рано угадал свою функцию тела, еще в школе зачитывался «Играми, в которые играют люди», закончил психфак, убедился, что высшее образование не имеет никакой ценности в реальной жизни (разве что позволяет с легкостью жонглировать умными словами). Стал практикующим психоаналитиком, для чего еще шесть лет учился у хороших профессионалов. Во время бума тренингов не только срубил бабла, но и обзавелся связями, грамотно распорядился деньгами, создал солидную фирму.

Не катается как сыр в масле, но и не экономит. Канары

круглый год ему не по карману, но Египет-Турция в октябре и марте его (меня) не разоряют.

А сейчас октябрь и, соответственно, Шарм-аль-Шейх. Прошло всего два дня отпуска, впереди еще четырнадцать дней… то есть ночей, потому что турфирмы продают не дни и даже не сутки, а именно ночи. Хороший номер с новым кондиционером. Жена Антонина на соседнем шезлонге (очень ухоженная дама, не скажешь, что ей почти сорок). Дочка Настя осталась дома, у нее намечается турнир по удивительному виду спорта под названием «дебаты». Кто кого языком перечешет. У Насти это получается отменно. Я почти не помогал, разве что генами. Болтливость у нас наследственная.

Хорошо, когда валяешься вот так, беззаботно. Бродящие мимо арабы по слабости загара опознают в тебе новичка, то и дело подходят, чтобы всучить абонемент на массаж или в ресторан «а-ля карте», но мы калачи тертые, хотя пока и не загорелые.

– Ноу, тэнк ю, – отвечаем мы с женой поочередно.

Хотя могли бы и по-русски. Тут он не в таком почете, как в Хургаде, но элементарные фразы понимают все. Особенно если в них присутствуют числительные и слова «доллар» или «фунт».

Отель не просто пять звезд, а пять очень неплохих звезд. «Руссо туристо» очень мало, что очень нравится всем, и нам в первую очередь.

– Хочу есть, – заявляет Тоня, не отрываясь от книжки «Фэн-шуй в вашем доме».

Она всегда хочет есть в тот момент, когда рестораны закрыты между завтраком и обедом. Напитки ее не устроят, она хочет именно что есть, жевать, умять что-нибудь калорийное. У нее отличная конституция, жиры и углеводы проскакивают насквозь, не оседая на бедрах и животе. Не то что у ее мужа. Скашиваю глаза на собственный животик… Ладно, пусть будет, не собираюсь больше истязать себя диетами.

– Есть хочу, – повторяет жена тоном выше.

Это серьезно. Как подсказывает чужая память, можно взять такси и рвануть в город. Там мы уже знаем небольшой ресторанчик, где много лет столуемся. Правда, это довольно бессмысленно – проще и быстрее дождаться открытия какого-нибудь ресторана в отеле. Обычно господин Супонев в таких ситуациях призывает все свое красноречие и умение манипулировать людьми, лишь бы не совершать лишних телодвижений, но у меня отличное настроение. И мне хочется им поделиться. Я бодро поднимаюсь с шезлонга.

– Ты чего? – жена смотрит на меня с томным удивлением.

– Поехали в город. Али будет рад.

Но она не торопится подниматься.

– Сереж, ты серьезно? Или это такая новая терапия?

– Серьезно, – я с удовольствием расправляю плечи. – У меня было видение. По дороге расскажу.

* * *

Пока мы доехали до Али, я успел вкратце рассказать видение о слепом художнике, но Тоню оно не впечатлило.

– Я же тебе еще месяц назад про него рассказывала! Никогда меня не слушаешь!

Я попытался откопать в памяти упоминание о себе предыдущем – и не смог. Это не значит, что жена Супоневу ничего не говорила. Вполне может статься, что у него, как у многих бывалых мужей, в среднем ухе вырос фильтр. Этот фильтр отбрасывает всю ерунду, которой жены пытаются забить головы мужчин. Работает он очень просто: как только супруга начинает извергать информацию о разводах звезд, новых платьях, интригах на работе и прочий «белый шум», фильтр глушит ее, посылая в мозг команду: «Жена говорит». По этой команде мозг приказывает голове ритмично покачиваться, обозначая согласие, а рту и голосовым связкам – периодически издавать междометия из набора «Да-да, я тебя слушаю».

Тут же всплыло воспоминание об обещании, которое я дал Меценату. Меня перекинуло всего на пару месяцев, но за это время Дима мог черт знает чего надумать. Скорее всего, решил, что я все-таки развел его с переселением душ.

Ладно, зайду в интернет-клуб, напишу ему. Но не сейчас, а в последний день. С Мецената станется приехать сюда и начать выяснять, кто отправлял мейл. А встречаться с Димой что-то неохота. Он будет видеть во мне все того же слепого художника, который нуждается в заботе и спасении, а я уже совсем другой. Что поделать, оболочка влияет на меня, деформирует мою внутреннюю сущность. Обратная психосоматическая связь.

Да и мне не слишком хочется увидеть, каков он на самом деле.

А самое главное – о чем нам говорить? Да, оба мы странные, но каждый по-своему. Очень по-своему…

– Сереж, ты меня слышишь?

Ну вот, пока предавался воспоминаниям, проворонил реплику жены. Такое ощущение, что противоженский фильтр достался мне по наследству вместе с головой.

– Прости, задумался. Что?

– Я говорю, художник тот умер. Там темная история. Говорят, его спонсор прикончил. Хотя дело, конечно, замяли, при таких-то деньгах.

Мы шли по пыльной улице, она несла какую-то чушь о гомосексуальных взаимоотношениях в богемной среде, а я старался не упустить ни слова.

«А ведь она несчастна, – подумал я. – Имея под рукой мужа-психолога, обросла кучей комплексов, обжилась в них».

Ну вот, кажется, у меня и тут появилось дело, тяжелое, но благородное.

У самого входа в ресторанчик Али я осторожно притянул ее к себе и поцеловал в щеку.

– Ты чего подлизываешься? – в голосе Тони была подозрительность.

И еще что-то.

«Ты больше не слепой! – напомнил я себе. – Смотри! Глаза, мимика, жесты!»

Глаза, мимика и жесты робко шептали о том, что супруга психолога Супонева соскучилась по поцелуям без повода посреди улицы.

* * *

Тоня не знала что и думать. Ее муж, общение с которым давно сводилось к обмену короткими информационными сообщениями да сексу по нечетным пятницам, вдруг начал обращать на нее внимание.

Бедняжку это явно пугало. Особенно когда муж после ужина не пошел по обыкновению посидеть в одном из бесчисленных кафе за стаканом коктейля, а повел ее бродить по отелю, покупать симпатичные безделушки и пахучую парфюмерию.

А потом, когда они вернулись в номер…

– Уфф, – сказала усталая, довольная и встревоженная Тоня, – вот это да. Ты что, любовницу себе завел?

– Ага, – ответил я. – И сейчас валяюсь с ней на кровати в полном изнеможении.

Я обнял ее покрепче и засунул подмышку. И почувствовал, что до конца она так и не расслабилась.

Не форсируя события, я продолжал ухаживать за Антониной весь отпуск. Ей нравилось. Она начала доверчиво улыбаться. Она не искала подвоха, когда я обсуждал с ней, какую экскурсию выбрать (а не решал, по обыкновению, все сам). От секса млела совершенно искренне.

И все-таки не выбиралась из раковины совсем. Я понимал, даже без психологического образования Супонева, что Тоня в любой момент готова нырнуть назад в свой панцирь напускного безразличия и легкой иронии.

Это было обидно. Не могу сказать, что влюбился в нее без памяти, но Тоня мне нравилась. Ее хотелось защитить и спрятать от всех плохих дядь. А когда она улыбалась, что-то внутри меня расправлялось, как цветок под солнечными лучами, и ответная улыбка появлялась сама собой. Тоня заслуживала счастья, и кто его должен обеспечивать, как не родной муж?

За день до возвращения мы поехали на морскую прогулку. Стояли на задней палубе, смотрели в неестественно синее Красное море и болтали, не боясь никого смутить. Экскурсия была для итальяшек, никто нас все равно не поймет.

– Не веришь мне, Тонька, – я гладил ее по загорелому плечу и улыбался профессионально-понимающей улыбкой.

– Верю, – в доказательство она коснулась моей груди щекой. – Ты правда хочешь мне… чтобы я была счастлива, но…

Она слегка пожала плечами, не найдя нужных слов. Вернее, слов, которые бы меня не обидели.

– Но мы вернемся, – помог я, – и все вернется на свои места?

Тоня не ответила, и это было лучшим ответом.

– Я снова буду весь в работе, – говорил я больше для себя, – а ты дома. Будешь ходить в свой бридж-клуб и болтать с подружками по телефону. Восточной мудростью голову себе забивать. По субботам или мы в гостях, или гости у нас. И еще Настя…

– Насте я уже не нужна, – грустно отозвалась Тоня и снова приложилась щекой ко мне. – Она умница. Даже с танцулек вовремя приходит.

Слово «танцульки» она произнесла с еле уловимой завистью. Может, дело в том, что в юности Антонина сама занималась танцами?

– Слушай, – предложил я, – а пошли на танцы!

Тоня оторвала взгляд от гипнотизирующего пейзажа и испытующе посмотрела на меня:

– В «Клеопатру»? Я там буду смотреться ископаемым!

«Клеопатрой» звался местный ночной клуб, куда мы как-то сходили от нечего делать. Там тусовались такие сопливые девчонки, что Тоня мигом затосковала и попросилась в отель, якобы по причине накуренности в помещении.

– Нет, – улыбнулся я, – я имею в виду… давай найдем у нас какой-нибудь танцевальный клуб. Хочу научиться всяким вальсам-тустепам.

Тоня отвернулась к морю, но по ее выразительно замершей спине я понял, что она ждет продолжения. Ей требовалось рациональное объяснение причуды мужа. Без объяснения она решила бы, что я просто треплюсь, чтобы сделать ей приятное.

– У нас же двадцать лет свадьбы! – сказал я, приобнимая супругу. – Хочу сплясать на юбилее!

Плечо под рукой осталось неподвижным. Нужна была более убедительная причина.

– А вообще-то, – виновато вздохнул я, – пора мне что-то с фигурой делать.

И похлопал себя по шаровидному образованию над шортами. Тоня бросила заинтересованный взгляд на мое пузико. Кажется, теперь она поверила в серьезность моих намерений.

– А сможешь? – спросила она насмешливо. – У тебя же график.

– График – нафиг! – процитировал я любимую Супоневскую группу. – Два-три раза в неделю вечер выделить смогу. Ты-то как, хочешь?

Она снова пожала плечами. Но на сей раз плечи ее, кажется, подрагивали от нетерпения.

* * *

Больше в тот день мы о танцах не разговаривали. Однако вечером, сразу после неплотного шведскостольного ужина, я повел Тоню в подвал, где раскинулся местный интернет-клуб.

Жена сначала просто удивленно на меня смотрела, а когда поняла, куда мы пришли, стала почти таращиться.

– Будем выбирать секцию, – сказал я, усаживаясь перед свободным монитором.

Тоня бровями выразила окончательное недоумение.

– Ну клуб танцевальный, – пояснил я, – да ты садись, что торчишь?

Жена фыркнула, усаживаясь рядом:

– Ух… А я уж думала, ты мебель покупать решил. «Секцию»!

Сеть работала довольно шустро, и мы уже через пять минут вычислили три места для танцулек, расположенные вблизи нашего дома. Тоня сначала держалась слегка отстраненно, но когда я попытался взять на себя окончательный выбор, воспротивилась.

– Погоди! Нельзя так сразу! Давай отзывы почитаем, про тренеров узнаем…

Я порадовался и даже спровоцировал легкий спор на тему

«какой клуб лучше». И дал себя победить в этом споре. Только в конце огорчил очень довольную супругу.

– Извини… Мне нужно почту глянуть.

– Я тебя в кафушке подожду, – Тоня чмокнула меня в ухо и поднялась со стула. – В «Легато».

Я проводил ее взглядом. Возможно, мне показалось, но уходила она легким, танцующим шагом. Не обиделась. За долгие годы она привыкла, что муж-психолог не читает почту своих пациентов в ее присутствии.

Но сейчас меня интересовали не пациенты, и вообще не состояние супоневского почтового ящика. Нужно было выполнить обещание, данное Меценату. Я быстренько завел на бесплатном сервере адрес и начал набирать текст, косясь по сторонам. Не хотелось бы, чтобы в этот момент кто-то заглянул мне через плечо. А вдруг русскоязычный попадется? Фразу Меценат придумал того… с яркой экспрессивной окраской и нестандартным сексуальным содержанием.

* * *

И мы действительно записались на танцы!

Тоня в день первого занятия трижды звонила мне по пустяковым поводам, между делом интересуясь, не забыл ли я, чем мы собираемся заниматься вечером.

Я не забыл. Хотя народ ко мне валил, что называется, нескончаемым потоком. Строгая секретарша Валентина Аркадьевна с непреклонностью бетонной стены отфутболивала тех, кто не был записан на сегодня, но они все равно умудрялись прорываться. Якобы просто засвидетельствовать почтение и узнать, «как там на югах» – на самом деле с тайным или явным желанием выплеснуть все, что накипело на их истерзанных душах за время моего отпуска.

Мы с Валентиной проявляли чудеса изворотливости, чтобы не задерживать очередь. Мне это стоило обеденного перерыва. Чего это стоило секретарше, догадаться было невозможно. Валентина Аркадьевна, подтянутая, седовласая, стройная, очень напоминала гимназистку… Нет, скорее выпускницу института благородных девиц (мне довелось побывать там году эдак в 1916-м). С посетителями она управлялась только модуляциями голоса. Складывалось ощущение, что в этой несгибаемой женщине установлен терморегулятор интонаций: от нуля («Проходите, пожалуйста») до минус двухсот пятидесяти («Если вы, молодой человек, еще раз принесете сюда свои кастрюли, я буду

вынуждена обратиться в милицию»). Плюсовых интонаций от нее не доводилось слышать ни разу.

Мы с Валентиной прекрасно играли классическую пару «Плохой коп – хороший коп». Клиенты ее откровенно боялись, а многие и жаловались. Я сочувственно кивал, обещал повоздействовать, а возможно, и уволить к черту за нечуткость. Меня горячо благодарили, но к концу сеанса обычно оттаивали настолько, что уже в дверях просили:

– А секретаршу вашу, пожалуйста, не наказывайте! Я же понимаю, у нее работа такая…

Словом, в конце рабочего дня, убегая на танцульки, я искренне пообещал Валентине, что подниму зарплату. Она без улыбки протянула мне лист бумаги и ручку:

– Вот вам, Сергей Владимирович, бумага, пишите приказ.

– Завтра, Валентина, завтра.

– Завтра вы и не вспомните. Вы всегда только в первый день после отпуска о повышении говорите.

На том и расстались. Такая уж у нас, как подсказывала чужая память, традиционная шутка.

В клуб приехали к самому началу занятий, поэтому вступительное слово тренера пропустили. Впрочем, и не переживали по этому поводу. Встали в линию и принялись водить руками и ногами…

…Обратно ехали в молчаливом возбуждении. Я и не ожидал, что от дрыганья ногами может возникнуть такая неподдельная мышечная радость. Тоня щурилась и мурлыкала что-то про себя. Я прислушался: она отбивала счет: «Ча-ча-ча, два, три. Ча-ча-ча, два три…»

Настя уже спала, мы на цыпочках пробрались в спальню.

– Ужинать не будешь? – спросила Тоня.

– Да я, как ни странно, и не голоден.

– А я проголодалась, – жена вдруг обняла меня и принялась недвусмысленно оглаживать…

…Кажется, дочку мы все-таки разбудили. Но она девочка тактичная, поэтому не стала вламываться в родительскую спальню с вопросами, о чем это мы тут кричим.

* * *

Дважды в неделю мы отправлялись на танцульки, получая от этого ни с чем не сравнимое удовольствие. Я получал два удовольствия сразу: от движений под музыку и от осознания собственной мудрости. Дело в том, что Тоня на танцах расцветала

и становилась лет на пятнадцать моложе.

И это самым положительным образом сказалось на наших взаимоотношениях.

Так продолжалось две недели, а потом супруга неожиданно спросила:

– А можно, я буду еще в понедельник и среду танцевать?

Я задумался и виновато признался:

– Тош, у меня никак не получится.

– Да я вообще-то только про себя говорила… – Тоня уже погасла. – Ладно, извини, это я так…

Весь вечер она старательно делала вид, что все в порядке, но перед сном пожаловалась на головную боль и напилась снотворного. Я лежал рядом с женой, слушал ее неровное дыхание и пытался смоделировать ситуацию.

Теоретически, можно и мне напрячься, танцевать не два, а четыре раза в неделю. Но это временное решение. Тоня в точке неуверенного равновесия. Она пытается выйти из-под моего крыла, сделать что-то сама. Что-то, что позволит ей себя осознать. Пока что у Антонины было все одно доказательство собственного существования – дочка. Любому, кто спросит мою жену: «А что ты сделала в этой жизни?», она молча покажет на Настю, и этого окажется достаточно.

И все-таки, все-таки… Дочка уже большая. Значительная часть того, что она достигла – это не мамина заслуга. И не папина. А еще ей почти восемнадцать, значит, есть вероятность, что скоро она станет совсем отдельным человеком. Со своей судьбой, своей семьей. Наверное, даже со своими детьми. А Тоня останется одна. Только муж и танцы.

Танцы… Там она не просто моя жена. Там она особенная, она, может быть, даже лучшая. Во всяком случае, она кто-то.

И ей хочется увеличить этого «кого-то», дать ему побольше жизни и свободы.

Я лежал и думал, что мне делать с ее судьбой, потому что сейчас все зависело от меня. Представлял разные варианты, выбирал те, что окажутся для Тони более комфортными. И не всё в этих вариантах было хорошо для меня, ее мужа.

– Ничего, – прошептал я, – авось обойдется.

* * *

Следующим утром за завтраком я настолько рассеян, что сыплю в чай соль.

– Сереж, что-то случилось? – на лице жены такое

неподдельное сочувствие, что я не могу не поделиться заботами.

– Да тут предлагают расширение бизнеса… Деньги хорошие готовы вложить.

Задумчиво тру подбородок, Тоня встревожена. Она знает, что это сигнал крайней озабоченности.

– Что-то незаконное?

Усмехаюсь:

– Тонь, когда я незаконными делами занимался? Нет, законно, но хлопотно.

Она настаивает, чтобы я рассказал. Я ломаюсь немного, потом рассказываю, что нашелся человек, который хочет устроить психологические тренинги для подростков. Выезды на природу, ролевые игры. Тоня слушает меня, сложив руки в замок, смотрит в сторону, чтобы скрыть свою заинтересованность.

Я жалуюсь:

– Условия неплохие, но где я время возьму?

– Найми кого-нибудь.

– Пытаюсь. У нас этим никто сроду не занимался, опыта работы ни у кого нет. Конечно, желающих энтузиастов – море. Но…

Я пренебрежительно машу рукой.

– Я уже скорее тебя на эту работу взял бы.

Отхлебываю чай (уже с сахаром, Тоня заменила).

– Так возьми, – вроде бы в шутку говорит она.

Я улыбаюсь, отпиваю еще. Глаза мои сужены, я обдумываю предложение.

– Хм… Ну, не знаю…

Смотрю на часы.

– Тонь, если ты серьезно…

– Вполне.

– …то я только за. Жаль упускать такое предложение.

Встаю, делаю последний глоток из кружки.

– А что именно делать? – Тоня смотрит в глаза, старается сохранить спокойствие.

– А вот это и надо придумать. Плана пока никакого нет. Я побежал.

Иду в прихожую.

– Сегодня танцуем, не забыл?

– Конечно, помню! Я заеду!

Надеваю ботинки. Тоня выходит поцеловать на дорожку. В глазах у нее уже пленка, она уже придумывает. Мы чмокаем друг друга, и я убегаю.

Вечером возвращаюсь с работы пораньше. Объясняю, что одна из клиенток в последний момент попросила перенести сеанс. У

нас с Тоней остается время на легкий ужин.

– Ну что, – между прочим спрашиваю я, уплетая индюшачьи котлетки, – надумала?

Она не переспрашивает, о чем это я, молча выходит из кухни и возвращается с несколькими исписанными листками бумаги. Я читаю, поедая котлеты.

Это планы первых трех ролевых игр для детей. Очень неплохие планы. У меня на душе – смесь радости и печали. Радость оттого, что задуманный план осуществляется, как по нотам. Печаль оттого, что мне все яснее, чем это закончится.

* * *

Есть классический анекдот про русский бизнес (на самом деле не русский, весь мир так работает). Встречаются два бизнесмена. Одному нужен вагон алюминия, он готов купить его за миллион долларов. У второго есть вагон алюминия, он согласен продать его за миллион долларов. Бизнесмены бьют по рукам и расходятся: один – искать миллион долларов, второй – искать вагон алюминия.

Что-то подобное произошло и со мной, потому что, конечно, никаких спонсоров ко мне не приходило и никаких денег не предлагало. Была когда-то голубая мечта юности, да все руки никак не доходили.

Вот, наконец, дошли.

По счастью, большинство моих клиентов – люди с деньгами. И с детьми, возраст которых когда-то именовался «отроческим», затем «подростковым» и, наконец, «тинейджерским». Они с готовностью поддержали почин тренингов, высказавшись в том духе, что «все лучше, чем водку-то по подъездам бухать».

Тоня летала стрижом: по городу, по окрестностям, по музеям. Общаться с ней стало совершенно невозможно, она говорила только о ролевых играх, палатках, инструкторах, командном духе.

Только на танцах она немного расслаблялась. Я уже овладел первыми тремя движениями танго, вальса, самбы и ча-ча-ча, и жена величественно позволяла себя вести. Не поправляла, даже когда я сбивался, а если наступал на ногу, тихонько взвизгивала и улыбалась.

Я наслаждался этими двумя часами в неделю, когда мы были наедине (остальные пары и тренер не в счет). Мне удалось очень быстро отвыкнуть от типичной ошибки начинающих – во время танца смотреть на ноги. Я смотрел только на Тоню. А она – чуть мимо меня, вытянув шею, с легкой улыбкой. Мы кружились

и скользили, и я вдруг понял, что влюбился в свою жену. Влюбился так, как не мог прежний владелец тела. Он, дурак, думал, что счастье свалилось на его голову закономерно, а я-то понимал, что это редкая удача – такая женщина рядом.

Мы танцевали, я любовался Тоней и старался не думать о том, что должно было очень скоро произойти в наших взаимоотношениях.

* * *

Первое правило адюльтера гласит: «Не ищи далеко, ищи близко».

Любовником редко становится кто-то совсем посторонний. Чаще всего это друзья детства, соседи, друзья мужа.

Или сотрудники.

Для каждого мероприятия Тоня набирала новую команду. Некоторые, попробовав разок, навсегда отваливали, другие появлялись периодически. Несколько человек приходили постоянно.

Среди них особо выделялся Костик: высокий, широкоплечий, с ясными детскими глазами. По виду – пацан пацаном, хотя на самом деле было ему уже за тридцать. Мужик с образованием и неплохой работой. Кажется, дизайнерил где-то.

Из-за мальчишеской внешности Тоня на него и запала. Он очень хотела сына, но Супонев был против. Однажды у них состоялся большой душевный разговор, в ходе которого он убедил супругу, что и одного ребенка им достаточно. Тоня тогда согласилась со всеми доводами. А Супонев успокоился, хотя опыт и талант психолога должны были ему подсказать: невозможно убедить женщину, которая хочет ребенка, в том, что она не хочет ребенка. Можно задушить это желание, завалить его всякими обломками – и ждать, в какой уродливой форме оно прорастет.

Сначала Тоня не скрывала своего восхищения «этим мальчиком». Она все свои рассказы о тренингах начинала с Костика и Костиком заканчивала. А потом перестала. То есть упоминала о нем, конечно, в числе прочих, но походя, вскользь. Это означало, что она уже начала понимать, какие чувства испытывает к Костику, и боится, не хочет их перед мужем демонстрировать.

На этом этапе я имитировал полную доброжелательность и не возмущался даже тем, что Тоня все чаще в постели жаловалась на усталость, головную боль, отсутствие настроения.

А потом роман вошел в физиологическую фазу. Они

переспали. Нет, Тоня ни разу не прокололась, не было наглого вранья («Я у подруги заночевала»), не называла она меня спросонья чужим именем. Только общая вздернутость, тревожная задумчивость и внезапные приступы виноватой нежности – все то, что обычный муж не заметит, спишет на женские капризы или ПМС.

Но я не обычный муж. Я все это видел много раз и из любого ракурса. Как пишет один неплохой поэт из современных (Быков, кажется): «Я уводил, я был уводим, теперь я сижу в кустах». Быков предлагает пять выходов из этой пикантной ситуации «Убить одну; одного; двоих (ты шлюха, он вертопрах); А то, к восторгу врагов своих, покончить с собой в кустах. А то и в воздух пальнуть шутя и двинуть своим путем…»

У меня выходов всего два: делать вид, что я слепоглухонемой идиот, или потребовать объяснений. Первый способ – нечестный, так я только наваливаю на Тоню все больше вины. Второй способ – тяжелый. Но зато правильный.

Однажды вечером, когда Насти нет дома – укатила в Питер на международный турнир по своим дебатам – я подсаживаюсь к Тоне, которая что-то читает на своем диване, и приобнимаю ее.

По законам жанра я должен спросить: «Ты ничего не хочешь мне рассказать?». Но это тоже подло. Я ведь все знаю. Я знал это с самого начала. Поэтому я говорю:

– Ты спала с Костиком.

Без вопросительного знака в конце.

Тоня сразу начинает реветь от боли и облегчения.

* * *

Мы говорили с ней всю ночь. Она все время пыталась оправдываться, горячо убеждала меня, что это было «затмение какое-то», что завтра же она его отвадит, что я самый лучший. Я не спорил. Слушал, гладил по голове и подсовывал наволочку для слез и соплей (платки быстро закончились). Потом она выдохлась и замолчала, прерывисто всхлипывая.

– Ты ни в чем не виновата, – сказал я. – Это моя вина.

Она пыталась протестовать, но я прикрыл ее рот ладонью.

– Тихо-тихо-тихо… Я знаю, что виноват. Лепил твое счастье из тебя же. Направлял и руководил. Из самых лучших побуждений. Из своих, – я выделил голосом «своих», – лучших побуждений. А у тебя были свои. Надо было дать тебе возможность развернуться.

– Но ты ведь дал! – дрожащим голосом перебила Тоня. –

Танцы! Работа интересная! Это же все ты!

– Вот именно, – я позволил раздражению окрасить свой голос, – все я! А ты… ты увидела, что представляешь что-то из себя. Что ты не просто мое продолжение. Тебе не хватало последнего штриха для самоутверждения…

Вдруг глаза у Тони расширились от ужаса:

– Ты… Ты знал?! Нет, ты все это спланировал!

Сжав губы, я кивнул.

– Но… зачем?!

– Потому что я хочу, чтобы ты расправила крылья. Потому что я люблю тебя.

Тоня отодвинулась от меня и скривилась, как будто я оказался измазан чем-то грязным и вонючим.

– Ты. Меня. Любишь?! – она сжала кулаки. – Это называется – «любишь»? Подкладывать меня другому мужику – это «любишь»?!

Тут следовало возмутиться. Я попытался, но Антонина заткнула меня брезгливым жестом.

– Я… Я совершила ошибку, запуталась, а ты… Ты все рассчитал! Чтобы избавиться от меня! Чтобы вытереть об меня ноги!

Она еще долго кричала, вскочив с дивана, размахивая руками. Я хмуро огрызался. Все шло правильно: теперь виноватым оказался я, теперь Тоне не придется тащить на себе всю вину за происходящее. Она уже убедила себя, что это я все подстроил, что я чудовище – и, значит, она со мной поступила совершенно справедливо.

То, чего я и добивался. Радоваться должен бы… а на душе погано.

По батарее постучали. Видимо, кто-то из соседей решил, что половина первого ночи мало подходит для драматических монологов. Тоня резко выдохнула и замолчала, скрестив руки на груди. На меня она теперь смотрела, как на паука.

– Всё? – тихо поинтересовался я.

Жена свирепо кивнула.

– Тогда у меня к тебе просьба: давай пока Насте ничего не говорить. Ей к олимпиаде надо готовиться. Сама знаешь – если займет хотя бы шестое место…

– Ладно, – оборвала меня Тоня. – Пока не решится вопрос с поступлением, не будем девочку травмировать. Но спать будешь в гостиной!

* * *

Настя все равно обо всем догадалась. Она вообще у нас умничка.

Сначала пыталась устроить скандал мамочке. Такого ора в нашем доме не было никогда. Единственным результатом этого бурного выяснения отношений стало то, что Настя и Тоня перестали общаться. Все необходимые сведения отныне передавались только через меня.

Ко мне Настя стала, напротив, очень нежна. Даже повадилась делать чай, когда я работал на компе. Иногда Настя заводила со мной разговор о наших с Тоней отношениях. Пытаясь поддержать меня морально, обозвала маму малоприличным словом. Вот тут я ее сурово оборвал и жестко запретил высказываться о матери в таком духе. Что бы ни случилось – она мама, она всегда будет любить Настю, и не Насте ее судить. Дочка сначала надулась, но, поразмыслив, стала ко мне еще внимательнее. Видимо, решила, что это папочка от избытка благородства так говорит.

С Тоней мы общались ровно, даже улыбались друг другу. Из посторонних только мудрая Валентина поняла, что происходит. Но ограничилась только одной фразой, когда мы остались наедине.

– Вы молодец, – сказала она без капли усмешки, – я бы так не смогла.

Тонино направление в бизнесе развивалось неплохо, мне даже удалось вернуть часть вложений инвесторам (они были несказанно удивлены этим). Можно было бы выделить эту часть деятельности в отдельную фирму, но этого я как раз делать не хотел.

Как ни странно, на танцы мы с Тоней по-прежнему продолжали ездить вместе. И даже танцевали в паре. Думаю, решающую роль здесь сыграл внутренний довод Антонины: «А что люди скажут?» Действительно, пары у нас в клубе уже сложились, если бы мы выразили желание поменяться партнерами, это вызвало бы недоумение и, возможно, расспросы.

Во время первого после размолвки танца мы чувствовали некую неловкость, но уже ко второму она улетучилась. Это словно машинка времени: во время вальса или танго мы как будто возвращались в недавнее прошлое, когда были образцовой семьей. Игра, которая одинаково нравилась и мне, и ей.

Но после танцев обычно расставались – Тоню забирал Костик. Он пытался разок ко мне сунуться, что-то объяснить, но я нашел нужные слова, чтобы навсегда пресечь эти объяснения.

Иногда я тоже не ехал домой. Звонил Насте, что задержусь, и отправлялся куда-нибудь поужинать. Возвращался всегда до полуночи, чем расстраивал дочку – она мечтала, чтобы я кого-

нибудь снял «назло этой дуре».

А еще я начал принимать приглашения, которые раньше даже не рассматривал. Дело в том, что старая знакомая – телережиссер Танюша – давно пыталась заманить меня на какое-нибудь ток-шоу в качестве эксперта. Однажды, когда стало особенно тошно, я согласился. И получил немало удовольствия. Оказалось, что самое интересное происходит за кадром. На эти шоу приглашают, в общем-то, интересных людей. Я сразу сдружился с отцом Виталием – умнющим представителем Московской патриархии, который часто бывал у нас по каким-то своим делам, выдающимся логиком и очень добрым человеком. Некоторые деятели из чиновничества, к моему удивлению, блистали литературными познаниями и умением рассказывать анекдоты, не всегда приличные. А телезвездочки-блондинки, как выяснилось, были поумнее некоторых политических обозревателей.

В общем, мне там нравилось, и я бы стал завсегдатаем ток-шоу, если бы не одно странное событие.

* * *

В тот раз темой передачи стал здоровый образ жизни. Поначалу я думал, что все пройдет как по маслу: «гвоздем программы» был удивительно дремучий мужичонка, косматый и в клочковатой бороде. Адепт правильного отношения к здоровью был одет в дерюжного вида рубаху до пят, суконные серые штаны и китайские синие кеды. Звали его Витя. Он исповедовал сыроедение, уринотерапию, соблюдение постов, вычисление в уме квадратных корней из пятизначных чисел и закаливание в проруби.

Само по себе это все не вызвало у собравшихся протеста – разве что уринотерапия заставила поморщиться. Но когда он принялся излагать теоретические основы…

– Даже физики знают, – восклицал Витя, – что энергия неизменна и сохраняется!

– Постойте… – пробовал поправить его кандидат физматнаук, но Витя останавливал его решительным жестом.

– Дайте я скажу! Энергия неизменна и происходит она от Бога!

Отец Виталий открывал рот для уточнения, но также был остановлен.

– Дайте я скажу! Энергия от Бога попадает по энергетическим каналам в чакры!

Сидящий на диване для гостей лысенький сморщенный буддист только качал головой, но и ему доставалось от Вити:

– А вы вообще молчите! Вы извратили Тетрапитаку и неправильно перевели Четвертую Корзину с санскрита! Так вот, молитва, даже если она на санскрите, модулирована с определенной частотой, которая совпадает с гамма-ритмом мозга!

– Нет такой частоты! – успевал вставить доктор медицины, но в студии снова звучало громогласное:

– Дайте мне сказать! А схаркивать вообще грешно и нарушает биоэнергетику организма, как доказал еще святой Порфирий Иванов! На эксперименте доказал! Да дайте же мне сказать!

Обсуждения никакого не получилось. Мы покатывались со смеху, массовка улюлюкала, ведущий сохранял маску хладнокровия ценой нечеловеческих усилий. Словом, было весело.

Только к концу ведущему удалось утихомирить неистового Витю. Времени почти не осталось, поэтому он попросил высказаться меня. Наверное, потому, что я единственный даже не пытался остановить адепта всего на свете.

Я собрал волю в кулак и начал:

– Сегодня мы увидели интересный образчик веры. Не веры в Бога, а…

Тут случилось нечто совсем дикое. Витя выкатил водянистые глаза из косматых бровей и завопил:

– Демон! Отдай туловище, демон!

И бросился на меня. Эффект неожиданности дал ему секунд десять, и Витя потратил их с толком: бил меня по голове одной рукой и дергал за волосы другой. Его, конечно, оттащили, передо мной извинились, в окончательный вариант программы это избиение не вошло, но я все равно перестал посещать ток-шоу.

Потому что Витя действительно едва не вытащил меня из оболочки.

* * *

Вечером после записи шоу с безумным Витей я лежал на диване и таращился в потолок. Настя спала: завтра нужно было порвать всех на олимпиаде. Тоня где-то шлялась со своим Костиком. Или валялась.

А я снова освежал в памяти впечатления. Витя, во-первых, оказался не таким уж безумным. То есть безумным, конечно, но разглядеть меня в чужой оболочке… Тут нужен, как минимум,

дар. Во-вторых, он почти справился с задачей изгнания демона. Ну, может не почти, но я почувствовал, что меня извлекают наружу. Как будто зубную пасту выдавливают. А еще лопатки начали чесаться и валерьянкой запахло.

Осторожно клацнула входная дверь – Тоня вернулась.

Куда он меня выдавливал? Где бы я оказался, если бы Витю не оттащили? Где он этому научился? И если научился, значит, была практика? Пусть не у него, пусть у его учителей. Значит, я не один? Есть все-таки другие такие же?

Приоткрылась дверь в комнату.

– Как Настя? – спросила Тоня шепотом.

– Нормально, – прошептал я в ответ, глядя в потолок. – Гонял ее весь вечер по вопросам.

– Легла когда?

– Часа полтора назад.

– Ага… – Тоня помялась на пороге. – Ну… спокойной ночи.

– Погоди, – я приподнялся на локте, чтобы лучше видеть Тонино лицо.

Она стояла вполоборота, смерила меня затравленным взглядом. Очень она в этот момент напоминала ощетинившегося дикобраза.

– Ты счастлива?

Тоня улыбнулась. И уже могла ничего не отвечать. Колючки тут же превратились в пушинки, а дикобраз, соответственно, – в милого кролика. Но она ответила:

– Я счастлива.

И почему-то провела рукой по губам. Раньше за ней такого жеста не водилось.

– Он такой… неловкий. Он совершает ошибки. Мы даже ругаемся…

Тоня подумала и села в кресло у двери.

– Иногда он дуется, как мальчишка. Но все равно мне с ним хорошо. И еще… я теперь делаю то, что считаю нужным.

Мы помолчали.

– Настя на тебя обижается, – сказал я.

Уж очень больно было смотреть на это счастливое лицо.

– Да, – Тоня нахмурилась, – я слишком резко с ней поговорила.

– А ты попроси прощения, – предложил я. – Она поймет. Она тебя очень любит.

Тоня кивнула.

– Только не сейчас, – добавил я, укладываясь лицом вверх. – После олимпиады.

Тоня кивнула и поднялась.

– Спокойной ночи. Завтра на танцы идешь?

– Спокойной ночи. Иду.

Она ушла, а я вернулся к сегодняшнему ток-шоу. Похоже, Витя знает, где у меня клапан, через который меня можно выпустить наружу. Но откуда? Откуда, если я и сам не знаю, где этот клапан?

* * *

Настя на олимпиаде заняла второе место. И очень из-за этого расстроилась.

– Ведь могла же первое! – повторяла она, пока мы праздновали это событие в ее любимом кафе. – Я же чувствовала, что там подвох!

– Все равно ты у нас самая умная, – сказал я и взял Настю за руку.

– И мы тебя очень любим, – добавила Тоня и взяла ее за вторую руку.

Настя дернулась было, чтобы вырваться, но передумала.

– Ты меня прости, – сказала мама.

И Настя расплакалась.

Вечером мы ужинали почти как нормальная семья. Настя предавалась веселью, поедая торт-мороженое и периодически обзванивая подруг, чтобы похвастаться:

– А меня в универ без экзаменов берут! Что? Ну и что, что звонила?! Я еще пару раз позвоню, готовься.

Мы с Тоней сидели по обе стороны от дочки и цвели так, как будто сами заняли призовое место на республиканской олимпиаде. Хотя, какого черта! На настоящей Олимпиаде! И теперь даем интервью по этому поводу.

Но вечером разошлись спать по разным комнатам.

А на следующее утро Тоня переехала к Костику.

* * *

Бракоразводный процесс прошел без сучка без задоринки.

У выхода из суда нас ждал Костик. Тоня сразу прижалась к нему, вызвав у меня приступ ревности. Костик чувствовал себя неловко и явно ждал, когда я оставлю их.

– Ну, – сказала Тоня мне, лучезарно улыбаясь, – пока.

– Двадцать лет, – ответил я.

Тоня сначала нахмурилась, припоминая, а потом виновато

ойкнула. Костик обмер. Уж не знаю, чего он так испугался.

– У нас сегодня, – объяснила она Костику, – двадцатилетие свадьбы. Совсем из головы вылетело.

– Так давайте отпразднуем! – предложил Костик, который, кажется, совсем офонарел от происходящего. – У нас столик заказан… Правда, на двоих, но я уверен…

– Ага, – кивнул я, – а потом мы с Антониной станцуем танго. Мы специально репетировали к юбилею.

– Очень хорошо! – Костик то ли не ощущал тычков в бок, которыми его награждала Тоня, то ли не соображал, чего это она распихалась. – Я сейчас такси вызову!..

Я счел за лучшее перебить бедолагу, пока он не пригласил меня поучаствовать в первой внебрачной ночи.

– Не нужно, я пошутил, – я отвесил полупоклон бывшей жене. – Желаю удачи.

Честное слово, я не специально! Тело само почему-то выполнило поклон, которым кавалер приглашает даму на танец. И у Тони в глазах вспыхнули чертики. Те самые, за которые я… то есть будущий психолог Супонев и влюбился в эту замечательную девчонку. Она оторвалась от руки своего ухажера и изящно присела в реверансе.

Мог ли я после этого не пригласить ее?

Мы, не сговариваясь, вступили. Я повел ее в неслышном ни для кого ритме. Это было танго. Как учил тренер: «Шаг крадущийся, как будто кошачий – но не скользящий».

– Ты отлично танцуешь, – сказала мне Тоня, но не удержалась и продиктовала ритм. – Быстро-быстро-медленно…

«Отрывайте ноги от пола, как будто он намазан медом…»

– Спасибо. С тобой очень приятно танцевать. Быстро-быстро-медленно… С осени опять начнутся занятия. Придешь?

– Не смогу.

«Голову! Помните про голову!»

– Быт заел? Быстро-быстро-медленно…

– Нет. Я беременна. Восемь недель.

Я остановился как вкопанный. Она рассмеялась:

– Не волнуйся, мне можно.

– Мне нельзя, – серьезно ответил я. – Ты теперь совсем не моя.

Только тут я обратил внимание на несчастного Костика. Он стоял в стороне и с отчаянным видом грыз ноготь. Папаша…

– Спасибо, Сережа, – сказала мне Тоня. – Зря я на тебя накричала тогда. Ты все правильно сделал, я бы так не смогла…

Летом я никуда не поехал. Наверное, из-за того, что Тоня с Костиком укатили в Крым.

* * *

Следующие несколько месяцев я занимался различными делами, которые задумал еще прежний хозяин тела, да всё руки не доходили. Настя болталась по каким-то молодежным дискуссионным лагерям, дома объявилась только в августе и восхищенно зацокала языком:

– Фазер! Ты что, ремонт сделал?

– Ерунда, – ответил я с горделивой небрежностью, – обои переклеил. Люстру поменял. В шкафах порядок навел. Коврик…

– Аб-балдеть! – дочка бросилась ко мне на шею.

Она стала совсем взрослая, даже неловко такую обнимать. Но она долго обниматься и не собиралась.

– Пап! – сообщила мне она заговорщицки. – А что я знаю!..

– У мамы будет ребенок.

– Фу! – Настя изобразила обиду. – С тобой неинтересно! – и снова восторженно. – Прикинь, у меня будет братик! Или сестричка!

– Поздравляю, – криво усмехнулся я.

Теперь Настя всерьез расстроилась.

– Прости, фазер, я не сообразила, что ты… Что тебе… А можно я к маме съезжу?

Так мы и жили: дочка моталась к маме, поболтать о жизни и потрогать живот (хотя трогать пока было нечего). Мама передавала мне приветы через дочку. Я делал вид, что добился того, чего хотел.

– Это не твоя женщина, – убеждал я сам себя, расхаживая по квартире или сидя за рулем, – она принадлежала другому человеку. Ты занял его место, но она не вещь! Она не должна была тебе достаться по наследству!

Звучало неубедительно, и я развивал мысль:

– И потом… Ты в любой момент можешь покинуть оболочку. Причем – и это важно – ты даже не будешь заранее знать этого момента. И что было бы, если бы она от тебя не ушла? Осталась бы одна-одинешенька, без работы, без опоры в жизни. А так… Ты подарил ей свободу, счастье, любимого человека… Ты молодец.

Но молодцом я себя не чувствовал. Я чувствовал себя хирургом, который собственноручно вырезал себе печень и пересадил ее другому человеку. Да, возможно, этому другому печень нужнее, чем мне, но и я без печени чувствую себя слегка умирающим.

Мысль о смерти как выходе из ситуации постоянно посещала мой малодушный рассудок. Версию самоубийства я отверг. Вряд ли Тоне в ее нынешнем положении пойдет на пользу сообщение,

что бывший муж от тоски наложил на себя руки. Подстроить самоубийство так, чтобы никто не догадался? Все равно нечестно. Да и сложно это. Оставалось надеяться только на то, что внезапно моей душеньке станет тесно в оболочке бравого психолога и она перепрыгнет куда-нибудь.

И тут я вспомнил про Витю, который едва не изгнал из меня беса. То есть меня самого.

* * *

Дома Витя выглядел не так, как на ток-шоу: волосы аккуратно прижаты шелковой ленточкой, борода любовно расчесана, и глаза не безумные, а просто очень светлые. И одежда вполне цивильная: майка с буквами NYPD и спортивные штаны.

Видимо, все дело в том, что я принципиально нагрянул без предупреждения. Предупредил бы – и встретил бы меня всклоченный колдун. Хотя нет, если бы он предполагал мой визит, то просто не открыл бы дверь.

А так открыл, потому что не узнал, рассматривая в дверной глазок. Зато вживую узнал быстро и даже попытался захлопнуть дверь. Но я успел втиснуть корпус в образовавшуюся щель и вежливо сказал:

– День добрый. Вижу, вы меня узнали.

Он кивнул, но дверью продолжал прижимать меня к косяку.

– Я не скандалить, – заверил я. – Я по делу.

– По бизнесу? – оживился Витя.

– По нему, по родимому.

Витя с готовностью распахнул дверь и протянул руку:

– Виктор Антипович. Только через порог переступите, пожалуйста. Через порог не здороваются.

Я вошел и пожал руку.

– А знаете, почему через порог не здороваются? – спросил хозяин квартиры, не отпуская мою ладонь. – Потому как именно под порогом древние славяне хранили прах предков и очень боялись их напрасно тревожить.

Я кивнул, обозначая усвоение жизненно важной информации. В памяти всплыл один случай, когда – давным-давно – отец отстегал меня вожжами за то, что я рубил дрова на пороге.

Витя отпустил руку и произвел приглашающий жест:

– Прошу в кабинет.

Кабинет у Виктора Антиповича был под стать его имиджу: полутемный, с грубой деревянной мебелью, завешанный сушеными внутренностями, с таблицей Менделеева на всю стену

и массивным глобусом, к которому присоединен был какой-то прибор. Кажется, школьный амперметр. В углу пыхтел самовар.

– И что за бизнес вы собираетесь мне предложить? – поинтересовался Витя и тут же добавил: – Чаю хотите? На травках, целебный!

– Да, хочу, – согласился я, ожидая, что сейчас отведаю чайку из самовара.

Когда-то я очень любил самоварный чаек. Он совершенно другой, из электрического чайника вы никогда в жизни ничего подобного не извлечете. Или вода раньше другая была?

Но Витя, к моему огорчению, умчался на кухню. Я остался в кабинете, рассматривая убранство. Хмыкнул. Эклектика как идея декора. Вся мебель уставлена мелкими фигурками, по виду – вырезанными из кости. Похоже на нэцке, но с совершенно другими сюжетами. Элементы в таблице Менделеева вырезаны и переклеены на новые места. Я долго вглядывался, но так и не обнаружил системы.

– Надо вслух почитать, – раздался сзади голос шамана Вити.

Я обернулся. Хозяин стоял напротив меня с электрическим чайником и двумя пустыми кружками в руках.

– А самовар? – спросил я.

– Там другое, – уклончиво ответил Витя. – Вам черный или зеленый?

– Вы же на травках обещали, – мстительно напомнил я.

– На травках, – согласился хозяин, – значит, на травках.

Он поставил чайник с кружками на стол и полез в шкаф.

– А вы все-таки почитайте! Это открытие!

Я повернулся к таблице, успев заметить, что из шкафа Витя достает стандартную картонную коробку с надписью «Целебный сбор № 4». Попытался прочитать набор символов про себя, но получалась абракадабра.

– Надо вслух! – пояснил хозяин и тут же продемонстрировал. – «Намо – реос – пору – сиас»…

Я пожал плечами. Витя укоризненно покачал головой:

– Какой вы нечуткий! Это тот же ритм, что и во всех молитвах! Если бы Менделеев правильно расположил элементы…

– Стоп! – попросил я. – Давайте к делу.

Витя ничуть не обиделся. Кивнул на стул, сам уселся на сундуке напротив и взял одну из чашек. Я взял вторую. Сел. И понял, что не знаю, с чего начать.

– Помните, тогда…

– Вы обиделись? – искренне огорчился шаман. – Да бросьте вы! Я же просто играл роль! Это шоу, телевидение! Нужно, извините, эпатировать публику! Так что если вы в претензии…

– Нет-нет! Никаких претензий…

Я замялся. Моя идея прийти сюда казалась мне все более и более идиотской.

– Вы о бизнесе говорили, – подсказал Витя, отхлебывая чай. – Простите, а чем занимаетесь? Я запамятовал.

– Я психолог…

– Отлично! – хозяин дома энергично всплеснул руками, удивительным образом не окатив меня горячим чаем. – Мы составим шикарную пару! Наука и мистика рука об руку! Научная степень есть?

– Нет, – растерянно сказал я.

Как-то не ожидал я такого энтузиазма.

– Жаль, но не смертельно, – Витя вскочил на ноги и принялся расхаживать по комнате. – Организуем Академию космической психологии, сделаем вас академиком.

– Космической? – тупо переспросил я.

– Не догма! – Комната была маленькая, а шаман метался по ней стремительно, так что у меня начало рябить в глазах. – Пусть не космической… Пусть конвективной! А? Или когнитивной… Хорошо звучит! Правда, сложновато для обывателя. Лучше…

Я похлопал в ладоши, чтобы привлечь его внимание. Он с готовностью заткнулся и уставился на меня своими прозрачными глазенками. Нет, все-таки он не вполне вменяем.

– Я не имею к вам претензий, – четко сказал я. – Но и заниматься с вами бизнесом не собираюсь. Дайте мне сказать!

Волшебная фраза из лексикона Вити остановила его, хотя шаман, судя по всему, собирался снова меня грузить. Я продолжал рубить четкими фразами:

– Я хочу выяснить только одну вещь: что вы почувствовали, когда… изгоняли из меня бесов.

Тут случилось странное. Витя вдруг начал бегать глазками, повернулся ко мне боком и залепетал:

– Да ничего такого… Я просто… ради эффекта…

Я поставил чашку на стол и поднялся на ноги. Теперь я смотрел на него сверху вниз, как Гэндальф на Бильбо.

– Дело в том, – в моем голосе зазвучала неприкрытая угроза, – что во мне живет демон. И он очень хочет с тобой разобраться.

Витя испугался. Он прижался спиной к шкафу… и таки выплеснул на меня содержимое своей кружки. Пока я чертыхался и вытирался, хозяин вытащил из-за пазухи кучу нательных оберегов, из которых мне были известны только православный крест и звезда Давида.

– Изыди, – запел он на какой-то варварский мотив, – именем

всех богов, единственных и могучих…

Я взял его за ворот и встряхнул. Обереги жалобно звякнули. Витя замолк.

– Ты мне еще таблицу Менделеева почитай! – рявкнул я. – Отвечать быстро и четко. Почему на меня тогда набросился?

– Не знаю, – тоненьким голоском ответил Витя. – Захотелось почему-то.

– Что почувствовал, когда меня бил?

– Я не бил…

– Отвечать! – я снова его встряхнул.

– Не знаю… Что-то необычное… Как два в одном, – он заискивающе хохотнул. – Как в рекламе, помните?

Мне захотелось убить этого придурка. Но оставался последний вопрос.

– Сможешь изгнать из меня демона? – спросил я грозно.

Он торопливо закивал:

– Конечно! Раз надо… А как?

Я посмотрел в его не замутненные мыслью, но очень испуганные глаза и отпустил ворот.

Что ж… Придется тупо ждать, когда снова зачешутся лопатки и запахнет валерьянкой.

* * *

Осенью стало полегче. Настя бегала в универ, клиенты повозвращались с каникул и бросились жаловаться на жизнь. Тонино направление процветало.

Вот странно: на танцы моя бывшая супруга ходить не желала, а тренинги проводила как ни в чем не бывало. Слегка обозначившееся пузико ей совсем не мешало. Я попытался зазвать Тоню на танцульки, но получил ответ отрицательный, обжалованию не подлежащий. По зрелом размышлении пришел к выводу, что она права. Ну заявились бы мы вдвоем, ну заметили бы девчонки ее живот, принялись бы нас поздравлять… Нет уж, спасибо.

Я пару раз ходил танцевать без Тони, но быстро разочаровался. Один раз мне не было пары, топтался по паркету один, изображая поддержку, как манекен. Второй раз партнерша нашлась – рыженькая девочка из новеньких… Но это оказалось совсем не то. Танцевала она неплохо, слушалась каждого моего движения – и все равно это была не Тоня.

Танцы я бросил.

Работа оставляла слишком много времени, которое я тратил

в основном на самокопание. Теперь меня занимал вопрос: могу ли я покинуть оболочку по своему желанию? Я вспомнил «Пианино», которое позволило мне сопротивляться переходу из тела в тело. Значит, теоретически можно создать «терку» для стимулирования перехода? Я попытался. Ничего не получилось. Не смог даже воспроизвести то, что из рук слепого Петровича выходило без особых усилий. «Пианино», которое, казалось, помнил до последнего бугорка, – и то не сделал.

Несколько раз порывался написать Меценату, но духу не хватило. Или снова самолюбие взыграло? Мол, сам разберусь, без помощников? Психолог во мне склонялся ко второй версии. Он же подсказывал и причину неудачи с изготовлением тактильных картин – мои новые тело и мозг просто не приспособлены для этой работы. Пришлось оставить рукоделье для последователей Петровича. Их, кстати, как и предсказывал Меценат, появилось огромное количество. Я, смеха ради, сходил на выставку «Кинестетика», но сколько ни щупал тамошние поделки, ничего особенного не ощутил. Или художники оказались халтурщиками, или мои нервные окончания не заточены под их творения.

Время от времени я пытался повторить действия Вити, который чуть было не извлек мою душу из оболочки. Было бы здорово, если бы я просто умер. Не трагически, не головой вниз с балкона, а – шлеп на землю, и готово. Никто не виноват. И никто не знает, что я просто сменил тело.

Не получилось. Наверное, чтобы нащупать клапан, через который выходит наружу душа, нужно находиться снаружи. Но я продолжал мучительные попытки. Они создавали иллюзию, что я не просто жду очередного перехода, а приближаю его.

Иногда я себя ненавидел за этот самообман.

Единственными отдушинами были вечера, когда мы с Настей ужинали вместе и делились впечатлениями за день. Но скоро и эта отдушина закрылась. Однажды мне позвонила Тоня и после стандартного обмена приветствиями и новостями спросила:

– Ты не против, если Настя будет мне помогать в тренингах? Я скоро уже не смогу работать, а не хотелось бы бросать направление…

Конечно, я был не против. Кто был бы против, когда просит бывшая жена, беременная от своего любовника?

Теперь вечерами я возвращался в пустую квартиру. Настя в это время обсуждала с мамой проекты мероприятий, бизнес-модели и тонкости подбора персонала. Как правило, разговоры затягивались заполночь, так что дочка и ночевала у Антонины.

Чтобы хоть как-то развлечься, я занялся частной практикой – ездил на дом к тем невротикам, которые не могли или не хотели

добраться до моего офиса.

Кто бы знал, что именно это поможет решить мою проблему…

* * *

Больше попадались параноики. Не опасные для окружающих, но все-таки больные люди. Обычно после первого же сеанса я честно признавался, что им нужен не психотерапевт, а психиатр. Родственники удивлялись. Как и большинство людей, они не видели разницы в профессиях, которые начинаются на «психо». Приходилось объяснять, что психотерапевт отличается от психиатра, как обычный терапевт – от хирурга.

Некоторые клиенты просто хотели с кем-нибудь поговорить, но идти, записываться на прием – это рвало их нежную душу на куски. С такими я работал с удовольствием. Одиночество – это ведь тоже болезнь, а я вполне могу ее если не излечить, то хотя бы облегчить. Эдакое приходящее болеутоляющее.

Еще раз убедился, как много в мире одиноких людей. Кстати, это неправда, что одиночество – болезнь XXI века. Всегда оно было страшной проблемой. Просто раньше люди жили негусто, одиночество списывали на объективные причины. Конечно, будешь одиноким, если до ближайшего хутора – двадцать верст. Последние лет двести народ стал сбегаться в города, селиться локоть к локтю. И тут выяснилось, что теснотой от одиночества не излечишься. Народу много, а поговорить не с кем.

Конечно, раньше соседи по деревне общались больше, чем теперь соседи по двенадцатиэтажному дому, но то было не столько общение, сколько утоление сенсорного голода, нехватки информации. Теперь информации – хоть купайся в ней, поэтому горожанин и не стремится поболтать с любым встречным-поперечным. А одиночество как было главной бедой, так и осталось.

А все потому, что люди не умеют говорить друг с другом. И раньше не умели, и теперь не научились. Никто не хочет слушать, все хотят говорить. В результате получается не диалог, а два встречных монолога. И еще два одиноких человека.

Я, конечно, пытался учить средствам коммуникации, умению понять собеседника, но… Сидит клиент, вроде слушает тебя, выполняет упражнения – а потом снова заводит бесконечный разговор о чем угодно. Лишь бы я выслушал, лишь бы дал сигнал, что понимаю его. Не нужна голодному удочка, ему нужна рыба.

Очень часто одинокие люди, особенно не обремененные

финансами, используют в качестве чуткого уха врачей поликлиник. Приходит какая-нибудь бабушка-пенсионерка и начинает грузить затюканного участкового терапевта. А у него по нормам – три с половиной минуты на больного.

У меня пациенты были другие. Они или не испытывали проблем с деньгами, или имели такие проблемы, что никаких денег не жалко.

Родители Богдана явно относились ко второй категории.

* * *

Они приехали ко мне в офис заранее – большая редкость для родственников пациентов-надомников. Обычно они ждут меня в своей прихожей и там, сбиваясь и стесняясь, сообщают что-нибудь критически важное про человека, с которым я буду сейчас общаться. И я вынужден на лету, пока иду к комнате, перекраивать тактику.

Родители Богдана не стали делать такой глупости. Они вообще производили впечатление людей умных и умеющих сопротивляться ударам судьбы. Отец – поджарый, энергичный, говорит немного, но предельно точно. Пострижен почти под ноль, чтобы не демонстрировать лысину (а может, и седину). Мать – небольшая уютная женщина, с янтарными глазами и ямочками на щеках. Инициативу в разговоре она полностью отдала мужу, но не расслабилась. У меня сложилось впечатление, что она сверяет все, что он говорит, по какому-то внутреннему списку. В некоторых местах, когда супруг, по ее мнению, говорил что-то не то или недоговаривал, она немного сводила брови, становясь похожей на обиженную девочку. Муж, который, кажется, и не смотрел на нее, тут же поправлялся или добавлял что-то по существу.

Они с самого начала показались мне очень спаянной парой. Именно спаянной – какой-то суровый паяльник прошелся по ним, превратив двух индивидуумов в единое целое.

Очень скоро я узнал, что это был за паяльник.

Сын родился с серьезными нарушениями. Родители его вытаскивали в нормальную жизнь буквально зубами. И почти вытащили. Более того: в результате неких событий («Неважно каких», – сказал отец, и я не стал настаивать) Богдан вроде пошел на поправку. А потом началась полная чертовщина…

* * *

На первом же сеансе все пошло слишком гладко. Так не бывает. Мальчишка, подросток, натворивший черт знает что, едва не угробивший родную сестру, сразу раскрылся. Он рассказывал все, о чем я его спрашивал. Даже такие вещи, которые явно не рассказывал родителям. Полный контакт. Абсолютное доверие.

Так не бывает.

Я терпеливо ждал, когда он сорвется, когда выскочит то, звериное, о котором говорил его отец.

И дождался. Под каким-то предлогом он взял меня за руку…

…Это был не дурачок Витя. Он явно знал, что делает.

Богдан не совершал никаких видимых манипуляций, но у меня возникло ощущение, что ловкие пальцы ощупывают мою оболочку, пытаясь добраться до меня настоящего. Наверное, так себя чувствует девица, которую впервые раздевает опытный ловелас.

Я замер.

Он почувствовал это и остановился. Я шепотом попросил продолжить. Чувствовал – еще немного, и мальчик нашарит мой клапан. Мне оставалось только сконцентрироваться и запомнить, как он это сделает.

Богдан продолжил незримо шарить по оболочке.

И нащупал.

Не знаю, зачем был ему этот ниппель, зачем он хотел прикоснуться к моей душе, но Богдан словно обезумел. Он вырвал клапан чуть не с мясом, мне даже валерьянкой не успело запахнуть.

В следующее мгновение я оказался…

Личность третья
МАТЕМАТИК

…на кафедре в аудитории.

Обычная «поточка» с амфитеатром парт. За моей спиной висел экран, а на него проецировался набор формул, похожих на письмена древних индейцев.

Собравшиеся – числом не более десятка – строго смотрели на меня. Не на экран, в который я, оказывается, тыкал указкой, а мне в глаза. За партами сидели не студенты, а люди солидные, с выправкой опытных преподавателей.

Все это я успел заметить в первую секунду, на большее времени не хватило, потому что нужно было закончить фразу.

Вот это, я вам доложу, отвратительная ситуация. Очень некомфортно себя чувствую, когда переход случается в тот момент, когда прежний хозяин тела ведет разговор. Но в разговоре хоть паузу сделать можно, отдав инициативу собеседнику, а когда читаешь лекцию – разве что водички попить.

Это идея!

Я закашлялся и пошарил глазами в поисках спасительного графина. Никакого графина не оказалось и в помине, так что я продолжал кашлять, судорожно вытрясая из чужой памяти самое необходимое.

Кто? Алексей Мухин, 25 лет, кандидат физико-математических наук… Математических? Вот радость так радость… Ладно, потом.

Что тут происходит? Весна… А я читаю доклад «Информация как философская категория». Для философов. Еще лучше. Прежний хозяин, судя по всему, был или большим ученым, или весьма самонадеянным типом, или и тем и другим.

Где? Областной университет за триста километров от последнего места жительства.

Ладно, слишком долго я кашляю, философы и так недовольны, что им приходится выслушивать эту галиматью. Нужно побыстрее сворачивать лекцию и куда-нибудь зашкериться, чтобы прийти в себя… То есть не в себя, в нахального математика Лешу Мухина.

О чем я только что говорил? Ага, вот же текст перед носом. Да и в памяти он есть дословно. Зубрил перед сегодняшним мероприятием.

– Итак, – сказал я еще хриплым от кашля голосом, – из формул легко понять, что групповая скорость волновой функции

есть скорость частицы, следовательно, она меньше или равна «це»…

«Ну Леша, ну идиот! Ты для кого доклад писал? Для таких же, как ты, кандидатов физматнаук?»

– Что же тогда такое скорость фазовая?

«Да они давно уже нить потеряли!»

– Традиционно считается, что она не имеет физического смысла, так как в соответствии с выражением пять должна быть больше или равна скорости света…

«Это твое бормотание смысла не имеет! Все, надо эту бодягу сворачивать».

Слушатели вздрогнули, когда наглый молодой математик вдруг престал чирикать на своем птичьем языке и сказал человеческим голосом:

– Дамы и господа, прошу меня простить. Я написал полную чушь.

Я сделал небольшую паузу, чтобы философы оценили мою самокритичность, и продолжил:

– Вернее, смысл в моих рассуждениях есть, но форма не выдерживает никакой критики. Это я только сейчас понял, взглянув на ваши добрые, полные понимания лица.

Раздался одобрительный смешок. Отлично. Значит, морду бить не будут.

– Поэтому я прошу вас об огромном одолжении. Дайте мне неделю, и я перепишу эту абракадабру по-русски. И тогда уже представлю вашему вниманию.

Теперь шум неодобрительный. Ладно, не очень-то хотелось.

Солидный мужик с залысинами, вальяжно развалившийся на первой парте («Проректор по науке» – услужливо подсказала чужая память), недовольно пробурчал:

– Алексей Васильевич! Вам и так пошли навстречу, согласившись выслушать ваш… гм… революционный доклад…

Я кивнул понимающе. Наверное, для моего предшественника в этом теле доклад был очень важен. Но не для меня. У меня сейчас есть более срочные занятия. Освоиться в новой оболочке, например.

Неожиданно проректора прервала дама, сидевшая далеко сзади:

– Прошу прощения!

Все обернулись к ней. Если верить чужой памяти, субординацию нарушила декан философско-экономического факультета.

– Я думаю, – сказала деканша, – молодому человеку нужно дать второй шанс.

Хм… эта же память сообщила, что госпожа декан была резко против моего доклада. Странно все это. Не только для меня. Все остальные недоуменно зашумели, услыхав мнение Надежды Петровны… Да, точно, ее зовут Надежда Петровна.

Я на всякий случай присмотрелся к ней. Пожалуй, серьезно за сорок, но, как пишут продавцы подержанных иномарок, «в отличном состоянии». Респектабельный макияж. Деловой костюм, причем хороший, от портного. Держится уверенно. Кажется, дамочка с диктаторскими замашками.

И смотрит на меня как-то уж очень пристально. С чего бы? Я поискал ответ в чужой памяти, но не нашел.

Проректор пожал плечами и все так же вальяжно объявил вердикт:

– Ладно, Мухин, у вас есть ровно неделя.

* * *

К счастью, сегодня мне не нужно было ни вести занятий, ни торчать на кафедре – заранее договорился, что весь день буду читать доклад и отвечать на вопросы.

Бардак у них тут… То есть у нас. Но сейчас это оказалось очень кстати. Я зашился в универской столовке с двумя стаканами кефира и старательно разбирался в ситуации.

На первый взгляд, хорошего мало. Леша Мухин явно парень со странностями. Красный диплом, приглашение в Штаты и Голландию – но не едет, остается в родной альма-матер. Патриотизм? Нет, это он другим мог заливать про любовь к Родине. Тут дело не в альма, в самой что ни на есть настоящей матер, сиречь мамочке любимой. То ли боится ее одну оставить, то ли боится без нее пропасть. Второе более вероятно.

Живу я с мамой в двушке, которая осталась от покойного отца. Неженат. Девушка есть, зовут Валерия, но интимные отношения у нас так… изредка. Все упирается в дефицит «свободной хаты». Девушка – аспирантка, живет в общаге. И…

Да, романтичный ты парень, Леша. Это ты в силу своей наивности видишь только бескорыстную страсть, я – в силу гигантского жизненного опыта – сразу понял: ее не ты интересуешь, а твоя жилплощадь. Потому что аспирантура не вечна, а без прописки ее в большом городе не оставят.

Ладно, с Валерой мы как-нибудь разберемся.

Теперь самое неприятное, но самое важное – моя профессия. Я допил первый стакан кефира и взялся за второй. Кефир был жидкий, явно неоднократно разбавленный. И стакан

сомнительной чистоты. Не берегут интеллектуальную элиту, заразы!

Итак, что у нас с профессией? Математик. Жуть кошмарная. Я всегда эту каббалистику терпеть не мог, и она отвечала мне взаимностью. Чужая память тут мало выручает – чтобы оперировать всеми этими формулами, нужно иметь особый склад сознания. И вот что странно: мозги тут ни при чем. Например, сейчас – достались мне мозги молодого математика Мухина, а толку? Все равно с души воротит, как только увижу лямбду с тильдой. Видимо, дело не в мозгах, а именно что в душе.

Впрочем, мозги тоже важны. Извилинами математика шевелить легко (они обычно очень хорошо разработаны), но… как-то нерадостно, что ли…

Вот и сейчас я добрую минуту собирался с духом, готовясь нырнуть в прозрачно-противные воды абстрактной логики.

Нырнул… и с удивлением понял, что вижу нечто знакомое. Вернее, не столько знакомое, сколько близкое… Ай да Мухин, ай да молодец!

Я залпом допил кефир. Кто бы мог подумать, что мой предшественник занимается таким важным для меня вопросом! Он бы подумать не мог. Он, кажется, вообще ничего не видел, кроме своих формул. Ну и дурак!

* * *

Мама открыла мне дверь с вопросом:

– Ну как все прошло?

Мне пришлось на мгновение напрячься, чтобы сообразить, о чем она. О лекции, о чем же еще! Месяц подряд ее ненаглядный сынок ни о чем другом говорить не мог – конечно, она прониклась. Не стал ее расстраивать:

– Все нормально! Через неделю еще одну лекцию читать буду!

– Им понравилось? – старушка даже засветилась от гордости.

Ни черта она не понимала ни в уравнениях, ни в философских категориях, всю сознательную жизнь в медсестрах. Но сообразила – ее любимый Леша поразил всех этих умников! Так поразил, что они его еще раз позвали.

– Не совсем, – я решил быть слегка честным. – Они не всё поняли. Но заинтересовались.

– Ой, как хорошо, – мама, коммунист с сорокалетним стажем, молитвенно сложила руки на груди. – Какой ты у меня умный!

И она порывисто подалась ко мне. Обычно в первые дни после смены оболочки я болезненно отношусь к близким

контактам с людьми. Но тут… Она оказалась такая сухонькая, такая хрупкая, такая счастливая… Я обнял ее и даже поцеловал в щеку. Мама окостенела. Прежний Леша не баловал ее проявлениями нежности. Ну ничего, я это исправлю.

Мама, опомнившись, суетливо скрылась в ванной и долго там чем-то шумела. Я постоял у двери, но не нашел нужных слов. Вернее, решил, что сейчас ничего говорить не нужно. Вместо этого прогулялся по квартире, сверяя ее образ с памятью Мухина. Он к ней привык, ничего другого не знал и знать не желал, но мне тут сразу стало тоскливо. Много ковров и пыли, много полированной мебели, за которой его… то есть уже мои родители отстаивали огромные очереди еще при Андропове. Тяжелые шторы на окнах.

Вот мой рабочий стол – полировка вся в отметинах от кружки с чаем. Единственная приличная вещь – довольно новый ноутбук, приз за победу в профессиональном конкурсе. Ноутбук почему-то радостно-белый. Все остальное – серо-коричневое. И очень пыльное.

Я решительно полез за пылесосом.

– Леш, ты что?! Я сама… Да и вообще… Обед же сейчас будет!

В голосе мамы было больше паники, чем радости. Я решил не настаивать, чтобы старушку не хватил удар. Слишком много неожиданностей на сегодня.

Пошел на кухню вместе с мамой, чем вызвал еще один радостно-подозрительный взгляд. Ну да, обычно я все время – включая обеденное – провожу у ноутбука. Но у меня был уважительный повод пообщаться с мамой.

– Мам, поможешь мне?

– Конечно, Леш, а что надо делать? Только погоди, я разогрею… Или это срочно?

Мама суетливо вытерла руки полотенцем. Я успокаивающе улыбнулся:

– Да ты разогревай, не волнуйся. Я просто хочу, чтобы ты меня послушала.

– Послушала? – она все-таки не решалась взять сковородку.

– Просто послушала, – подтвердил я. – Понимаешь, это философы… они в математике разбираются точно как ты. Вот я и решил – буду тебе рассказывать. Если ты поймешь, то и они, может быть, уловят суть.

Мама смутилась и, чтобы скрыть это, принялась возиться с обедом.

– Ну, ты не равняй… Они философы, а я…

– А ты самая замечательная мама в мире. Не бойся, я про

философию не буду. В философии я сам ни бум-бум.

Тут я, признаться, лукавил. Пару раз мне повезло очутиться в шкуре философа, и это были не самые плохие мои жизни. Но маме этого знать не стоило.

– Ладно, – сказала она, – давай попробуем.

– Хорошо, – я уселся на стул верхом. – Давай я буду говорить, а ты, как только услышишь что-то непонятное, меня спрашивай.

– Ладно.

На плите уже шипело и шкворчало, и вдруг эта квартира перестала быть серой и пыльной. Стала уютной. Я проглотил слюну и начал:

– Вот смотри, нас в школе учили: все состоит из материи…

– И воздух? – спросила мама.

– И воздух.

– И это… безвоздушное пространство?

– И… – в голове у меня что-то щелкнуло, и нужное воспоминание вынырнуло из чужой памяти, как дрессированный чертик из хорошо отлаженной табакерки. – Вакуум! Мам! Ты гений!

Я пулей унесся к ноутбуку. Мама вздохнула, но больше с облегчением, чем огорченно. Слишком странным был сегодня ее сын, слишком внимательным. А теперь все нормально: она греет котлеты, он сидит за компьютером.

– Через пять минут все готово будет! – крикнула она без особой надежды.

– Я сейчас! – ответил я без особого обещания.

* * *

Как здорово, когда попадаешь в молодое тело! Еще лучше, когда оно здоровое. Леша Мухин почти не пил, не курил из принципа, про заболевания, передаваемые интимным путем, и речи не было. Ощущалась некоторая склонность к полноте, но в двадцать пять лет она редко заметна. Конечно, он, как любой книжный червь, презрительно относился к зарядке, но этот недостаток я исправил в первый же день – отыскал на антресолях старый спортивный костюм и побегал немного по окрестным улицам. Мама только головой покачала. А когда я на следующее утро устроил настоящую зарядку – с полноценной нагрузкой, с водными процедурами – она просто всполошилась.

– Леша, – сказала она могильным голосом, – что случилось?

Я сообразил, что фразы типа «Да вот, решил спортом заняться!» или «Дай, думаю, зарядку сделаю» не прокатят. Бедная

женщина решит, что сын или серьезно заболел, или… заболел очень серьезно, причем на голову. Пришлось на ходу изобретать историю про толстого философа, которого я увидел вчера на лекции.

– Я смотрю на него и думаю: «Не дай бог я таким в его возрасте стану!». А потом разговорились – и оказалось, что он всего на три года старше.

Я изобразил искренний ужас:

– Думаю: «Нет, я себя до такого кошмара не доведу!». Буду бороться с ожирением.

Маму этот рассказ если не убедил, то успокоил. Она проводила меня на работу понимающим взглядом, в котором читалось: «Ну-ну, посмотрим, на сколько тебя хватит!».

Сегодня у меня был один семинар и один зачет. Семинар провели за меня сами студенты, я их вызывал поодиночке и заставлял разбираться с дифурами. Зачет принял автоматом. Не было у меня времени выслушивать всякий лепет. Студенты были удивлены, но настаивать не стали, быстренько собрали зачетки, я их быстренько подписал, и группа стремительно откланялась.

На кафедру не пошел, остался думать в аудитории. Корпус недавно отремонтировали, комнатка была чистенькая и светлая, даже на партах не оказалось традиционных наскальных надписей. Это меня заинтересовало, прошелся – и обнаружил несколько алгебраически-любовных уравнений, запретных выражений и даже пару рисунков. Все они красовались на стульях.

Я сел за одну из парт и уставился на доску, такую же новенькую и свеженькую, как парты снаружи. Несколько мгновений боролся с желанием выцарапать на матовом стекле доски краткое экспрессивное обращение к миру – и победил.

Итак, что мне рассказать философам? Только не формулы! Даже если я напишу тривиальное «е равно эм це квадрат», эти закоренелые гуманитарии моментально отрубятся. Только определения, только примеры, только логические конструкции. Как говорил один мой знакомый писатель: «Описание мира при помощи слов».

Исторические аналоги? Конечно, но не слишком много, чтобы и слушатели смогли что-то добавить, не дай бог оказаться компетентнее философов на их же поле! Пожалуй, мне простят пару ляпов. Простят, если я не учту какую-нибудь широко известную концепцию. Даже если Гегеля Гоголем назову – посмеются и простят. Но математик, который учит их философии? Нет, не стоит. Философии они меня будут учить!

Я встал, подошел к доске, взял мел. Чтобы не стоять просто так, нарисовал круг. Вспомнил Платона… И понял, как надо

начать свою лекцию. Но для начала – в библиотеку, за цитатами. Приходить на философский семинар без запаса авторитетных цитат – все равно что вооружиться автоматом без патронов…

Часа два я просидел в читалке, делая пометки в тетради и ругая себя за то, что не сообразил взять нотик. Цитат хватало, причем к Аристотелю и Фейербаху я смело добавил Винера и Ферми. Все это сильно напоминало рыбную ловлю.

Открываешь книгу, словно закидываешь удочку. Долго листаешь страницы, мучительно не понимая – как же так, где она? Место прикормленное… то есть тема подходящая, значит, должно клюнуть… то есть должно попасться что-то стоящее. Сердишься, когда попадаются «ерши» – фразы не совсем по теме, ничего не доказывающие. А потом неожиданно натыкаешься на жирного матерого леща, и подсекаешь его, выволакивая в подсачек тетради.

Очень увлекательно. Я вздрогнул, когда меня кто-то осторожно потрогал за плечо. Поднял голову и минуту, наверное, моргал, соображая, кто эта рыжая дамочка и что ей от меня нужно. Дамочка оказалась «моей девушкой» Валерой.

– Заработался? – она говорила почти шепотом, уважая покой библиотеки. – Я уже полчаса перед тобой торчу.

– Ага, – сказал я, потирая ладонью сухой лоб.

Я же что-то собирался ей сказать… Ах, да!

– Пойдем, – Валера потянула меня за рукав. – Мои до завтра уехали.

– Нет, – я был само спокойствие.

Валера уставилась на меня с видом папуаса, которому белый человек вдруг отказался поменять зеркальце на мешок жемчужин. Как же так? Вчера менял, позавчера менял, много лун назад менял – и вдруг «нет».

Я ждал. Она моргнула. Я уткнулся в книгу. Она села рядом со мной. Прижалась теплым боком. Положила теплую и мягкую ладошку на мое колено…

Черт! В использовании молодого тела есть и свои недостатки. В таких ситуациях, когда привлекательная девушка приживается к тебе бедром и кладет руку на колено, гормоны атакуют нейроны мозга, словно вандалы – Рим. По логическому мышлению проходятся тяжелой конницей. Здравый смысл берут в ножи. Рассудительность с улюлюканьем загоняют в темный угол. Я почувствовал, как вскипевшая кровь мечется по телу в поисках, что бы такое собою заполнить. Малая ее часть до отказа заполнила щеки, но большая часть нашла другой резервуар. Гормоны издали клич победителя.

Но я все-таки сдержался. Это как с шантажом. Если поддамся

сейчас, потом будет труднее.

– Нет, – повторил я.

И торопливо сглотнул, потому что «нет» из пересохшего горла прозвучало очень неубедительно. Валера посмотрела мне прямо в глаза. Ее глаза были цвета свежего липового меда, мне мучительно захотелось их лизнуть. «Это из-за жилплощади, – строго напомнил я себе, – исключительно из-за жилплощади!». И опять сглотнул.

– Нам надо расстаться, – сказал я и мысленно влепил себе затрещину.

Нашел слова, молодец! Надо было еще сообщить, что мы не можем быть вместе.

– Мы не можем быть вместе, – сказал я.

Крови на мозг явно не хватало. Вся кровь собралась в щеках и там… внизу живота.

Валера, кажется, поняла.

– Пойдем, – сказала она одними губами. – Поехали ко мне.

Она осторожно сдвинула руку. В моих штанах рванула кумулятивная граната. Валера покосилась на мою ширинку и презрительно скривила губы. Я понимал, что завтра она всем обо всём расскажет. Да еще приукрасит. Я понимал, что в библиотеке придется сидеть допоздна, пока позорное пятно не высохнет.

И все равно стало легче. По крайней мере, гормоны угомонились.

– Ясно, – сказала Валера в полный голос, поднимаясь.

Девушка за соседним столиком покосилась на нее с трогательным осуждением. Валера ушла, как будто нарочно громко цокая каблуками.

«Надо будет завести нормальную любовницу, – приказал я себе, – с квартирой».

И снова погрузился в первоисточники.

Остывающая кровь медленно растекалась по жилам.

* * *

Мама открыла мне дверь с каким-то трудноуловимым выражением лица. Как будто она считает нужным отругать меня за что-то, но в глубине души хочет меня похвалить за это же.

– Что случилось? – спросил я, снимая ботинки.

Она приподняла брови, поджала губы и сказала с демонстративным осуждением:

– Приходила твоя девушка, Валерия.

Я развеселился. Похоже, «моя девушка» настойчива, как катящийся с горки танк. Как она еще бедного Мухина не окрутила? Зуб даю – именно потому, что бедный он, Мухин. В смысле – небогатый.

– Бывшая девушка! – сказал я в меру виновато и отправился переодеваться в домашнее.

Мама за мной в комнату не пошла, уважая право взрослого мужчины переодеваться в одиночестве.

– Нельзя так, Лешенька, – теперь, когда мамин голос звучал из-за двери, он показался искренне огорченным. – Девушка хорошая, переживает…

Я изучил штаны. Пятно почти не заметно, но носить я это не смогу. Надо постирать.

– Можно, мам, можно! – отозвался я. – И даже нужно.

Больше она ничего не сказала, только протяжно, с присвистом, вздыхала в коридоре, пока я влезал в домашние треники. Когда я вышел и взглянул в ее несчастные глаза, то убедился – отчитывают меня исключительно из жалости к «бедной девочке», а не от чистого сердца.

– Все будет хорошо! – заверил я и со штанами в руках направился в ванную.

– Ой, не знаю… А куда ты штаны понес?

– Да я пятно посадил, постирай, ладно? – и я сунул свою ношу в стиралку. – А что у нас на ужин?

Мама явно обрадовалась изменению темы, оживилась:

– Голубчики! Я на рынке хорошей капустки взяла… – но тут же спохватилась. – Погоди, Леша, ты все-таки извинился перед ней, а?

Многовековой опыт учит, что такие вопросы нужно решать жестко и быстро. Поэтому я повернулся к маме, взял ее за плечи и твердо сказал:

– Мама, не любит она меня. Ей квартира наша нужна, а не я. Прописка и жилплощадь.

Мама растерянно заморгала. Ее оторванный от жизни сынок с каждым днем менялся в непонятную сторону. Вроде и мужал, но как-то слишком резко.

– Ну почему сразу жилплощадь? – жалобно сказала она.

– Она сама проговорилась, – ответил я все так же жестко. – Я ее и послал.

Это было вранье, но вранье во спасение. А чтобы мама окончательно перестала мусолить эту тему, я дополнил ложь суперложью:

– А еще она заявила, что тебя можно будет отправить в дом престарелых, потому что квартира маленькая.

Это было уже не жестко, а откровенно жестоко. Мама сразу перестала изображать осуждение и озабоченность… да вообще перестала что-то изображать. Поникла плечами, словно крыльями, и задрожала уголками губ. Я обнял ее покрепче и принялся гладить по голове. Мама расплакалась – тихо, без истерики, просто как обиженная старушка.

– Мамочка-мамуля, – говорил я те слова, что она так хотела услышать, – зачем она нам? Нам и вдвоем хорошо. Разве она будет меня так смотреть, как ты? Ты же у меня такая добрая, такая заботливая…

Она плакала все сильнее, но я чувствовал, что ей становится легче. Сколько же она так не плакала в надежное мужское плечо? Я шарил по мухинской памяти, но там ответа на вопрос не находил. Мама плакала, когда Леша был совсем маленький. Потом, может быть, тоже иногда пускала слезу, но он не запомнил – слишком занят был. В десять лет он открыл для себя высшую математику, и с тех пор все было неважно, кроме ровных строчек уравнений. В них все так просто и ясно. Одно следует из другого, другое – из третьего. И если не ошибиться, если четко следовать логике, то всегда найдешь множество решений. Оно может быть пустым – и тогда говорят, что система не имеет решений, но ты-то знаешь: решение есть, просто оно пустое. Все на свете имеет решение, если описать его правильными выражениями – уравнениями и неравенствами…

– Мамочка, хорошая моя, я только тебя люблю…

Я гладил маму и говорил нужные слова, а в голове у меня лились два мысленных потока, не связанные между собой и даже с разной скоростью.

Один, ленивый и тягучий, поток крутился водоворотом вокруг одной мысли: «Ну почему? Почему я до сих пор не стал циником? Почему мне не наплевать на слезы чужой, в общем-то, женщины?» И в водовороте набухшей щепкой мелькал ответ: «Да был я циником, был. Много веков назад. Может быть, много тысячелетий назад. Я смотрел на всех свысока и посмеивался – мол, ничего нет нового под луной. А потом перестал быть циником. Потому что жить – гораздо интереснее, чем посмеиваться. А жить – это и значит страдать, обманываться, тешить себя несбыточным, верить в чудо, утешать тех, кого мог бы и не утешать…»

Но был и другой мысленный поток – стремительный, в брызгах эмоций и пене обрывочных идей: «Уравнения… неравенства… Математика – формализованная логика! Но логика Аристотеля… Кстати, Аристотелем надо начать… Логика… Другая логика… Материя не информация. То есть информация не

материя. Другая логика – другая математика! Другая, совсем другая!!!»

* * *

Всю ночь я стучал по клавишам, лег под утро, и на звонок будильника первым порывом было стремление к физическому уничтожению дребезжащего орудия Сатаны. Потом, слегка проснувшись, я начал склоняться к идее внезапной болезни. Позвонить на кафедру, хриплым голосом пожаловаться… Отпустят – сегодня занятий у меня нет, только курсовик…

Я резко, рывком сел в кровати. Курсовик… Нет, сегодня прогуливать никак нельзя!

Пока я, ухая и крякая, делал зарядку, в комнату дважды заглядывала мама. После вчерашнего она чувствовала себя смущенной и благодарной. Мне вдруг подумалось, что она вообще впервые выплакалась и впервые слышала столько слов «люблю» подряд. Отец, если память не врет, был человеком суровым и неразговорчивым. Оттого и помер – терпел сердечные приступы до последнего, а когда схватило по-настоящему, было уже поздно.

До универа пробежался, пережигая гормоны – любовницу заводить пока недосуг, а голову следует иметь ясную. Из-за этого на десять минут опоздал. Курсовик, третьекурсник Миша Леоненко, уже скучал на подоконнике возле кафедры.

– Извиняйте, Михаил, – сказал я весело. – Принесли?

Тот кивнул и выдернул из-под себя папку. И уставился на меня с тоской: мол, можно я уже пойду чем-нибудь толковым займусь? Я сунул папку подмышку и принялся рассматривать Мишу. Мой предшественник был уверен, что студент Леоненко – одаренный, но ленивый. И то и другое порывами до гениальности. Гениально одаренный и гениально ленивый. Во второе верилось с полувзгляда. Причесан кое-как, майка мятая, джинсы грязноватые… А вот одаренность на лице не читалась. Это было бы крайне неудачно.

Под моим пристальным взглядом Миша занервничал:

– Да исправил я там все, чес-слово, Алексей Васильевич! Я там в одном операторе операторную скобку закрыть забыл…

– Верю! – сказал я. – А хочешь Нобелевку, Леоненко?

Миша осекся и теперь уже он пристально разглядывал меня. Да, пожалуй, на ты я рано перешел, он же в ответ тоже «тыкать» начнет…

– Я серьезно. Есть тема, которая перевернет математику как

науку.

Миша опасливо покосился по сторонам. Кажется, он уже поставил мне диагноз. А мне еще философов убеждать… Нет, им я, конечно, про Нобелевку не буду говорить.

– Правда-правда. Пошли, Леоненко, будем сотрясать основы.

– У меня занятия, – жалобно сказал он, но с подоконника слез.

Я прищурился, вспоминая расписание. Память у Мухина была тренированная – в том, что касалось работы.

– Основы этики? – уточнил я. – Только не говори мне, что ты на нее ходишь.

– Потом спецкурс, – не сдавался Миша.

– Успеешь. Пошли, я только поставлю задачу…

* * *

На спецкурс Миша не успел. Забыл о нем, а когда вспомнил, то и дергаться не стал:

– Фиг с ним, Ал Васильевич! У меня уже автомат, вы лучше сюда посмотрите!

Глаза у него горели, как у собаки Баскервилей. Я вдруг подумал, что у Леоненко девчонки, наверное, нет. Вон сколько нерастраченной энергии. Два с половиной часа по комнате скачет, а если садится на стул, то исключительно верхом, и раскачивается в такт своим аргументам.

– Нечеткая логика, Ал Васильевич! Квантовые компьютеры – слыхали про такую штуку?

– Да я слыхал, но там ведь…

– Да там система команд – это то, что нам надо!

Он торжествующе подскочил, но тут же сам себя осадил:

– Хотя не, там команды те же, только вычисления параллельные… Не совсем то.

Миша задумался.

– Напоминаю задачу, – мягко сказал я, – нам нужна не система команд. Нужна новая математика, основанная не на Аристотелевой логике…

– Ха! – Миша схватил ручку и намылился писать на первом попавшемся листе бумаги.

Это оказался оборот распоряжения ректора, с которым я должен был ознакомиться под роспись, так что бумагу я Мише заменил на какой-то черновик.

– Ага, – кивнул курсовик и принялся чертить схему.

Под «ага» он, судя по всему, подразумевал «извините»

и «спасибо».

– Вероятности, – бормотал он, – нам нужны вероятности…

Я навострил уши. Ночью я тоже добрался до этой идеи, но не смог ее додумать до конца. Памяти математика тут было недостаточно, нужна была математическая соображалка. Причем молодая, гибкая, способная послать традиции в нетрадиционном направлении.

– Ал Васильевич! – от избытка радости Миша даже приподнялся на стуле. – Гляди! Нечеткая логика – это вероятности, но не значения, а функции! И они же операнды! Рекурсия!!!

Я простил ему даже переход на ты – все равно он был неизбежен. Мухинская память на слово «рекурсия» отозвалась радостным звоном. Значит, Миша угадал правильно.

– Супер! – сказал я. – Теперь нужно поработать с аксиомами…

Курсовик скривился с видом Колумба, который явился доложить об открытии западного пути в Индию, а его заставили отчитываться о трате командировочных.

– Ладно, – вздохнул я, – это я и сам. Сначала надо проверить идею. Давай просчитаем что-нибудь такое… туннельный эффект помнишь?

Миша неуверенно кивнул. Физику им читали, но так, вполноги. Ничего, пусть осваивает смежные отрасли знания, если хочет Нобелевку.

– Почитай что-нибудь по теорфизу, там все просто. А потом создай модель в предложенных тобой терминах.

Миша зарделся.

– А что, – мечтательно произнес я, – «теорема Леоненко»… звучит, черт побери!

Миша стал похож на засватанную девку.

– «Теорема Леоненко – Мухина», – поправил он из чувства справедливости.

– «Первая теорема Леоненко – Мухина», – уточнил я торжественно.

Мы рассмеялись. Теперь Миша горы свернет, чтобы разобраться с этим чертовым туннельным эффектом.

Когда он ушел, из-за шкафа раздалось тактичное покашливание. Я мысленно обругал себя. Совсем забыл – там же обретается вечный доцент кафедры Игорь Иванович, человек старой закалки и замшелого ума. Я уже прикидывал, как буду врать, что про Нобелевку и новую математику я студента разыграл, но обошлось без этого.

Когда Игорь Иванович явился из-за шкафа в выцветшем своем джемпере под пиджаком, в пыльных брюках, поблескивающих на

заду, он изрек:

– Не стоит, Алексей Васильевич, допускать, чтобы студенты вам тыкали. Потом проблем не оберетесь.

Я приложил руки к груди, изобразив скульптуру «Раскаяние».

– Виноват, Игорь Иванович, увлекся.

– И еще, вы заметили – теорема-то не «Мухина – Леоненко», а «Леоненко – Мухина»! Опасный мальчик, вы бы его поостереглись. А то «Мухин» из названия может вообще исчезнуть! Не повторяйте моих ошибок!

Скульптура «Раскаяние» плавно перетекла в скульптуру «Безмолвная благодарность старшему товарищу». Игорь Иванович величаво кивнул и вернулся к себе за шкаф, а я укусил себя за щеку, чтобы не расхохотаться.

* * *

Теперь, когда математической частью занимался молодой горячий Миша, я смог, наконец, сосредоточиться на философской части. Точнее сказать – на риторике. Каждое слово, которое я произнесу перед этими снобами, должно быть к месту, с нужным выражением и нужной паузой. Леша Мухин занимался своей теорией из соображений честолюбивых – пусть и называл это любовью к истине – у меня интерес сугубо практический. Много раз я пытался понять систему своих прыжков из оболочки в оболочку, много раз находил людей, которые находили объяснения, но всегда это была или смесь предрассудков и суеверий, или нечто невнятное и далекое от практики.

И вот теперь, наконец, появится возможность привить к гуманитарному дубу математическую грушу. Поверить философию алгеброй собственного сочинения. Вычислить Бога. Формализовать чудо.

Понять, кто я такой – и есть ли другие такие.

Я давно запретил себе мечтать о встрече с себе подобными, но все равно всякий раз, когда появлялся хоть призрак надежды – тянулся к предполагаемому собрату. И всякий раз сердце замирало, чтобы через секунду разочароваться и продолжить унылый перестук. Всего лишь жизнь назад я пережил это, когда услышал от Мецената: «Я живу не первый раз…».

Эти мысли и надежды заполняли голову, вытесняя прочь нужные размышления, так что приходилось ругать себя матерно (но неслышно) и за шиворот возвращать к лекции.

Все прочие дела отошли на задний план, семинары я проводил халтурно, на заседаниях кафедры старался забиться

в угол, и даже пятничное отмечание дня рождения Игоря Ивановича бессовестно пропустил, хотя был приглашен еще месяц назад.

К субботе текст был готов, но я перечитывал его снова и снова, переставляя слова и пробуя интонации. Мама покорно выслушивала предлагаемые варианты, но выбрать обычно ничего не могла. Зато помогала в другом. Иногда она робко просила:

– Сынок, а попроще это можно как-нибудь сказать?

И тогда я вчитывался в оборот, признавая, что проще сказать не только можно, но и нужно.

Трижды звонила Валера (я не брал трубку) и один раз – кто-то незнакомый. Трубку я тоже поднимать не стал, потому что как раз мучился с разбиением на куски сложноподчиненного предложения. Но потом, в свободную минутку, отзвонился:

– Извините, вы звонили с этого номера…

– Алексей Васильевич? – твердый женский голос, привыкший отдавать команды.

Она даже спрашивала так, как будто посылала на пулемет.

– Да. Надежда Петровна? – я тоже старался быть как можно тверже.

Если она сейчас попытается отменить лекцию…

– Узнали, – голос потеплел на полградуса, – богатой не буду. Вы готовы к лекции?

– Как раз перечитываю текст.

– Очень хорошо, – она почему-то запнулась и продолжила вроде как неуверенно. – А вообще жаль, что не буду богатой. По крайней мере, не в этой жизни.

Во рту у меня пересохло. Я не смог сказать вообще ничего. Так и сидел молча, пока она не попрощалась и не отключилась.

Я забрался в душ и долго под ним стоял. «Не в этой жизни»… Это просто такое выражение. Обычное. Идиоматическое. Никакого отношения к моим прыжкам по оболочкам оно не имеет.

Надо завтра устроить себе выходной.

* * *

Выходной удался на славу. Вот еще одно преимущество молодого, относительно здорового организма – когда он устает, он спит. По десять-двенадцать часов кряду. Даже физиологические позывы не будят это неизношенное, не порченое простатитом тело. А когда и потревожат, можно встать, сходить куда положено и бухнуться в постель не просыпаясь.

Пару раз меня отлавливала в коридоре мама и заставляла сесть за стол. Я с удовольствием насыщался домашней едой (пусть не совсем диетической, зато чертовски вкусной), невнятно благодарил и отправлялся «еще немного поспать».

Окончательно проснулся только к вечеру. Мама накормила меня ужином, который я уплел с аппетитом доброго работника на покосе.

– Как устал мальчик, – довольно ворчала она, – проголодался. Вот только режим зря поломал. Весь день проспал, что будешь ночью делать?

– Спать, мать! – весело срифмовал я. – Пойду немного по улице прогуляюсь – и засну как миленький. Честное пионерское.

Мама смотрела на меня и улыбалась. Наверное, я ей напоминал того маленького сыночка, который приносил из школы пятерки и благодарности за примерное поведение. Напоминал то счастливое время, когда сама она была молода, и муж ее – каменная стена – закрывал семью от всех ветров и напастей.

Набросив летнюю курточку («Лешенька! Простудишься!»), я выскочил на улицу. Май вступил в ту замечательную пору, когда заморозки уже не заставляют ежиться по утрам, а листва уже показалась, молодая и свежая, не покрытая городским чадом и копотью. Я быстрым и бодрым шагом прошелся по улице, дошел до парка и замер, глядя в небо.

В чем прелесть областного центра? И блага цивилизации есть, и небо видно. Настоящее, со звездами. Я любовался рисунком созвездий, словно старыми семейными фотографиями. Говорят, рисунок созвездий с веками изменяется. Наверное. Не знаю. Если и изменяется, то так медленно, что я не успеваю заметить это. Мне кажется, что и сто, и двести, и пятьсот лет назад я точно так же рассматривал эти блестящие узорчики, эту вышивку белым бисером на фиолетовом бархате. От этого легче. Как-то успокаиваешься, понимая, что не один ты такой долгожитель в этом мире. Есть еще, как минимум, звезды.

«Не в этой жизни», – непрошено вползло в мои мысли, но я беззаботно отмахнулся. Обычная идиома, чего она меня так зацепила вчера? К черту несбыточные надежды! Даешь изготовление судьбы своими руками!

Как здорово быть молодым. Оптимизм разлит в теле, его производит каждая клеточка, каждый новенький орган. Жизнь прекрасна, а смерти не существует! Я рассмеялся небу.

– Смеются они, – проскрипел кто-то на грешной земле.

Я опустил глаза. Мимо проходил, опираясь на суковатую клюку, седенький дедушка. На меня он не смотрел и говорил

будто бы сам с собой.

– Шалопаи… Ничего еще в жизни не сделали, а туда же! Пожил бы с мое…

От хохота я сложился пополам.

Дедушка, который не годился мне даже в прапрапрапрапраправнуки, ушел, укоризненно стуча палкой об асфальт.

Жизнь была прекрасна.

Дома я выпил ромашкового чаю и – к удивлению и радости мамы – завалился дрыхнуть.

* * *

В аудиторию пришел заранее. Никаких плакатов с формулами, конечно, не брал – только несколько страничек с тезисами и цитатами. Мишка явился почти сразу за мной. По его виду сразу было понятно, что – получилось. Мы обменялись короткими кивками, и мой курсовик сунул мне в руку три странички, распечатанные на принтере.

Новое поколение, даже выкладки от руки написать не могут.

Я бежал глазами по строчкам и улыбался. У парня все получилось. Он смог вдохнуть в старые формулы новую жизнь. Пусть это было местами коряво, а местами запутанно, но он сумел придумать новую математику, в которой четкая логика заменена неопределенностью, в которой причина и следствие не всегда идут в однозначном порядке. Математику для информации. Пока не всю, пока он смог решить только одну частную задачу, но все равно это было очень красиво!

Я поразился сам себе. Никогда раньше я не видел в формулах ничего, кроме ненужной зауми… Ну ладно, нужной зауми, но нужной не мне, а высоколобым специалистам, продвинутым счетоводам. И вот нате – улыбаюсь, рассматривая эти закорючки. То ли слишком много математика Мухина во мне уцелело, то ли я увидел за формулами настоящую жизнь…

– Ал Васильевич, – удивленно спросил Миша, – вы что, с похмелья?

Я понял, что руки мои исполняют пляску святого Витта, аж шелест стоит. Положил бумажки на кафедру, ладони сунут в карманы. Пусть там подрожат.

– Спокойно, – ответил я, – это жажда боя. Трепет боевого скакуна перед сражением.

Мишка недоверчиво улыбнулся. Для него это была просто метафора, он никогда не видал скакуна перед сражением. А я

видал, так что знал, о чем говорю. Слишком хорошо отдохнул вчера, мне бы сейчас на мечах порубиться…

– Кстати, – сказал я, – сейчас я философам немного мозги попудрю. Хочешь послушать?

– Ага. А как?.. – он кивнул на распечатку.

– Супер! – честно сказал я. – Не думал, что ты справишься.

Миша расцвел. Все-таки жаль, что такой умный мальчик – и без девчонки. Хотя сейчас это мне только на руку. А потом, если все пойдет как надо, у него от девушек отбоя не будет. Правда, сам он к тому времени, возможно, будет совсем не юн.

– Но есть и пожелания, – немного остудил я. – Смотри…

Философы входили в аудиторию один за другим, недовольно косясь на нас с Мишкой. Я, конечно, здоровался с каждым входящим, но тут же возвращался к упрямому студенту. Миша каждую запятую в своих выкладках был готов отстаивать до последней капли крови, выпитой из меня. До начала лекции мне удалось убедить его признать всего полторы ошибки.

Но вообще-то я был Мишке благодарен. Благодаря ему я поднялся на кафедру слегка перегоревшим, без стремления махать мечом и давить соперников.

– Доброе утро! – сказал я с ясной улыбкой. – Большое спасибо, что пришли. Тронут.

Я переводил взгляд с одного слушателя на другого. Немного задержался на глазах Надежды Петровны. Ничего необычного. Стальные смотровые щели. Никакой мистики.

– Для начала прошу понять, – покаянно прижатые к груди руки, – я никого не собираюсь учить или просвещать! Конечно, вы – специалисты, а я – дилетант. Но я тешу себя надеждой, что мои не вполне компетентные рассуждения натолкнут кого-нибудь из вас на свежую идею.

Мишка на последней парте кривится. Ну да, если бы он оказался на моем месте, то начал бы со слов «Ну и дураки вы все!».

– С чего все началось? С того, что я заметил в диамате небольшую формальную состыковку. Насколько я понял эту теорию, в ней все строится на диалектике, так?

Головы слушателей непроизвольно кивнули. Отлично, дорогие, отвечайте на мои риторические вопросы, авось не заснете.

– А диалектика – это всегда противопоставление противоположностей…

– Единство и борьба противоположностей, – немного иронично поправляет кто-то из молодых.

Чудненько! Участвуем в дискуссии, господа, не стесняемся!

– Простите. Единство и борьба противоположностей. У каждой тезы есть своя антитеза. У всякой палки, образно говоря, два конца. У всякой, кроме… – немного театральная пауза, взгляд в несколько лиц, – кроме материи!

Скепсис и насмешка в глазах философов. Ну-ка поправьте меня.

– Вообще-то, юноша, – это уже кто-то из профессуры, седой и благообразный, – если вы не в курсе, материя всегда противопоставляется духу, сознанию…

Этому нужно ответить цитатой. Что-то из классиков.

– Так-то оно так, но еще Ленин в «Материализме и эмпириокритицизме» писал… э-э-э, – кошу взглядом на листочек, – что «противоположность материи и сознания имеет абсолютное значение… исключительно в пределах основного гносеологического вопроса о том, что признать первичным и что вторичным. За этими пределами относительность данного противоположения несомненна».

Один – ноль. Теперь нужно отдать шар сопернику.

– Хотя вы, конечно, правы. Материя и сознание противопоставлены друг другу… как целое, – амплитудный жест, – и часть, – скупой жест.

Кажется, ничего. Надежда Петровна, кажется, не моргает. Интересно, почему она не носит очков? Добавила бы себе солидности.

– А вот что противопоставлено материи, – продолжаю жестикулировать, – на, так сказать, ее уровне? На уровне мировой субстанции? Где второй конец этой палки?

Пауза. Пусть подумают.

– Я долго ломал голову над этим вопросом. Мне кажется, лучшим кандидатом для антитезы материи является информация…

* * *

Мне все-таки удалось их расшевелить, большей частью молодежь. Профессура явно скучала, а тот – седой и благообразный – которого я угостил цитатой из Ильича, в середине обсуждения вообще ушел. Не демонстративно, но и без извинений.

Ну и черт с ней, с профессурой. Молодые мне нужнее. Я даже позволил им всыпать мне по первое число, сделал вид, что неправильно понимаю метафизику Аристотеля. Ох уж они меня повозили мордой по цитатам! Зато потом милостиво выслушали

некоторые примеры из физики.

А когда я заикнулся об экстрасенсорике, откровенно развеселились.

Ну тут-то как раз мне было что сказать:

– Нет-нет, я понимаю, что среди профессиональных ясновидящих большинство – если не все – шарлатаны. Но задумайтесь: ведь каждый знаком с ощущением взгляда в спину? И вы оборачиваетесь – и сталкиваетесь с этим взглядом. А психологическая взаимосвязь матери и ребенка? После рождения, а иногда и много лет спустя, мать знает, где ее дитя, как оно себя чувствует. Особенно если ребенок в опасности. Да и влюбленные понимают друг друга на уровне не только невербальном… на черт знает каком уровне! Как это все объяснить?

Это заставило их задуматься. Каждого о своем. И неожиданно я получил поддержку от одного из профессоров.

– Когда умирал мой отец, – произнес он очень медленно, – он… у него отнялись ноги. Он перестал подниматься с постели.

Никто не смотрел на профессора, но аудитория словно перестала дышать.

– И я… вызвал одного… как бы сказать… вроде как массажиста. Хотя массажировал он странно, не прикасаясь к телу. Просто водил руками над спиной. И мой отец, старый коммунист и воинствующий безбожник, с удивлением говорил: «Странно… как будто тепло какое-то». После двух сеансов он снова стал ходить. Боль ушла.

Профессор замолчал. Все затаили дыхание в ожидании чудесной развязки.

– Но через месяц ему стало хуже. А через два с половиной он умер.

Чуда не дождались. Что говорить в такой ситуации? В такой ситуации лучше помолчать. Все и молчали. И снова неожиданно заговорил профессор:

– Но ведь он снял боль. И добился временного улучшения. То есть что-то все-таки есть. Правда, когда он пытался мне объяснить принципы своего врачевания, – рассказчик улыбнулся, и всех сразу отпустило, – я чуть не поседел раньше времени.

Слушатели облегченно заулыбались.

– Какие-то Шамбалы вперемешку с православием и физикой элементарных частиц! Ужас!

– Вот именно! – подхватил я. – Есть явления, которые существуют реально, и есть люди, которые пытаются их объяснить… и лучше бы они помалкивали!

Еще более оживленный гул. Всем захотелось оказаться

подальше от неожиданного и страшного рассказа.

– Например, гомеопатия, – вещал я. – Пользуемся ею несколько тысячелетий, а строгой теории до сих пор нет. А давайте представим, что воздействует в данном случае не материя, а информация. То есть мы вводим в организм не лекарство, а только информацию о лекарстве…

Это был хороший пример, я на него сильно рассчитывал. Но тут подала голос Надежда Петровна.

– Прошу прощения, что перебиваю, – голос ее был слегка сиплым, она ведь молчала все это время, – но позвольте небольшой пример, а вы попробуете его объяснить на основе вашей теории.

– Не теории, – улыбнулся я. – Гипотезы. Давайте попробую.

– Да, гипотезы, – она смотрела на меня не мигая, как кобра на флейту. – Я имею в виду переселение душ.

Я оцепенел.

– Все эти реинкарнации, – продолжала она, и голос ее уже не был сиплым, – кармы, гилгулы и прочее. Как бы вы их объяснили? Или вы считаете, что все это сказки?

– Нет, не считаю, – теперь сипел я. – И я сам очень хотел бы понять, как это все происходит. Но я пока не знаю.

Окончание лекции получилось скомканным, хотя именно оно должно было стать самым важным этапом. Я собирался плотно пообщаться с некоторыми из молодых, договориться о продолжении разговора… Вместо этого кое-как ответил на вопросы, выдавил из себя: «Если кто-то заинтересовался сегодняшним разговором – я работаю на кафедре прикладной математики… Милости прошу».

На том и расстались.

Я был уверен, что Надежда Петровна предложит поговорить наедине. И она предложила.

* * *

У нее оказался шикарный кабинет – небольшой, но с огромным окном во всю стену. И очень уютный, хотя и без всех этих цветочков-салфеточек, которые многие женщины считают уютом. Идеально чистый стол, ничего лишнего. Да и вообще – чисто, пыль не пляшет в столбе света. «Не удивлюсь, – подумал я, – если она сама тут влажную уборку делает дважды в день».

Мы сидели и молчали. Она – спиной к окну, я лицом. День был яркий, я плохо различал ее лицо, видел только силуэт. Разве что глаза… Глаза теперь не казались стальными заслонками,

скорее это были два маленьких водоворота. В них крутились тысячи незаданных вопросов.

Мы молчали. Смотрели друг другу в глаза и даже не шевелились. Руки перед собой на столе. Два сфинкса играют в гляделки.

Ладно, я все-таки мужчина. Мне нужно сказать то, что понятно уже обоим.

– Вы… тоже?

Она тоже. И она боится, что ошиблась. Наверное, она тоже пару раз ошибалась, как и я.

– Что… тоже?

Отражение моей фразы, точно так же, как и она сама – отражение меня. Два слова, разделенные паузой в полторы секунды. Нет, надо с этим кончать.

– Я… я блуждающая душа, – смотрю в свое отражение, как в зеркало. – Я переселяюсь из тела в тело. Меняю оболочки. В это, – небрежно указываю на себя, – я вселился…

– Неделю назад посреди лекции, – сказала она.

И сразу стало легче. Хорошо, что мы сидим. Ноги ватные.

– А я здесь уже год.

Сначала мне показалось, что она улыбается, но оказалось, что рот скривился не перед хохотом, а перед плачем.

* * *

Мы проговорили три часа подряд, быстро, захлебываясь, перебивая друг друга и перехватывая мысль. Мысль была одна на двоих.

«Наконец-то! Наконец-то есть еще кто-то!»

Мы болтали, как два друга детства, или два однополчанина, или разлученные в детстве близнецы, или… Нет, все эти сравнения хромают. Ближе всего такое: мы говорили, как умалишенный, обнаруживший в палате зеркало, болтает сам с собой. Ничего нового мы друг другу не сказали, да и сказать не могли. Ведь мы были одним и тем же существом, разделенным зачем-то надвое.

Отличия удалось выявить лишь самые незначительные. Например, я меняю тело раз в два-три года, а то и чаще, а она гостит в оболочке лет по пять-семь. Она лучше помнит прошлое, зато я быстрее осваиваюсь на новом месте.

Так что мы повторяли все то, что было и нам самим известно, но ничего более захватывающего мы в жизни не слышали.

Мы бы продолжили болтать и дальше, но нас прервали.

Молодая дама, скорее всего, из деканата философского факультета, нарушила наше уединение. Коротко постучав, она тут же вошла и зачастила со скоростью хорошо смазанного пулемета:

– Надежда Петровна, Александр Иванович просил вас…

И тут в ее пулемете заело ленту. Дамочка застыла на полуслове с приоткрытой челюстью. Надежда нахмурилась и переспросила:

– Что с вами, Леночка? Что он просил передать?

Леночка из столбняка вышла, но ответить не удосужилась.

– Я потом зайду, – пробормотала она, развернулась и вышла, даже не покачивая худыми бедрами.

– Чего это она? – удивился я.

Надежда пожала плечами, потом посмотрела на стол перед собой и вдруг рассмеялась. Я проследил ее взгляд и поддержал веселье – мы сидели, крепко схватив друг друга за руки.

– Ты женат? – спросила она деловито.

– Нет. Я с мамой живу. Но в двушке.

– Это хорошо. Я-то замужем…

Она нахмурилась, но я понял, что речь идет не о трагедии, а всего лишь о проблеме. Надя сейчас сожалеет не о муже, которого придется бросить, а о времени, которое придется на это потратить.

Уже в машине я поинтересовался:

– А кто муж?

– Хороший человек, – Надя ловко выруливала с универской парковки. – Проректор по хозчасти. Ничего, разберемся. Твоя мама как отнесется, если я сегодня перееду?

Я поскреб подбородок. М-да… Мама, мягко говоря, будет удивлена… Ничего, сердце у нее, кажется в порядке. Сосуды пошаливают, но не настолько, чтобы наш разговор закончился инсультом.

– Я подготовлю, – пообещал я. – Она вообще-то добрая.

– Расскажи про нее поподробнее, – попросила Надя.

* * *

Мама очень долго не могла поверить, что я не шучу. А когда поверила, села на табуретку и замолчала, тупо переводя взгляд с одного предмета интерьера на другой и мусоля в руках носовой платок.

– Она молодая? – жалобно спросила мама.

– Ну… не соплюха… немного старше меня.

Мама прижала платочек ко рту.

– Ой, – сказала она.

Я обнял маму и пообещал, что Надя ей понравится. Что если не понравится, я ее выгоню. Что все будет хорошо. Что у нее самый умный сын в мире.

– Это в математике ты умный, – безнадежно сказала мама.

Надя позвонила в дверь уже ближе к одиннадцати. Затаив дыхание, я открыл дверь… и вдох застрял внутри, не сменившись выдохом. Перед дверью стояла очень испуганная молодая женщина, сжавшаяся так, чтобы при любом резком движении или окрике броситься наутек.

– Это моя Надя, – сказал я и повернулся к маме.

Мама рассматривала мою половинку с жалостью. Может быть, она и собиралась изобразить вежливое отчуждение или даже угрозу, но как можно угрожать маленькой бедной собачке, которая, дрожа от холода, просится в тепло.

– Вы проходите, – сказала мама, – я сейчас чайку соображу.

Потом мы сидели за столом и пили чай. Надя краснела так естественно, что меня завидки брали. Краснела и поглядывала на меня каждый раз, когда собиралась что-то сказать. Вроде как разрешения спрашивала. Мама незаметно для себя перешла на ты и все ругала меня, что я раньше их не познакомил.

– А я-то думаю, чего это он свою Валеру… Ой! – мама торопливо прикрыла рот рукой и принялась шарить по столу. – Тут где-то варенье смородиновое, там витамины.

Я рассмеялся:

– Да ладно, мам, тоже мне, тайна, – я повернулся к Наде. – Это моя бывшая девушка. Мы с ней расстались сразу… после прошлой лекции.

Надя робко улыбнулась и спрятала лицо большой чашкой с пляшущими Козерогами. «Мама ей папину чашку выделила, – сообразил я. – Отлично!»

– Я ведь тоже замужем была, – сказала Надя из-за чашки.

Мама чуть-чуть напряглась:

– А детки у вас есть?

Надя покачала головой с непередаваемой печалью. Честно говоря, мне показалось, что эту печаль она не играет.

– Муж не хотел. Но я еще молодая, так что, – короткий вопросительный взгляд на меня, – если Леша не будет против…

И она зарделась, не договорив, как гимназистка на уроке анатомии.

– Конечно, – мама подперла голову рукой, – хорошо бы внуков дождаться.

Мы сделали еще по глотку, и вдруг мама всхлипнула.

От неожиданности я едва не пролил чай.

– Мама!

– Ничего-ничего! – мама замахала на меня рукой. – Это я от счастья… Думала, уж не дождусь…

Всхлипы удвоились. Я удивленно покосился на Надю, которая тоже сидела с глазами полными слез.

– Пойду-ка я постель организую, – решил я.

Меня никто не остановил. В спину мне потянулся тонкий женский вой.

* * *

Мы лежали обнявшись. Нам было так удобно, как будто наши тела специально изготавливали с учетом неровностей друг друга.

– Ты такой удобный, – сказала Надя.

Я рассмеялся:

– Это мы удобные. Ты молодец!

Я чмокнул ее в нос за то, как она здорово установила контакт с мамой. Надя поняла.

– Это просто. Я ее полюбила. Еще до первого взгляда, понимаешь? А потом…

А потом Надя уже почти и не играла. Она была той самой робкой и застенчивой невестой, о которой всегда мечтала для меня моя мама.

– Слушай, – вспомнил я Надину грусть в разговоре с мамой, – а ты правда хочешь ребенка?

– Очень. Вдруг ты…

«Уйдешь из оболочки…» – понял я.

Я промолчал.

«Это вполне может случиться», – поняла она.

– Есть способ, – сказал я. – Если вдруг…

– …тебя перенесет, – подсказала она.

– Свяжемся через электронную почту. Я прямо сейчас сооружу ящик…

Она пресекла мои попытки дотянутся до ноутбука.

– Нет, – прошептала моя половинка, – сейчас у нас есть более важное занятие.

…Не знаю, сколько женщин было в моей жизни – то есть в моей вечности. Не хочу знать, сколько мужчин обладали ею – то есть обладали ее телами. Но каждый интимный опыт, каждая, пусть мимолетная, связь прошла через нас. Драгоценные крупицы опыта оставались, шлак уносила Лета. И – правы, правы диалектики! – количество перешло в качество той ночью. Тысячи

самых нежных мужчин ласкали тысячу самых страстных женщин. Это была великолепнейшая оргия, в котором мы участвовали вдвоем. Каждое прикосновение, каждое движение давали нам больше счастья, чем обычные люди могут получить за годы разгульной жизни.

Потому что мы не занимались сексом, и даже любовью не занимались – мы слились воедино. Это не метафора. Мы стали одним существом, которое одновременно и ласкало, и принимало ласки, и целовало, и подставляло губы. Мы не изобретали позиций и особых фрикций, нам было хорошо от одного прикосновения… И от второго… От сотого…

Я упал на подушку, жадно хватая воздух. Рук-ног не было. Вообще ничего не было, кроме моей половинки, которая лежала рядом в позе, которая постороннему могла бы показаться неудобной. Но я-то знал, что именно так ей и хочется сейчас лежать, а повернуться – нет ни сил, ни желания, ни необходимости.

Я сдвинул ладонь на пять миллиметров вправо. Там меня ждала ее рука. Мы соприкасались подушечками пальцев – и это было продолжением чуда.

– Господи! – сказал я за двоих.

«Интересно, – подумал я, – а бог есть?»

– Наверное, есть, – ответила Надя. – Такой подарок…

«…мог сделать только он», – додумал я.

* * *

Как только мы оказывались наедине, мы говорили. Или занимались любовью, что, в сущности, тоже было формой беседы.

Окружающие шумели вокруг, какая-то философиня пыталась мне объяснить, что негоже уводить жену у хорошего человека. Я ее терпел долго, но когда она дошла до довода: «Вы еще молодой, вы еще найдете себе жену, а он…» – смех прорвал оборону и вырвался наружу. Философиня ушла, уверившись в моральной испорченности математиков.

Служебными делами мы продолжали заниматься, но без особенного пыла. Единственное, на что я соглашался тратить время – это на Мишу. Постепенно к нему прибивались люди: молодой кандидат философских наук, что на лекции спорил со мной больше всех; неизвестно откуда взявшийся аспирант физфака; однокурсница Миши (но эту, кажется, больше занимал он сам). Я считался руководителем, но понемногу отдалялся от группы, а к зиме вообще распрощался с ними.

Миша обиделся, остальные удивились. Я рассказал им почти правду: жена ждет ребенка, нужно зарабатывать деньги, приходится увольняться и уходить на вольные хлеба. Все всё поняли, только Миша упорно присылал мне их выкладки, которые я не смотрел. Зачем? Всю эту кашу я заварил для того, чтобы найти мою половинку.

Тем не менее на банкет по поводу публикации первой статьи меня зазвали. Гордо показали мне фамилию «Мухин» среди авторов, я тепло поблагодарил. Выпили спирта с «Фантой» (спирт обеспечил жизнерадостный физик Андрюша), поговорили за жизнь.

Меня расспросили о новой работе. Я рассказал, какой сейчас высокий спрос на семейных психологов, да и доходы повыше. Они кивали и потихоньку наливались крепленой «Фантой». После третьей разговор перекинулся на то, что их интересовало по-настоящему – на новую математику. Миша предлагал назвать ее «диалектической математикой». Философ Борис возразил, что так будет путаться с диаматом, который диалектический материализм. Миша кричал, что это и круто! Борис возражал, что не круто, а глупо. Встрял Андрюша, который заметил, что глупо не это, а попытки изобрести велосипед. Ведь башмаку понятно, что корень квадратный из объемной плотности вероятности – это волновая функция, нахрена плодить сущности. Миша окорачивал и его, а однокурсница Оля сидела за его спиной гордая и счастливая. Ее Мишенька самый умный и уже на четвертом курсе написал настоящую научную статью.

Я потихоньку смылся. В коридоре меня догнала Оля:

– Вы обиделись, Александр Васильевич?

– Алексей Васильевич, – с улыбкой поправил я ее.

– Ой, – она очаровательно покраснела, – просто вас все зовут «Ал Васильевич»… Вы обиделись?

– Наоборот. Я горжусь. Я им не нужен, а это лучшая награда для учителя.

Кажется, она не поняла, но послушно улыбнулась вслед за мной. Мне захотелось сказать ей что-нибудь приятное.

– Знаете, Оля, я когда-то пообещал вашему Мише Нобелевку.

Девочка смотрела с живым интересом. По-моему, ее заинтересовала не только Нобелевка, но и пленительное словосочетание «ваш Миша».

– Так вот, он ее получит. Но при одном условии! – я поднял указательный палец. – Вы должны в него верить. Даже если все остальные верить не будут.

– Но ведь уже верят, – удивилась Оля. – Статью же напечатали!

Я покачал головой.

– Вы думаете, – она нахмурилась так же очаровательно, как до того краснела, – что Мишу будут критиковать?

– Это не самое плохое. Могут вообще не заметить. Не понять. Вот тут вы должны его поддержать. Поверьте – это вам вернется. Сторицей.

Теперь Оля очаровательно задумалась. Вот бывает же у девушек такой возраст, когда они все делают очаровательно. Особенно когда на них смотрит слегка подвыпивший мужчина.

– А вы мудрый, – сказала она вдруг. – Странно. Молодой… а мудрый. Я Мишу поддержу. За шиворот поддержу!

Она поцеловала меня на прощание в щеку. И мне было приятно. Мне хотелось надеяться, что сегодня я спас одного очень хорошего человека от очень плохой вещи – неверия в собственные силы.

* * *

На этот Новый год мама впервые на моей (то есть мухинской) памяти напилась и стала стремительно-разговорчивой.

– Наденька, – говорила она, жестикулируя полупустым бокалом, – ты меня слушай! Я старше вас с Лешей, вместе взятых!

Мы с женой очень серьезно кивнули. Ну и что, что мы старше ее в неизвестное число раз? Сейчас мы были очень молодыми. Только жизнь начинали.

– Честно скажу – я не думала… То есть я думала, что когда-то он найдет свою женщину, но чтобы такую… Нет, я не в том смысле! Ты очень хорошая! Просто… необычная! Сын! Не нужно мне подливать шампанское!

– Я не подливаю, – мягко сказал я, отбирая бокал, – просто чтобы не разлилось.

– А… Ну да. Так вот, Надя, я старая женщина, но такой замечательной невестки… то есть о такой замечательной невестке я и мечтать не могла.

Мама вдруг запнулась и по-птичьи повернула голову.

– Так, – сказала она строго, – когда в ЗАГС пойдете?

– Мы же говорили, – сказал я успокаивающе, – как только дочка родится, сразу подаем заявление.

– Дочка, – мама снова размякла, – внучка моя… Дождалась…

И пустила давно ожидаемую слезу.

Спасительной песней зазвенел мой мобильник. Это был Миша, который поздравлял меня с наступившим, причем голос его был трагичен.

Извинившись перед присутствующими дамами движением бровей, я рванул на балкон.

Уже оттуда услышал, как мама рыдает в голос, причитая «Ничего, ничего… это от счастья», а Надя неразборчиво-успокаивающе что-то ей говорит.

– Что такой невеселый? – спросил я Мишу.

– Ай, – ответил тот, вроде бы отказываясь, но я понял, что ему не терпится излить душу.

– Давай-давай, выкладывай!

– Да что там выкладывать, – с напускным безразличием ответил мой бывший курсовик и тут же, без перерыва, выложил: – Как думаете, сколько отзывов на нашу статью?!

– Ноль, – спокойно сказал я.

– Одна!

– То есть в бесконечное число раз больше, чем должно быть, – я продолжал оставаться в безмятежности.

– Ал Васильевич… вашу мать… Вы-то хоть понимаете, что мы облажались?! Никого новая математика не интересует! Тот урод, что откликнулся, заявил, что опечатку в статье нашел.

На заднем фоне за Мишей зазвучал чей-то утихомиривающий ручеек.

– Конечно, никого не интересует, – сказал я. – Кстати, Оле привет. И поздравления.

После короткой заминки Миша ответил, уже заметно спокойнее:

– И вам привет и поздравления. И спасибо за поддержку.

– Миш, погоди. Ты себе представляешь, кто читает научные журналы? И – главное – зачем их читают?

– Ну-у-у…

Мне от этого разговора стало почему-то жарко, я распахнул балконную раму. Новый год опять получился теплый, вместо снега весь день шел дождь, только ночью начался снегопад, да и то жидкий – потому что редкий и напополам с водой.

– То есть не знаешь, – улыбнулся я. – А читают их, во-первых, сами авторы статей, чтобы полюбоваться своей фамилией, напечатанной типографским способом.

Хихиканье на другом конце мобильного провода. Кажется, Миша включил громкую связь.

– Во-вторых, специалисты, которые ищут что-нибудь по своей специальности. Как думаешь, сколько в мире специалистов по диалектической математике?

– По информационной математике, – угрюмо поправил меня Миша. – Трое нас. Андрюха отвалился.

– Вот! Вероятность того, что статью по ней прочтет кто-то,

кто поймет и заинтересуется… Сам рассчитаешь. А теперь вопрос из матстата: что нужно, чтобы увеличить эту вероятность вдвое?

– Еще одну статью опубликовать? – недоверчиво уточнил Миша.

– Правильно. А если их будет три, четыре… продолжите логический ряд.

Повисло долгое молчание. Оля, умница, в разговор не лезла. Я тоже помолчал. Под окнами, слава богу, уже не рвались петарды. Где-то со стороны частного сектора слабо гремел невидимый отсюда фейерверк.

– Ну… теоретически… была одна идейка… Андрюха начинал обсчитывать модель сферической лошади в вакууме.

– Чего? – такой оригинальности я от них не ожидал.

Миша был доволен произведенным эффектом.

– Это так, внутренне название. Вообще-то он собирался моделировать Большой взрыв. Простенькая модель получается.

Я присвистнул. Да, мальчики, молодцы. Простенькие модели выбирают.

– Серьезно, – Миша начал загораться энтузиазмом. – Вы сами подумайте: до большого взрыва материи не было, только информация…

– Стоп-стоп-стоп, – сказал я. – Во-первых, сегодня давай отдохнем, а свою простенькую модель расскажешь мне послезавтра. Во-вторых, я бы не так постулировал: до Большого взрыва материя и информация были каждая сама по себе.

– Гениально… – прошептал Миша.

– Помни про «во-первых»! – торопливо перебил я. – Сегодня праздник.

– Ага, – по голосу Миши стало ясно, что для него праздник уже кончился.

В подтверждение моей догадки в трубке раздался голос Оли:

– Алек…сей Васильевич! Спасибо вам! Миша побежал формулы писать, – она понизила голос. – А то я за него уже бояться начала. Компьютер не включает, только телек смотрит.

Мы еще немного посплетничали о Мише (надеюсь, громкую связь эта умная девочка предусмотрительно вырубила) и распрощались. Я прислушался. Из комнаты доносились голоса мамы и Нади. Спокойные вроде… но я решил еще пару минут подышать относительно свежим воздухом.

Выдохнул все содержимое легких, до конца, с усилием. И снова вдохнул через нос.

Пахло свежестью, елками и сигаретным дымом.

И валерьянкой.

Пахло валерьянкой.

Валерьянкой.

А еще нестерпимо зачесались лопатки.

«Нет! – мысленно завопил я. – Почему сейчас?! Не уйду!»

У меня было полторы секунды. Очень многое можно сделать за полторы секунды. Я мысленно дотянулся до клапана – того самого, что когда-то нащупал во мне странный мальчик. Клапан вот-вот должен был дать течь и открыть мне настоящему выход из этой оболочки. Я вывернулся наизнанку и сдавил клапан изо всех сил. Он набухал, запульсировал. Моя суть, моя душа рвалась прочь из этого тела, потому что кто-то решил – хватит.

«Нет! – орал я – Не хватит! Я сам решу, когда хватит! Не уйду! В бога, в душу…»

Я почувствовал, что клапан сейчас рванет – и сжал его крепче, выйдя за пределы своих возможностей…

* * *

На обычное переселение это не было похоже – сознание возвращалось по частям. Хотя кто знает, может, меня занесло в тело больного, который очухивается в себя после наркоза? Кто я? Где чужая память? У него амнезия?

Лежал я, кстати, на койке вполне больничного вида. И пахло тут… по-прежнему валерьянкой, но совсем чуть-чуть. Гораздо больше было ароматов йода, карболки… словом, больницы. Я напряг глаза, но они упорно не фокусировались. Но я рассмотрел белый силуэт справа.

– Надя? – спросил я сухим, надтреснутым голосом.

Чужим голосом. «Меня все-таки унесло. Ненавижу».

Но силуэт справа зашевелился, ко мне наклонилось белое пятно лица.

– Лешенька, милый, – раздался самый дорогой в мире голос, – я тут! Ты не говори, хорошо?

И уже громко:

– Сестра!..

Второй раз я очнулся в гораздо лучшем состоянии духа. Собственно, даже не очнулся, а нормально проснулся. Повертел головой, но рядом никого не оказалось. Понял, что мне следует срочно избавиться от продуктов жизнедеятельности организма. Поднялся легко, хотя голова немного кружилась – это было даже приятно. Я нашарил под койкой тапочки, параллельно пытаясь нашарить в памяти непривычные воспоминания. Ничего нового. Значит, я все еще Алексей Мухин.

По пути в санузел вспомнил и давешнюю белую тень, которая

назвала меня Лешенькой. Стало совсем хорошо. Только вот ноги подкашивались.

Справив нужду, я хорошенько умылся. От холодной воды мысли потекли быстрее, я осознал, что лежу в хорошей палате без соседей. Наверняка Надя оплатила. Получит она у меня – для ребенка откладываем, а она на всякую ерунду тратит!

Вывод об оплате услуг медперсонала подтвердила вежливая – и привлекательная! – сестра, которая поджидала меня у выхода из санузла.

– Алексей Васильевич, – сказала она с допустимой долей укора, – доброе утро! Не стоило так резко подниматься. У кровати есть кнопка вызова дежурной сестры. Давайте я помогу вам дойти.

– Да я здоров! – бодро ответил я.

Но от услуг вежливой сестрички не отказался. Могу себе позволить! В конце концов, я впервые смог показать фигу тому, кто бесцеремонно перебрасывал меня из тела в тело.

Видимо, удовольствие от общества сестрички слишком явно прочиталось на моем лице, потому что она, уложив меня на кровать, тут же извлекла из кармана халата мой мобильник и протянула со словами:

– Ваша супруга попросила позвонить, как только придете в себя.

Это была очень вежливая сестричка. Она исчезла из палаты раньше, чем мобильник успел включиться.

– Привет, – я был само веселье и бодрость. – Как ты там?

На этом веселая и бодрая часть разговора закончилась.

– Твоя мама умерла, – тихо ответила моя половинка.

* * *

За гробом я шел, опираясь на палку. Ноги дрожали.

Когда я упал на балконе, Надя тут же вызвала «скорую». Не знаю, что и как она там говорила, но «скорая» приехала очень быстро по меркам новогодней ночи – через семь минут. Все это время Надя с мамой хлопотали возле меня, брызгали на лицо водой, посекундно проверяли наличие пульса, зачем-то укрывали дубленкой…

Потом Надя уехала со мной, а мама осталась, сославшись на самочувствие. Надя просидела надо мной, пока я не узнал ее (оказывается, я раза два до этого тоже открывал глаза, но при этом нес какую-то чушь то на старославянском, то на угорском наречии). Немного успокоившись, Надя вернулась домой…

и обнаружила маму. Инсульт.

Быстрая смерть. Легкая смерть. Глупая и никому не нужная смерть. Если бы мы не уговорили ее выпить в праздник. Если бы меня не потащило вон из оболочки. Если бы она хотя бы поехала со мной в «скорой»…

Было ясно, но, как ни странно, совсем не морозно. Погода очень напоминала мою маму – она старалась, чтобы всем было хорошо и удобно. Когда я подумал об этом, то перестал что-либо видеть из-за слез. Я ее, если подумать, и года не знал – и все равно это была моя самая настоящая мама. Надю я на похороны не пустил, не нужно это ей было сейчас. Со мной рядом шло несколько маминых подружек, о существовании которых я не подозревал, да распорядитель от похоронного агентства. Он тактично подал мне свежий платок, а я все ревел, глядя на этот платок и не понимая, зачем он мне и почему я держу его в руке.

Надгробную речь и само погребение я совсем не запомнил. Не знаю даже, кто меня привез, потому что сам бы я точно не доехал.

Начал приходить в себя уже на диване. Я лежал в позе эмбриона, уткнувшись в теплые колени Нади, которая монотонно гладила мои волосы. Я погладил ее живот – в ответ дочка двинула меня ногой.

– Она так хотела увидеть внучку, – сказала Надя.

Я прерывисто вздохнул и сел. Судя по состоянию глаз и носоглотки, все это время я непрерывно плакал.

– Черт, – сказал я, нашаривая платок.

Просморкавшись, я виновато посмотрел на Надю.

– Не извиняйся, – она взяла меня за руку. – Ты очень ослаб. А тут такое…

– Она умерла, – произнес я, и в носу опять защипало. – Насовсем.

– Все умирают насовсем. Кроме нас…

Мы оба, не сговариваясь, посмотрели на мамину фотографию с черной ленточкой на уголке. Это была старая, черно-белая еще, фотка. Мама на ней была моложе, но с таким знакомым выражением глаз – «Как вы тут без меня?».

– Ты удержался, – сказала Надя.

– Да. Это трудно. И опасно.

Теперь мы смотрели друг на друга. Надины пальцы стали твердыми.

– Расскажи. Все равно…

– Надя, – сказал я, – не надо. Тебе в твоем состоянии…

Я осекся. Моя половинка снова надела бронеколпак на лицо: губы сжаты, глаза отливают сталью, даже скулы заострились.

– Послушай меня, – Надя крепко сжала мою руку. – Ситуация критическая…

– Ничего критического! У тебя перескоки раз в пять лет!

– В среднем. Не перебивай! Но прошлая жизнь у меня длилась всего полтора года. Позапрошлая – год и восемь месяцев. Перед ней – два года. А у тебя?

Я задумался. Действительно, мои периоды пользования оболочками в последнее время немного уменьшились. Странно, если бы Надя не сказала, не заметил бы…

– Мы живем все короче и короче, – она говорила жестко, словно отчитывала на заседании кафедры незадачливого ассистента. – В этот раз я прожила уже больше полутора лет. В любой момент у меня может случится переход!

– Но мы же договорились, – я почувствовал, что оправдываюсь. – Есть почтовые ящики. Если что – спишемся через них.

Надя сузила глаза:

– Если что? Если у меня родится дочь, а я… уйду через месяц? Если ты перепрыгнешь куда-нибудь… не пойми куда – а мы тут останемся одни?

– Я найдусь и приеду!..

– Леша!!!

Никогда в жизни она на меня не кричала. Я не обиделся – удивился. Она тоже.

– Прости, – сказала моя половинка. – Прости, мой Агасфер…

– Ну да, – усмехнулся я. – Пославший бога. И богом посланный.

Мы прижались друг к другу, обозначая примирение. Обнимать огромное Надино пузо становилось все сложнее.

– Родной, – попросили меня откуда-то из подмышки, – любимый, радость моя. Научи меня. Я не могу бросить дочку. А вдруг нас занесет куда-нибудь, где интернета нет? А вдруг мы будем больные? Да мало ли что произойдет! Собой бы я рискнула. Даже тобой… прости. Но Машенькой…

Я колебался. Мне резануло ухо имя – Машенька. Вообще-то я тоже хотел бы принять участие в выборе имени дочки.

– Хорошо, – сказал я. – Я попытаюсь…

* * *

К вечеру мы поняли, что попытки объяснить механизм борьбы с богом провалились. У меня элементарно не хватало слов. Нужно было говорить о том, чего никто на свете – кроме нас с моей

половинкой – не чувствовал. Даже еще и описать манипуляции, которые вообще один я и проделывал. Фразы «Надо пережать клапан» или «Там такое как будто набухает» ничего Наде не говорили.

И тогда я вспомнил о «Пианино». Пусть в тот раз я не смог совсем остановить переход, но ведь задержал! Значит, если потренироваться, можно на этом «Пианино» сыграть, простите за пышность слога, реквием для бога.

Надя к идее отнеслась с недоверием. Оказывается, она слышала об этом тактильном искусстве, но считала все это антинаучными слухами и игрушками зажравшихся москвичей. Только когда я уверил мою половинку, что самолично придумал эти игрушки и изготовил первые из них, она засомневалась.

Я бросился к ноутбуку и заколотил по клавишам. Меня преследовало ощущение, что времени в обрез. Я непрерывно принюхивался – не пахнет ли валерьянкой. И прислушивался к ощущениям – не чешутся ли лопатки.

На письмо Меценат ответил сразу же, буквально через полчаса. Я невольно вспомнил про дар предвидения, который в нем подозревал. В письме Меценат выражал искреннюю радость по поводу моего возвращения в мир (так и написал «возвращение в мир»), объявлял о готовности вернуть «Пианино» в целости и сохранности, но приехать сам не мог – «У меня тут дела, требующие моего обязательного присутствия». Однако меня в гости ждал, более того – настаивал, чтобы я явился немедля, деньги на самолет был готов переслать сейчас же и брал на себя все расходы. Настаивал он в форме категорической: «Если не сможешь появиться у меня самое позднее послезавтра утром, есть вероятность, что твоей чесалкой будет владеть другой человек».

Я вылетел в тот же вечер. Меценат встречал меня с заранее оговоренной табличкой «А. П. Мухин». Это была странная встреча двух друзей, которые друг друга никогда не видели. А Меценат меня нынешнего и не слышал даже.

В такси мы всю дорогу разговаривали о ерунде, невольно косясь друг на друга. Время от времени я закрывал глаза и слушал. Голос был правильный – глубокий и слегка насмешливый голос Мецената, который время от времени «плыл», меняя интонацию и говор.

Только в лифте он заговорил о серьезном:

– Спасибо, что так быстро приехал.

– Ну, – протянул я, – ты меня так напугал. Отдам, мол, «Пианино» другому.

Он нахмурился на секунду – и тут же рассмеялся.

– А! Понял! Это я неправильно выразился. Смутно выразился,

если быть точным. Никому я твой бесценный артефакт не отдам. Просто послезавтра… – он остановил себя. – Нет, не буду говорить, чтобы не сглазить. Давай так: если все пройдет нормально, я позвоню и все подробно опишу, лады?

Я быстро кивнул. Мы уже добрались до дверей квартиры, и я понял, что мне не терпится поскорее взять в руки «Пианино» – мою самую любимую когда-то игрушку. Меценат понял это, усмехнулся и не стал больше мучить меня разговорами.

Как только вошли, он снял с полки и протянул мне странную конструкцию, которая больше всего напоминала сильно помятый лист подорожника. Я не сразу сообразил, что это и есть цель моего визита. А когда догадался – схватил «Пианино», провел по нему ладонью… и ничего не произошло.

Я закрыл глаза и повторил попытку. «Пианино» не отозвалось. Я не увидел ни единого проблеска света. Ни одно новое ощущение не родилось во мне.

– Это оно? – спросил я, приоткрывая один глаз. – Точно?

– Точно, – сочувственно ответил Меценат. – Ты просто не чувствуешь. Его не все чувствуют.

Я не поверил, снова зажмурился, провел кончиками пальцев. Просто шероховатая поверхность. И никаких чудес.

– На самом деле, – услышал я виноватый голос Мецената, – большинство не понимает, в чем тут кайф. Но крикнуть «Король-то голый!» не решаются. Глупо платить по полсотни штук евро, а потом заявлять, что терка – она и есть терка. Так что не знаю, пригодится тебе оно или нет…

– Пригодится, – сказал я, окончательно открывая глаза. – Правда, не мне…

Больше мы о «Пианино» не говорили, хотя я постоянно проверял, на месте ли оно, проводя ладонью по карману. Был милый семейный вечер в компании молодой жены Мецената Верочки и их дочки Маринки. Маринка сначала меня боялась, но длилось это ровно три минуты – по минуте на год ее жизни. Потом она принялась по мне ползать, и родители строго приказывали не буянить, а я смеялся, что мне нужно привыкать, и проговорился про Машеньку, и Меценат заставил выпить коньяку («Не за рождение – это пока рано… за успешное зачатие!»).

А утром я улетел шестичасовым.

* * *

Надя уже с минуту, наверное, сидела с закрытыми глазами

и гладила «Пианино».

– Ну как, – ревниво спросил я, – чувствуешь что-то?

Хотя и так понятно было – чувствует. Давно я у своей половинки не замечал такого отрешенного лица.

– Ага, – ответила Надя, – сейчас.

Я запасся терпением и принялся рассматривать свою любимую женщину. Она сидела, привалившись к спинке дивана, почти лежала. Абсолютно неподвижная фигура, только кончики пальцев наигрывают непонятную мне мелодию на «Пианино». Большой выпирающий живот торчит из-под маечки с надписью «Микки-Маус», немного подергиваясь… в такт движениям рук Нади?

– С дочкой болтаешь? – не вытерпел я.

– Да, – Надя слабо улыбнулась, и от улыбки этой ее лицо сразу стало походить на икону Богородицы. – Погоди минутку.

Я вздохнул. Была жуткая несправедливость в том, что Надя моим изобретением пользуется с легкостью, а я только руки до мозолей натер, пытаясь выдоить из «Пианино» хоть что-нибудь. Или, наоборот, жуткая справедливость? Я в позапрошлой жизни этой игрушкой набаловался, пусть теперь другие поразвлекаются. Наверное, это естественно, что в теле Алексея Мухина, который всю жизнь угробил на оттачивание аналитических возможностей, обычные тактильные ощущения затупились. Логично, но обидно. «Ничего, – подумал я, – Наде оно нужнее. Кстати, пора и к делу переходить».

Моя половинка, по сложившемуся обыкновению, уловила мои мысли и приоткрыла глаза.

– У Машеньки все хорошо, – сообщила она. – Очень хочет нас с тобою увидеть. Я попросила еще пару месяцев подождать.

Все это было доложено с видом спикера палаты лордов, который объявляет, что Ее Величество готова посетить парламент на ближайшем заседании.

– Хорошо, – сказал я, – теперь давай искать клапан.

– Не клапан, а узелок.

– Почему узелок?

– Потому что узелок. Я его сразу нашла, как только на твою «чесалку» настроилась.

Я ощутил очередной укол ревности.

– Не дуйся, Леш! – моя половинка ласково погладила меня по коленке. – Я на него случайно наткнулась. А ты мне так здорово все объяснил, что я сразу поняла, что это такое.

Последствия укола ревности смыло волной нежности и приливом гордости.

– Я с Машей еще пообщаюсь, ладно? – Надя просительно

заглянула мне в глаза.

Я кивнул, не дожидаясь окончания фразы.

Жена тут же вцепилась в «Пианино», и я понял, что в ближайшее время мы с Надей будем общаться только изредка. Ладно, лишь бы им было хорошо.

* * *

Им было хорошо. Во всяком случае, Надя отрывалась по полной. Утром она хватала «Пианино», не успев проснуться, кормить ее приходилось с ложечки, и только в места общего пользования она ходила без любимой игрушки и с открытыми глазами.

Я уж думал, что до родов мы с женой не увидимся, но на третий день Надя натерла пальцы так, что не могла в руки теплую кружку взять, не то что «Пианино». Это ее немного отрезвило. Она даже заметила мое присутствие, изобразила раскаяние по поводу моей всеми брошенности и настояла на том, чтобы я немного поработал.

– Я и без тебя не скучаю, а ты только маешься без дела.

И принялась намазывать подушечки пальцев заживляющим кремом из облепихи.

Я стал навещать некоторых старых клиентов, а когда мне предложили взять группу, почти не колебался. Жену я оставлял с чистой совестью. Она, кажется, даже была рада, что не придется помнить о муже, который в соседней комнате ждет от нее хоть какого-нибудь знака внимания.

Но даже с занятий я звонил регулярно. Мало ли что.

* * *

Это случилось на сороковой день после маминой смерти. Я как раз сделал перерыв в занятиях, и какой-то вопрос из группы напомнил мне про народную традицию поминать умерших на сороковой день. Была мысль не напоминать Наде лишний раз о смерти, но по зрелом размышлении я ее отмел. Нас смерть давно не пугала, разве что могла вызвать неприятные воспоминания, а маму помянуть стоило.

Первый раз к телефону никто не подошел. Это было вполне ожидаемо: Надя могла уснуть, отлучиться в туалет, «заиграться» на «Пианино». Я не стал тут же названивать. Заметит мой номер в непринятых, сама перезвонит. Но она не перезвонила даже

через два часа, когда занятие закончилось. Я снова набрал Надю.

– Алло? – ответил озабоченный мужской голос.

– Э-э-э… Мне Надежду Петровну, – от неожиданности сказал я.

– А… Вы муж, да?

У меня земля начала уходить из под ног. Пришлось ухватиться за стенку.

– Муж. Что с ней?

– Трудно сказать, – голос был по-прежнему озабочен. – Что-то неврологическое… Ребенка достали, сейчас он в реанимации. Подъезжайте во вторую больницу, в регистратуре спросите…

Земля уходила из-под ног все дальше и дальше. Врач мне что-то еще говорил, я выдавливал из себя междометия, но думал только о том, как бы сейчас не упасть.

Потом бросился вызвать такси. Наткнулся на кого-то из группы. Он (или она?) предложил меня подвезти. Я согласился, даже не поблагодарив. Не сказал я «спасибо» и выскакивая у дверей приемного покоя.

Все это время я старался успокоить себя: мол, ничего страшного, Надя справится. А если и не справится, мы найдем друг друга через электронную почту, я ее привезу к нашей дочке. Машенька ведь в реанимации? Значит, под надежным присмотром. Ничего плохого случиться не может!

Но утешения давались мне плохо. Откуда-то из глубин подсознания вырвался животный страх смерти. Хуже чем смерти – страх безвозвратной утраты родного человека. Все время вспоминался профиль мамы в гробу.

Надю я потерять не мог. Это было бы слишком несправедливо: такое счастье – и вдруг потерять. «Лучше бы его вообще не было, – злобно подумал я, – такого счастья, чем теперь бояться…» Подумал и чуть не заехал сам себе по роже за такие мысли.

В палату меня не пустили: Надя тоже лежала в реанимации. Я помнил, что ее ко мне пускали, пытался пробиться. И наверное, смог бы убедить или подкупить врачей, если бы меня самого так не трясло. Кончилось тем, что мне дали настойку пустырника и посадили в мягкое кресло в ординаторской, пообещав сообщить, как только что-то выяснится.

Я подчинился. И вдруг обмяк. Может быть, возбуждение сменилось торможением, как учат наши славные физиологи. Может быть, сердобольный врач не пустырника мне подсунул, а что-то посерьезнее. Так или иначе, я оцепенел. Сидел и тупо смотрел на диплом на стене, не реагируя на косящихся на меня врачей. Сколько прошло времени, сказать не берусь. Наверное,

много, потому что диплом я изучил досконально, вплоть до завитушек в подписях. Правда, так и не понял, за что и кому он вручен.

Очнулся оттого, что меня осторожно трогают за плечо.

– Ваша жена пришла в себя. С ней будет все нормально.

– А Машенька? – спросил я поднимаясь. – Дочка?

Ответ я уже знал. Будь он иным, врач бы с этого и начал: «Все нормально, удалось спасти обеих».

– Мы сделали все, что могли, но… – он развел руками. – Слишком серьезные повреждения. Идите к жене, вы ей сейчас нужны.

Я пошел.

* * *

Домой я Надю забрал через три дня. Вез и думал, как она вдруг постарела. Морщин не добавилось, седины не появилось, но глаза, поза, заторможенность… Теперь она выглядела на свои несколько тысяч лет. Да и я вдруг почувствовал, как надоело мне коптить это небо.

Мы не разговаривали все время, пока Надя лежала в больнице. Я просто часами сидел возле нее и держал за руку. Иногда помогал встать и водил в санузел – все это молча. Палату я ей тоже оплатил на одного, хотя особой нужды в этом не было. Мы с тем же успехом могли провести эти три дня в центре бурного митинга, вряд ли он доставил бы нам какие-то неудобства.

Всей необходимой информацией мы и так обменялись. На Надю накатило, когда она держала в руках «Пианино». Она не растерялась, пережала «узелок», не допустив прыжка. И тогда отдачей ударило по Машеньке…

Мы вошли домой в полном молчании. Я помог Наде раздеться и снять обувь, отвел к кровати. Она легла как упала, поморщилась, упершись ребром во что-то твердое, извлекла помеху из-под себя.

Это было «Пианино». Только теперь Надя, наконец, заголосила.

Эпилог
ЧЕЛОВЕК

Я проснулся оттого, что Надя металась по кровати. Осторожно разбудил ее.

– Ну-ну-ну, – сказал я, крепко обнимая свою половинку, – я тут, я тут. Опять кошмар?

Надя кивнула, давясь от слез.

– Машенька?

Снова кивок.

– Она просила, чтобы я ее забрала оттуда, – сквозь слезы прошептала Надя. – У нее как раз в эти дни должен быть день рождения. Шесть лет.

Теперь кивнул я. Шесть лет. И все эти шесть лет Надя верит, что наш ребенок где-то живет чудовищной не-жизнью. Мне нечего говорить, я могу только еще крепче обнять жену.

– А мы больше никуда не прыгаем, – вдруг сказала моя половинка. – Ни ты, ни я.

И тут тоже ничего не добавишь. Не прыгаем. Ни разу с тех пор не чесались лопатки, ни разу я не почувствовал головокружительный запах валерьянки. И у Нади, я знаю, то же самое.

Все это уже сто раз обсуждалось.

– Я думаю, – Надя уже почти успокоилась, – мы теперь обычные. Мы проживем свою жизнь и умрем, как все.

Я пожал плечами:

– Поживем – увидим. То есть помрем – увидим.

И эта тема не новая. Даже эту шутку я повторяю раз в десятый. Сейчас Надя спросит, не страшно ли мне будет умирать. Я честно отвечу, что не страшно, потому что умирать нам с ней приходилось слишком много раз. Ко всему привыкаешь. И Надя тоже скажет, что ей не страшно, только очень жалко Машеньку. И снова я буду ее утешать.

Но моя половинка неожиданно спросила:

– А где «Пианино»?

– Спрятал, – ответил я, немного удивилась, – ты же просила.

– Я просила выбросить… – Надя резко вывинтилась из-под моей руки. – Леш, найди, а?

Даже в темноте я увидел какой-то нехороший блеск в ее глазах.

– Давай утром, – попросил я малодушно.

Надя продолжила буравить меня взглядом.

Когда я принес «Пианино» и протянул ей, она взяла «терку» не сразу. Я уже собирался убрать свою поделку с глаз долой, а завтра все-таки выбросить, но тут Надя решилась. Она взяла «Пианино» осторожно, словно поднос с чашками, полными кипятка. Положила перед собой, закрыла глаза и опустила пальцы на мятую поверхность.

Я следил за моей половинкой в странном волнении. Она, наоборот, вдруг успокоилась и быстро-быстро пробежалась подушечками по запыленным вмятинам и выпуклостям. Описала полный круг, бросила на «Пианино» ладонь правой руки, продолжая хаотичную пробежку пальцами левой. Чем дальше, тем спокойнее становилось ее лицо. И тем тревожнее было мне.

– Две хорошие новости, – весело сообщила Надя. – Мы не умрем. А главное – Машеньку можно вытащить.

Она раскрыла глаза. В полумраке, в отблеске уличных фонарей эти глаза показались мне огромными фарами здоровенного карьерного самосвала – потушенными, но готовыми вот-вот вспыхнуть.

– Леша, – сказала Надя, – если ты меня любишь, если я тебе дорога, пожалуйста, верь мне.

– Я верю, – глухо ответил я, пристально вглядываясь в ее разгорающиеся глаза.

В них я увидел нечеловеческую надежду, огромную любовь, веру в нас… Много чего я там увидел, кроме того, что боялся обнаружить – сумасшествия.

– Тогда, пожалуйста, ради всего… Не мешай!

Я кивнул. Надя с бешенной силой надавила на «Пианино». Старый метал недовольно заскрипел, изгибаясь – и, повторяя его деформацию, начала изгибаться Надя.

Я двинулся с ней, но наткнулся на полный мольбы и угрозы взгляд, остановился.

Моя жена отправлялась спасать нашего ребенка. Она одновременно и играла на «Пианино», и перестраивала его, превращая привычную мелодию внутреннего зрения в какофонию изменения мира. Звуки мнущегося металла и Надины стоны раздавались в мучительной гармонии. Они превращались в единое целое – исполнитель и инструмент.

Я не мог этого слушать, не мог видеть, как судороги корежат такое родное тело. И не мог уйти, должно быть, потому что все это слишком напоминало наше с Надей слияние в постели.

И вдруг все закончилось. Надя распахнула рот в неслышном крике, рванула «Пианино», разрывая его надвое… и завалилась на бок.

Она лежала тихо-тихо, словно отдыхала, но я знал, что моя

половинка сейчас уже далеко отсюда, в мрачном мире без пространства и почти без времени, откуда хочет сбежать наша Машенька. И ни в какое тело она больше не вернется.

Я осторожно освободил остатки «Пианино» от захвата еще теплых пальцев. Посмотрел на куски металла, которые теперь годились только для инсталляции «Следы войны» – и обнаружил, что мои руки колотит, как от лютого мороза. Или от лютого похмелья, как руки проклятого алкаша Петровича, руки, которые соорудили это чертово «Пианино».

Брезгливо отбросив остатки «Пианино», я аккуратно накрыл тело Нади одеялом и поцеловал в щеку.

Я вышел на балкон. Рамы были распахнуты в приглашающем жесте. Пятый этаж. Нужно прыгать вниз головой, чтобы наверняка. Это очень больно, я помню, я пробовал, но что ж делать? Не бросать же семью в огромной пустыне Вселенной. И потом, моей половинке может понадобиться помощь, когда она будет вытаскивать дочку из сумеречного мира.

Последняя мысль заставила меня поторопиться. Я легко вскочил на ограждение балкона и, не тратя времени на колебания, солдатиком нырнул вниз.

Уже в полете меня догнала мысль: «А вдруг мы с половинкой ошиблись? Вдруг мы действительно просто умрем? Навсегда?»

Но ее тут же вытеснила другая, простая и ясная: «Тогда тем более…»

ЧЕЛОВЕК ВТОРОЙ. БОГДАН

(Человек, который исцелился)

Рождения Богдана ждали с нетерпением. Даже имя ему придумали заранее. Но все вышло совсем не так, как ожидали, – а когда оно случается так, как ожидали?

Врачи сказали:

– Родовая травма.

Врачи предупредили:

– Ходить не будет. Говорить не будет. Соображать будет, но с большим трудом.

Врачи предложили:

– Отказывайтесь. Вы еще молодые, родите себе еще.

Но родители даже не рассматривали это предложение всерьез. Они стали растить Богдана так, как ни одни другие родители не растили своих совершенно здоровых детей. Они испробовали все: известных врачей, неизвестных врачей, шарлатанов, массажистов, целебные воды, гомеопатию, классическую музыку, мануальную терапию и много еще всего. Трудно сказать, что помогло. Бабушки-травницы уверяли, что, мол, их приговоры с наговорами (если бы еще эти врачи не лезли – вообще бы хорошо было!). Адепты гидромассажа приписывали заслугу себе (только зря парня к бабкам тягали!). Врачи, стараясь не вспоминать собственные прогнозы, признавали, что современная наука ушла вперед семимильными шагами (а вот все эти специалисты нетрадиционной медицины, это, вы простите…)

Может быть, помогло все сразу. А может статься, на одной родительской любви вытащили мальчика. Но факт остается фактом: Богдан рос хотя и с отставанием от сверстников, но не овощем. Ходил с трудом – но ходил! Говорил не очень четко – но не мычал! С таблицей умножения были проблемы – но ведь у многих взрослых проблемы с той же таблицей!

Наверное, версия с родительской любовью – самая правильная. Нет, его не баловали сверх меры. Отец то и дело прикрикивал: «Сиди ровно! Не горбись!», да и мама особо над Богданом не сюсюкала. Да только любовь – это не одни поцелуйчики да поглаживания по головке. Любовь…

…Это когда сидишь у кроватки, а сын плачет, и ты не можешь ничего сделать, а он плачет, и ты утешаешь, а он к тебе тянется, ждет, что ты поможешь, снимешь боль. Но ты не можешь снять боль, потому что никто не может. Болеутоляющее давать нельзя,

а ножки у сына очень болят, ведь их специально сломали, чтобы они росли правильно…

…Это когда смотришь на пацанов, гоняющих мяч, и вдруг, неожиданно для окружающих начинаешь реветь в три ручья. И объяснить окружающим ничего не можешь – как это объяснишь? Просто ты представил своего сына вместе с другими. Не лучше других, не самого-самого. Пусть он был бы самым обычным, но этого не случится никогда…

…Это когда сын подрастает, и начинает влюбляться во всех подряд, и пишет девочкам записки, и сидит на телефоне, а ты ждешь, что кто-то из этих девочек скажет что-нибудь очень обидное, ведь дети такие жестокие. И самое страшное, что никто из девочек ничего обидного не говорит, потому что даже у детской жестокости есть пределы…

…Но ты все равно держишься. Ты протягиваешь плачущему сыну руку, терпишь (он вцепился в нее, как в последнюю надежду) и поешь тихую песню без слов. И он всхлипывает все реже и реже…

…Ты берешь мяч и идешь с сыном играть в футбол. И он очень здорово играет, почти каждый раз попадая по мячу…

…Ты учишь его говорить комплименты и серьезно выслушиваешь наивные рассказы о том, что «Настя такая красивая, мы с ней обязательно поженимся». И глаза у сына горят самым настоящим чувством…

Вот что такое родительская любовь. Она за пределами логики, значит, и действие ее за пределами обычного понимания.

* * *

Богдан рос и привыкал к боли. Он умел улыбаться, когда болит, и рассказывать стихи, и учить ненавистную таблицу умножения, и играть в футбол, и говорить девочкам комплименты. Это неправда, что он не замечал боли, что она, как пишут, «стала частью его самого». Так может сказать только тот, кто сам не знал боли ужаснее, чем зубная – а уж когда у него болит зуб, то все окружающие становятся заложниками его страданий. Нет, боль не была частью Богдана, хотя и жила внутри него. Он мучился, но привыкал мучиться, как любой взрослый привыкает толкаться в метро или каждое утро подниматься на работу.

А еще у него был редкий дар – он умел снимать боль у других. Это выяснилось случайно, когда мама страдала от мигрени, а таблетки купить забыла. Она уже собралась в аптеку,

подошла к Богдану спросить, что ему купить вкусненького в магазине, как сын вдруг обнял ее за голову и затих. И мама затихла, потому что почувствовала – нельзя ему мешать, сын занят чем-то важным. Богдан молчал, не шевелился и только редко осторожно дышал.

Через минуту, а может, через десять секунд боль стала вытекать из маминой головы. По капельке, как густое масло. На ее месте вырастало не тупое химическое бесчувствие – так действовала бы таблетка – нет, голова становилась ясной и светлой.

В аптеку мама тогда не пошла, но за вкусненьким все-таки сбегала. И вообще весь вечер была такая веселая и болтливая, что даже муж заметил.

– Любовника, что ли, завела? – спросил он уморительно грозно.

И мама гордо рассказала, какой у них замечательный сын, как он здорово ее вылечил и как ей теперь хорошо.

Богдан сидел и широко улыбался. Он уже научился широко улыбаться, когда болит особенно сильно. Ему было шесть лет.

* * *

Мама с тех пор время от времени просила Богдана ей помочь. Не слишком часто, инстинкт подсказывал, что за все надо платить, значит, и сын за свой дар чем-то расплачивается.

– Тебе не плохо? – заботливо спрашивала она всякий раз, когда он излечивал ее от мигрени. – Где-нибудь болит… в смысле, болит не так, как обычно? Сильнее? Резче?

Но сын только улыбался и мотал головой. Он был горд, что такой молодец, что он что-то умеет такое, что другим не по силам. Может, после каждого сеанса и болело чуть сильнее, чем обычно, но… Если кружку воды вылить в океан, кто это заметит?

И все-таки мама что-то чувствовала. Поэтому она старалась обходиться таблетками, а у Богдана просила помощи, только когда становилось уже совсем невмоготу, когда пурпурные пятна начинали плыть перед глазами. Папа вообще ни разу не снимал боль с помощью сына. Это ведь папа, ему вообще не бывает больно, верно ведь? Посторонним родители про способности Богдана не рассказывали, от греха, а сам он тоже не хвастался.

Богдану исполнилось двенадцать, а через полгода у него появилась маленькая сестренка, с упрямым ртом и папиным характером. Когда ее принесли из роддома, она часто плакала, и он беспокоился. Но папа с мамой объяснили, что сестричка

пока еще маленькая, говорить не может, вот и плачет все время: когда хочет есть, спать, пить, посмотреть, что там на окне лежит, и вообще, когда ей скучно. Богдан поверил, хотя и продолжал вздрагивать каждый раз, когда из соседней комнаты раздавался требовательный рев сестрички.

Она росла быстро и без особых проблем. Мама с папой вдруг выяснили, что они совершенно не умеют ухаживать за здоровым ребенком, все пытались выстроить вокруг нее баррикады заботы. Потом, наконец, расслабились. И однажды едва за это не поплатились, хотя никогда так и не узнали об этом.

* * *

– Данька! – сказала мама, заглянув в комнату сына. – Посмотри за Нюшей!

– Я к-к-кино смотрю! – обиженно ответил Богдан. – «Р-р-рейнджеров»!

– Я тебе потом диск куплю! – крикнула мама уже с кухни. – Даня! Не ленись!

Богдан встал, показал в сторону кухни язык и поковылял в комнату сестры, придерживаясь за стенку. Нюша была как раз в том неуправляемом возрасте, когда хочется исследовать весь мир, но тормозов еще нет. Еще не известно, что утюг бывает горячим, тяжелое может на тебя упасть, а с высокого можно свалиться самому. Брата Нюша встретила радостным, но неразборчивым возгласом и помахала чем-то большим и блестящим.

– Это п-п-папина… бр… бритва! – строго сказал Богдан. – П-п-положи на место!

Нюша обиделась и запустила бритвой в угол. Бритва срикошетила и оказалась под диваном. Богдану очень захотелось шлепнуть наглую девчонку по попе, но он сдержался. Его никто никогда не шлепал, хотя папа и грозился каждые полчаса.

– Не… хулигань! – он произнес сложное слово с первого раза, погордился собой и полез за бритвой.

Это оказалось очень сложным процессом. Пришлось аккуратно и медленно опуститься на четвереньки, а потом, следя за равновесием, засунуть голову под диван. Для обычного человека вся процедура заняла бы несколько секунд, но Богдану пришлось потратить гораздо больше времени. А главное – это потребовало полной концентрации внимания.

Нюша, которой надоело наблюдать за нерасторопным братом, лихо забралась на диван и решила пробежаться по нему на

четвереньках. Он оказался слишком коротким и слишком скользким.

Богдан как раз выбрался на свет божий с бритвой в руках, когда прямо перед его носом на пол шлепнулось что-то маленькое и розовое. И немедленно завопило.

Он впервые в жизни перепугался до смерти. Нюша валялась перед ним на спине, а по ее голове струилась неправдоподобно алая жидкость.

Страх запустил мозг Богдана на полную мощность. Он вдруг все понял. Что алая жидкость – это кровь. Что его сестра очень сильно ударилась головой. Что она может даже умереть от этого. Что виноват только он. Что его будут ругать… но это как раз неважно. Главное, что маленькая Нюша по его вине вдруг перестанет жить.

И что он может все исправить.

Богдан схватил сестру в охапку, прижал к себе и зажмурился.

Мама бежала с кухни всего пару секунд, но ему хватило и этого. Когда она ворвалась в комнату, кровь уже остановилась. Нюша даже перестала реветь от удивления – так быстро ушла боль и стало хорошо.

– Нюшка! – Мама вырвала сестру у Богдана и с испугом принялась ее осматривать. – Что случилось?! Откуда кровь?

Нюша по тону мамы поняла, что дело плохо, и заревела с новой силой.

Мозг Богдана еще несколько мгновений продолжал работать на бешеных оборотах, и мальчик понял, что нужно делать. Он быстро мазанул кровью по носу.

– Н… Н-н-нюша играла… А у меня… к… к-к-кровь носом п-п-пошла… А она упала… Но не… с… с… с-с-с-с-сильно…

Говорить было тяжело, даже тяжелее, чем обычно. Простое слово «сильно» получилось только с третьего раза. Мама бросила на Богдана настороженный взгляд и умчалась с Нюшей в ванную. Там она быстро смыла кровь и убедилась, что с дочкой все в порядке, только небольшая шишечка на темени. Мама уже собралась прочитать сыну небольшую лекцию о том, что он большой, а сестренка маленькая, и что на него надеются… Но когда она вошла в комнату, сердце снова рухнуло куда-то к селезенке.

Богдан лежал на полу ничком, глаза его бессмысленно смотрели перед собой.

* * *

Врачи ничего не смогли сказать толком, хотя и откачали Богдана. Они вообще мало что понимали в этом мальчишке, который, по всем правилам медицинской науки, должен был всю жизнь провести в растительном состоянии.

– У него перед этим кровь носом пошла! – говорила мама, требовательно заглядывая в глаза усталому доктору. – Может, давление?

– Может, давление, – пожал плечами тот. – Хотя давление, наоборот, у него сейчас пониженное.

– Так что же нам теперь делать?

– Пусть отлежится у нас. Понаблюдаем, – доктору смертельно хотелось курить, а эта ненормальная мамаша все никак не могла успокоиться.

– А можно мне к нему?

Вообще-то было нельзя. Но доктору хотелось курить до рези в желудке.

– Идите, – сказал он, – под мою ответственность.

Богдан лежал на больничной койке непривычно ровно. Обычно он старался свернуться калачиком или хотя бы лечь на бок. Сейчас, похоже, сил не осталось даже на это. Лицо его было такое белое, что мама сразу хватила его за руку – проверить, теплый ли. Рука была прохладная, но живая. Мама погладила ее кончиками пальцев.

– Ты как? – спросила она шепотом.

– Н… нормально. А Нюша… как?

– Нюша с папой! Она раскапризничалась, мы не смогли ее привезти. Папа остался, а я с тобой. Болит?

– Н… нормально. А у Нюши… голова как?

– Да никак… То есть шишечка есть, но она быстро пройдет.

Мама почувствовала, как рука под ее пальцами чуть шевельнулась. Но больше Богдан ничего не говорил. А она и не спрашивала. Просто сидела и пела песенку без слов.

* * *

Богдан был уже достаточно большой, чтобы давать ему сильные обезболивающие. Это и спасло. Иначе вряд ли он – даже с его закалкой – выдержал бы. Вся боль, которая только может существовать в мире, обрушилась на него, как водопад из иголок. Некоторые иголки пробивали его тело насквозь то в одном месте, то в другом. Боль от них была острая и всегда неожиданная. Другие иглы – толстые и тупые – врезались в голову, в живот, в шею, в кости медленно и неотвратимо. Хуже всего оказались

кривые иголки с крючками на кончиках. Они путешествовали по всему Богдану, разрывая нервы в лоскуты. Крючки тащили боль за собой, как пойманную рыбу – и боль билась, как рыба, насаженная на крючок.

Но лекарства вытащили Богдана. Сначала они укрыли его, как бронированным плащом, от новой боли. Потом принялись охотиться за иглами, которые уже застряли в теле. Лекарства растворяли одну боль за другой, и каждый раз это было ни с чем не сравнимое облегчение.

К вечеру Богдан смог свернуться клубочком и заснуть.

Видимо, лекарства обладали каким-то побочным действием, потому что сон вышел яркий и цветной. В нем даже были запахи. А когда Богдан прикасался к чему-нибудь, то чувствовал тепло, или прохладу, или шершавость, или мягкость.

Стоял яркий солнечный день, кажется, на бабушкиной даче, хотя дома в окрестностях не было заметно. Богдан сидел на широком белом диване. Сидел в свободной позе, развалившись. Перед ним стоял столик с его любимыми грушами, которые бабушка не разрешала есть, потому что сразу начинал болеть живот. Богдан взял самую большую грушу и откусил. Сладкий сок потек по подбородку. Живот не болел. И вообще ничего не болело!

А еще с ним кто-то разговаривал. Богдан все время пытался рассмотреть говорящего, но почему-то не мог. Собеседник неизменно оказывался не в фокусе, где-то сбоку. Но голос не менялся – шел ровно и уверенно.

– Извини, Богдан, – сказал он, – у нас очень мало времени. А мне еще нужно спасти тебя.

– А ты кто? – Богдан вдруг понял, что говорит легко и свободно, как у него никогда не получалось раньше.

– Это долгая история. А времени мало, – незнакомец говорил без раздражения, но стало ясно, что он действительно очень торопится. – Неважно, кто я. Важно, что с тобой. И кто это сделал.

– Никто не делал, – не только голос, но и мысли сейчас текли ровно и плавно. – Родовая травма.

«А ведь не больно! – думал Богдан. – Мне теперь совсем не больно! Вот оно как бывает…»

– Штука в том, – невидимый собеседник говорил жестко, но без нажима, – что в твоем мире есть хозяин.

– Бог? – Богдан вспомнил церковь, куда папа возит его каждое воскресенье.

И молитву, которую он сам читает каждый вечер: «Боженька, сделай так, чтобы мне ничего не болело».

– Неважно, как ты его зовешь. Главное – он хозяин этого

мира. И все, что в мире происходит – это его рук дело. И твоя болезнь тоже.

Богдану стало очень обидно. Ему с детства говорили, что никто не виноват в его боли, а оказывается, все не так! Хуже того, оказывается, виноват тот, кого он каждый день просит избавить от боли. Он отбросил грушу, которая сразу стала горькой.

– За что?

– Не потому, что ты плохой, – успокаивающе сказал голос. – Наоборот, потому, что ты очень хороший.

Богдан нахмурился. И с ужасом почувствовал, что где-то в висках начинает пульсировать боль. Его собеседник тоже заметил это, потому что заговорил быстро и напористо.

– Времени совсем не осталось. Слушай и запоминай. Все остальные вопросы задашь позже. Обещаю, что отвечу. А пока главное…

Боль из висков начала растекаться по всей голове. Голос собеседника становился все глуше.

– Ты можешь лечить других. Но за это ты расплачиваешься дополнительной болью. Чем больше боли ты отнимаешь у других, тем больше забираешь ее себе. Но ты можешь вылечить себя! Это важно!

Теперь невидимый голос почти кричал, но все равно с трудом пробивался через ватные стены боли.

– Представь, что ты – это другой человек! И вылечи его!.. Ты… получится… как другой… Голова!

Сон становился серым и невнятным. Собеседник кричал что-то уже совсем неслышное. Однако Богдан понимал, что он повторяет одно и то же: рецепт его излечения. Было очень важно запомнить этот рецепт. Богдан очень постарался запомнить, хотя мысли с трудом ворочались в ватной голове.

А потом вернулась боль. Не та ужасная, из-за которой его привезли в больницу, а обычная, привычная с детства.

Но теперь она казалась Богдану непереносимой.

* * *

Было очень больно. То есть больно было не больше обычного, но теперь Богдан знал, как это – совсем без боли. Он не мог точно вспомнить ощущения, потому что в голове стоял ватный туман, но все равно очень хотел вернуть то чудесное состояние. Когда нет игл во всем теле, когда не нужно каждую секунду ждать новой атаки, когда можно быстро и легко думать.

Рецепт, который ему сообщил бестелесный голос, остался

в памяти, но как-то боязно было его попробовать.

Когда-то Богдану подарили давно обещанный велосипед. Он несколько лет упрашивал родителей, плакал, видел велосипед во сне. И они купили. Почти взрослый велик, только к заднему колесу приделаны два маленьких колесика на распорках. Он сначала не поверил своему счастью, а потом забрался на свою мечту, да так резво, что папа не успел среагировать. Колесики на подпорках не помогли. Богдан резко завалился набок вместе с велосипедом. К обычной боли добавилась боль от ушибов, а внутри поселилось горькое разочарование. Он столько раз мечтал о моменте, когда помчится по двору на новеньком велике… А оказалось, что нужно еще учиться кататься. И потом, когда уже вроде научился, приходится все силы тратить на удержание равновесия. Мечта сбылась, но реальность оказалась не такой уж замечательной.

И сейчас, вспоминая рецепт исцеления, Богдан боялся, что все повторится. Что-нибудь пойдет не так, станет еще хуже. Поэтому он откладывал и откладывал опыт на будущее.

А вот маму однажды полечить попробовал. У нее снова разболелась голова, и он, как обычно, обнял ее, замер… и вдруг оттолкнул. Наверное, еще сказывались последствия его приступа – Богдану вдруг стало слишком больно. Он почувствовал, как мамина боль переливается в него и смешивается с его собственной. Это было слишком страшно.

Он пытался объяснить маме, что это он не специально, что он ее любит, но от волнения и бессилия заикался больше обычного. Мама, впрочем, и так его поняла:

– Все хорошо, сынок, не плачь, я тебя люблю, – она осторожно обняла Богдана. – И папа тебя любит. И Нюша.

Наверное, мама тоже забирала часть его боли, потому что от ее слов и оттого, что она рядом, становилось легче. А когда она запела любимую песню без слов, Богдан уснул и спал безо всяких снов.

* * *

С тех пор мама и не просила Богдана помочь, а он не предлагал. Боль терзала его теперь все больше, он стал злиться и огрызаться. Улыбаться перестал совсем.

Врачи, у которых всегда есть готовые объяснения, говорили, что дело в гормонах, переходном возрасте и перестройке организма. Это была удобная причина, потому что гормоны – это у всех бывает, и ничего тут не поделаешь, надо просто ждать.

Родители ждали, когда пройдет переходный возраст. Богдан собирался с силами, чтобы попробовать все-таки себя вылечить. Нюшка росла как на дрожжах и уже вовсю болтала, правда понимали ее только мама с папой.

Подошло время очередной операции – Богдану периодически приходилось ломать кости ног, потому что без этого они не хотели расти правильно. Все прошло, как всегда, врачи шутили и подбадривали. Общий наркоз на такую операцию не давали, и Богдан мог смотреть, что там вытворяют с его ногами хирурги. Но не смотрел – и так было тошно.

А потом его отвезли в палату, и там начала отходить местная анестезия. То ли операция прошла неудачно, то ли Богдан слишком себя накрутил, ожидая прихода новой порции боли, но ноги болели немилосердно. Они словно горели изнутри, и никакие таблетки не могли потушить этот огонь.

Богдан решился.

Он дождался, когда папа (сегодня дежурил у кровати он) ушел домой. Закрыл глаза. Постарался расслабиться. Понял, что не получится, и плюнул на это занятие. Сосредоточился на главном. Теперь, как ему посоветовал голос, нужно представить, что он – это другой человек. Это оказалось непонятным и невозможным. Тогда Богдан вообразил, что у него чужие ноги. Получилось почти сразу. «Это чужие, – думал он, – мне их приставили вместо моих. А мои отрезали». Сразу захотелось представить, где теперь его настоящие ноги, но отвлекаться было нельзя.

Чужие ноги продолжали болеть, но чужая боль, оказывается, переносится легче. Теперь надо их вылечить. Богдан осторожно подтянул (чужие!) колени поближе к груди. Взялся за них руками. Теперь представлять, что ноги не его, стало проще. Он сосредоточился на пламени, которое грызло ступни, голень, колени, и начал понемногу высасывать его. Как пылесосом – если бывают пылесосы для поглощения огня. Огнесосы.

И ногам стало легче! Пожар затихал, только ныли да чесались кости.

Это было так здорово, что Богдан не сразу заметил подвох. А когда заметил, было уже поздно пугаться. Вытянутый из ног огонь вспыхнул в его голове.

* * *

Выписали Богдана только через месяц, хотя ноги уже давно зажили.

Напоследок врач выписал папе рецепт:

– Болеутоляющее. Оно очень сильное, так что храните в недоступном для детей месте. Если съест больше трех таблеток за раз… – доктор выразительно замолчал.

– Так, может, послабее что-нибудь выпишете, – попросил папа.

– Послабее ему не помогают. Желаю удачи.

Богдан слышал этот разговор как раз тогда, когда мозг уже начал что-то соображать, выходя из лекарственной блокады, но боль в голове еще не парализовала его. Он понял, что надо делать.

Теперь осечки быть уже никак не могло. Врач ведь сказал: «Если съест больше трех таблеток за раз…». Он не закончил, но и так понятно, что случится. И это будет здорово, потому так можно будет навсегда избавиться от всей боли сразу.

Случай подвернулся буквально на следующий день. Нюшку отдали бабушке, маме с папой нужно было обязательно пойти на работу. Мама, правда, очень долго не уходила, волновалась:

– Даньчик, еду я тебе вот тут поставила, у кровати. Если захочешь в туалет…

– П-п-помню! – раздраженно перебил ее сын.

Он уже в десятый раз выслушивал инструкции.

– Вот телефоны, – не унималась мама, – домашний и мобильный. Если что, сразу звони! И мне, и папе, и бабушке.

– Да п-п-помню я!

– Я бы осталась! – мама решила, что Богдан злится из-за ее ухода. – Но мне обязательно надо сегодня быть! Я постараюсь пораньше…

Богдан сердито отвернулся к стене.

– Ножки болят?

– Б-б-болят! – соврал он.

Ноги не болели с того самого дня, как он перелил огонь из них себе в мозг.

– Давай я не пойду, – жалобно сказала мама.

Богдан испугался, что она правда останется, и повернулся к ней, изобразив что-то вроде улыбки.

– Ты иди. Н… нормально все.

Мама еще раз поцеловала его и встала. Богдан вдруг понял, что он видит ее в последний раз в жизни. Сразу защипало в носу и помертвело в низу живота.

– Мама, – сказал он, совсем не заикаясь. – Я тебя люблю.

Мама снова села, молча прижала его к себе и еще долгую минуту так сидела. Потом глянула на часы, всполошилась и убежала.

Он для верности подождал минут пять. Потом встал и на нетвердых ногах пошел на кухню. Ноги не болели, но от долгой неподвижности плохо слушались. Лекарства лежали на верхней полке, куда даже папа доставал только со стула. Богдан посидел немного (не хватало еще навернуться сверху, когда цель рядом!), потом аккуратно стал забираться на табуретку. Он делал это первый раз в жизни, поэтому путался в ногах и руках. А еще голова от боли стала совсем тяжелой. Богдан плакал в голос, когда наконец добрался до аптечки. Пришлось протирать глаза, чтобы найти нужную упаковку. Он слез, высыпал на ладонь пять штук, забросил их в рот и запил водой.

Никаких особенных чувств Богдан при этом не испытывал: ни страха, ни надежды на облегчение. Слишком болела голова. Он просто знал, что надо сделать именно так. Честно говоря, он уже смутно помнил, зачем он все это затеял.

С каждой секундой становилось все легче и непонятнее. Захотелось лечь на пол – он лег. Захотелось засмеяться – он засмеялся.

А потом вдруг провалился в большой белый колодец. Он летел по нему сразу во всех направлениях, и это было очень здорово. Жаль только, нельзя управлять таким полетом. Впрочем, зачем управлять, если все равно летишь сразу везде?

Как ни странно, хотя полет получился беспорядочный, но закончился он полной ясностью в голове.

Богдан больше никуда не летел, но и не стоял, и не висел, и не лежал. Просто где-то был. Боль ушла. Голова совсем пустая. Богдан почему-то не удивился, услышав знакомый голос:

– Рано! Тебе рано еще умирать!

– Да пошел ты! – весело сказал Богдан.

В фильмах часто так говорили, но у него никогда не получалось выговорить фразу на одном дыхании. Теперь получилось.

– Почему ты все напутал? – загремел голос. – Я тебе сказал лечить себя, а не убивать.

– Не получилось, – Богдан мог бы не отвечать, но ему хотелось поболтать перед смертью. – Начал лечить ноги, так голова заболела…

– Зачем ноги?! Почему ноги?! Я же предупредил – сначала голову!

– Какая разница? – Богдан отмахнулся, но внутри вдруг ожила надежда. – Вылечил бы голову, ноги разболелись бы!

– Вся боль всегда в голове! Понимаешь – всегда!

– Значит, я мог просто голову вылечить? – надежда росла и уже заполняла Богдана целиком.

– Никакого прошлого времени! – голос стал веселым. – Ты можешь! Не забудь: в первую голову лечи голову!

И все резко оборвалось.

Он снова лежал на полу, измазанный чем-то липким. Вокруг были чьи-то лица, кто-то что-то говорил, а кто-то плакал.

* * *

Теперь его не оставляли одного ни на минуту. В палате по очереди дежурили две медсестры, обе пожилые и усталые (впрочем, Богдана они жалели). Иногда их сменяли папа или мама.

Это ему не мешало. Ни у кого ведь не вызывало удивления, что переживший попытку суицида мальчик время от времени подносит ладони к голове и так замирает.

Мешало другое – он никак не мог представить себе, что на подушке лежит чужая голова. Он часами лежал, представляя, что ему переставили голову другого человека, иногда даже почти верил в это. Но стоило поднести руки – и иллюзия исчезала. Так он бился несколько дней, почти потерял сон и аппетит. И вон однажды, находясь в полубреду, Богдан смог убедить себя в инородности собственной головы. Ему совершенно отчетливо представилось, что вот он поднимет сейчас руки и потрогает голову другого человека. Этому человеку нужно помочь, нужно освободить его от боли.

Богдан очень осторожно коснулся пальцами висков. Дежурившая медсестра тихо дремала на табуретке с книжкой в руках, она не заметила, как изменилось лицо мальчика. Как будто кто-то разгладил его морщинки маленьким чудо-утюгом. Жилки на висках перестали биться в сумасшедшем ритме и чуть-чуть опали. Даже глаза ожили, заблестели, отражая больничную лампу. Губы разошлись на долю миллиметра, и из них вырвался судорожный выдох. Все тело Богдана внезапно дернулось от судороги – это расслаблялись постоянно напряженные мышцы.

Только тут медсестра вскинулась и подалась к больному:

– Что такое? Тебе хуже?

– Л… Лучше. А что с-с-сегодня на з-з-завтрак?

* * *

В тот раз удалось снять только общую боль, которая опоясывала череп, но и это было здорово! Богдан чувствовал себя

командующим большой армией, который нанес сокрушительный удар по врагу. Основные силы рассеяны, и теперь неприятель вынужден прятаться по крепостям. Осталось взять эти крепости одну за другой.

Однако это оказалось не так просто. Не то чтобы Богдан не мог обнаружить очаги сопротивления – наоборот, теперь он очень ясно видел, в какой части головы засели болевые гарнизоны, мог пальцем ткнуть. Беда была в том, что не удавалось снова войти в то пограничное состояние, когда собственная голова кажется чужой. Пришлось снова не спать двое суток и морить себя голодом. Только после этого фокус получился еще раз. Богдан опять сфокусировался на висках и…

…ему представилось, как две грохочущие танковые колонны идут на окопы врага. Однажды в старом фильме он услышал выражение «танковые клинья». Так вот, теперь он вгонял эти клинья в оборону боли. Боль сопротивлялась, как сопротивляется любая армия, которую не собираются брать в плен. Но маршал Богдан загонял клинья все глубже. Полки неприятеля дрогнули и побежали. Большая часть была уничтожена, но некоторые смогли перегруппироваться и засели гораздо глубже в голове. Они огрызались контратаками, и тогда на глазах Богдана выступали слезы. Но он давил и давил на виски, пока вдруг не уснул.

Это был самый обычный сон, без голосов и многомерных туннелей. Они с Нюшей гоняли мяч, причем Нюша оказалась совсем взрослой. Богдан сразу захотел на ней жениться, но сестренка строго сказала:

– На мне нельзя, я твоя близкая родственница. Возьми лучше вот эту, ее зовут Верочка.

Верочка сидела на стуле и внимательно смотрела перед собой. Она была в халате медсестры, но гораздо моложе тех теток, что постоянно над ним дежурили. Под халатом Верочка носила тонкий свитер под самое горло. И еще у нее оказалась высокая и упругая грудь.

Верочка нахмурилась и покачала головой:

– Зря ты, Богдан, это затеял! Не слушай его! Ты не должен убивать свою боль, только хуже будет!

Она еще какую-то ерунду несла, но Богдан во сна заткнул уши и отказался дальше слушать. Эта глупая Верочка ошибалась. Что может быть хуже боли? Но грудь у Верочки была очень красивая.

Он проспал двенадцать часов подряд и проснулся совсем веселым. В голове в районе висков было тепло и уютно. И никакой боли! Вражеские гарнизоны не посмели вернуться

в оставленные накануне окопы! Более того, почему-то и руки стали болеть меньше.

Богдан долго лежал, раздумывая над этим. Получалось, что боль улетучивалась без следа. Не переливалась в другое место, а просто исчезала! Значит, прав был голос. Как он говорил? «Вся боль только в голове». Вот почему и рукам стало легче.

Богдан открыл глаза, и тут его ждал еще один приятный сюрприз. У кровати сидела Верочка из сна и внимательно на него смотрела. Грудь у нее была наяву не такая уж и высокая, зато глаза и губы оказались, пожалуй, красивее, чем во сне.

– Меня Вера зовут, – сказала она. – Я теперь буду тут дежурить. Те две тети… они заболели.

Богдан улыбнулся. Верочка говорила, старательно подбирая простые слова. Наверное, боялась, что он не поймет. Но сейчас это не раздражало, а скорее смешило.

– А я Б… Богдан, – сказал он хриплым голосом. – Я в туалет хочу.

Верочка потянулась под кровать за уткой, но Богдан остановил ее взмахом руки и сел на кровати. Голова кружилась, но болела только местами, там, куда не успели добраться танковые клинья маршала Богдана.

– Я с-с-сам… Вы только… помогите…

Верочка нахмурилась. Наверное, у нее были четкие инструкции по поводу особого больного, но мальчик так уверенно говорил и так улыбался ей… Словом, она помогла ему добраться до туалета (благо он был тут же, в блоке), подождала его, прижав ухо к двери, и с явным облегчением помогла вернуться в кровать.

* * *

С Верочкой они подружились. Она быстро поняла, что не надо Богдану разжевывать каждое слово, и теперь болтала целыми днями. Иногда ему приходилось делать вид, что он спит, чтобы отдохнуть от ее трескотни. Вслух он ни разу не попросил ее помолчать чуть-чуть, не хотел обидеть. Полушутя-полусерьезно он называл ее про себя «невестой».

Сменщица Верочки тоже была молоденькой, но совсем не симпатичной. Богдан ее раздражал, и она старалась поменьше с ним разговаривать. Даже имени своего она не назвала. Но и на нее мальчик не злился. Наоборот, при Вериной сменщице он мог сосредоточиться и готовить очередное наступление на остатки вражеской армии. Теперь ему было достаточно трех-четырех часов, чтобы войти в бредовое состояние и превратить свою

голову в чужую. Богдан не только бросал в бой танковые клинья, но и устраивал артиллерийскую подготовку из «Катюш», поднимал в атаку пехоту и даже кавалерию.

Боли становилось все меньше не только в голове, но и во всем теле.

Мама заметила это почти сразу и тут же начала задавать вопросы лечащему врачу. Тот вяло отмахивался, но через неделю внимательно осмотрел Богдана и приказал провести полное обследование. Результаты врача так удивили, что он проверил их дважды, лично прилепляя к пациенту электроды, брал зачем-то кровь, стучал по коленкам молоточком и светил в глаза ламочкой.

– Непонятно почему, – признался он маме через неделю, – но ваш мальчик выздоравливает.

– Вы имеете в виду, – осторожно уточнила мама, – что он… возвращается в нормальное состояние?

Врач покачал головой:

– Да нет. Выздоравливает. Совсем. Поздравляю, хотя так не бывает.

Врач долго сыпал медицинскими словечками, из которых мама поняла, что Богдан, если так пойдет и дальше, может стать нормальным мальчишкой безо всяких проблем. Она твердо запретила себе в это верить, даже папе соврала. Сказала, что сын просто восстанавливается, и теперь все будет как раньше. Если бы она позволила себе поверить, а чуда бы не произошло… В общем, она не могла себе такого позволить.

Богдана все никак не хотели выписывать, целую неделю к нему ходил психолог, который задавал глупые вопросы о папе и маме, показывал какие-то кляксы и надоел Богдану до чертиков. Мальчик терпел и отвечал, как мог, честно. Он даже признался, что ему нравится медсестра Верочка (она всегда выходила из палаты во время визита психолога), и позже Богдан на ней женится. А еще он несколько раз дал клятву, что не попытается еще раз себя убить, потому что от этого будет плохо маме, папе, Нюше, бабушкам и дедушкам, а также крестным родителям.

В конце концов, психолог признал, что пациента не обязательно держать на стационаре под неусыпным контролем. Правда, он очень долго в кабинете объяснял папе и маме об их ответственности, о том, что при малейшей ненормальности нужно сразу сообщить ему, психологу. Папа не выдержал и заявил:

– Я об ответственности за своего сына знаю больше вашего! А что касается ненормальности… В его случае ненормальностью

может быть только нормальность. А этого, к сожалению, не будет никогда.

Мама странно посмотрела на папу, но промолчала.

* * *

Дома было хорошо. Нюшка успела сильно вырасти и принялась пихаться с Богданом. Он устоял на ногах, чему очень удивился. Раньше он мог рухнуть даже безо всякого тычка, просто потеряв равновесие.

Мама с папой усиленно делали вид, что все в порядке, они полностью доверяют сыну. Но лекарства и острые предметы теперь хранились под замком, так же как и ремни, ленты и прочие веревочки. Даже на окнах и балконной двери отныне блестели новенькие замочки.

Богдан только посмеивался над осторожными родителями. Теперь он не собирался умирать. Наоборот, он очень хотел жить и получать от жизни удовольствие. Он не только продолжал методически зачищать очаги сопротивления боли, но принялся активно разрабатывать позвоночник, ноги и руки. Массажист дядя Леша, который с ним занимался на дому, нарадоваться не мог:

– Ну Данька, ну молодец! Раньше тебя на шведскую стенку только хитростью можно было заманить…

Иногда дядя Леша даже придерживал слишком ретивого воспитанника, чтобы тот не давал себе слишком большую нагрузку.

Через месяц, когда с болью было почти покончено, а руки и ноги совсем окрепли, из Германии приехал крестный отец Богдана. Он пришел в бурный восторг и принялся пытать родителей, что за новые методики они откопали.

– Ты смотри, какой Богданище красавец стал! Какая стать, а?!

– Потому что не ленился и занимался гимнастикой каждый день, – наставительно ответил папа, но крестный ему не поверил.

Когда он уехал в свою Германию, щедро одарив Богдана и – несмотря на ревность крестника – Нюшку, мама с папой закрылись на кухне и принялись шептаться. Шептали они зря, потому что в квартире была акустика, как в хорошем театре. Богдан слышал каждое слово.

– Слушай, – сказал папа, – а ведь он и правда… ну… изменился.

Мама промолчала.

– Ходит уверенно… Заикаться меньше стал.

Мама втянула голову в плечи.

– Я вчера видел, как он на велике гоняет. Пора ему дополнительные колесики снимать.

Мама закусила губу.

– Что ты молчишь? – сжал кулаки папа. – Ты же видишь, что происходит!

– Он выздоравливает, – с трудом сказала мама.

– Вот именно! Но почему вдруг! А если… если потом еще хуже будет? Мне же сказал психиатр…

– …психолог…

– …сказал психолог, чтобы мы следили за всем необычным. Как он вдруг стал таким… почти нормальным?

– В больнице.

– Что?!

И мама рассказала все, что сообщил ей лечащий врач. Папа сидел, обхватив голову руками. Он никогда в жизни не держал в зубах сигарету, но сейчас очень хотел докурить.

– Бред… Бред… Так не бывает.

Мама сидела ровно, как ученица на первой парте. Только руки не сложила перед собой, а зажала между колен. Ей было очень страшно.

Папа встал и принялся расхаживать по кухне.

– Значит так… Чудес не бывает. Что-то было… Его лечили… Нет, это вряд ли, раз ты говоришь, что врач сам офигел… Да и знаю я, как они его лечили! А перед этим… – папа невольно покосился на верхнюю полку буфета, закрытую теперь на маленький висячий замок. – Перед этим он наглотался таблеток.

Папа остановился и произнес облегченно:

– Вот в чем дело! Он же при смерти был! Получается, мозг получил ударную дозу наркотика… мобилизовался… и что-то там в нем случилось! Какие-то резервы открылись!

Папа продолжал развивать стройную теорию, основанную на сведениях, которые он почерпнул в интернете. Мама слушала, кивала и старалась радоваться вместе с мужем. Тому достаточно было всего лишь найти логичное объяснение, правдоподобную версию, чтобы поверить в чудо. Она… не то чтобы не верила в чудеса… но знала, что сейчас с ее сыном творится что-то нехорошее.

Хотя он и выздоравливает.

Богдан в своей комнате усмехнулся. Он не видел маму, но слышал воодушевленную речь отца. И вспоминал все его бесконечные: «Сиди ровно!», «Говори четко!», «Смотри под ноги!». Скоро все будет по-другому. Богдан не просто будет ходить и говорить правильно, он станет лучшим. Потому что иначе

и быть не может. Иначе несправедливо.

* * *

Богдана таскали по обследованиям, изучали чуть не под микроскопом. Впрочем, и под микроскопом тоже – кровь, лимфу и прочие анализы. К нему водили студентов, чтобы продемонстрировать, как оно в жизни бывает. Один настырный пожилой эндокринолог упорно пытался заполучить мальчика для исследований, чтобы написать потрясающую диссертацию, но тут уж родители Богдана стали грудью. Пришлось дедушке поднимать старые связи в министерстве, чтобы не отдать внука в подопытные кролики.

Однажды сунулся к Богдану юркий корреспондент из бульварной газетки. Очень хотел чуда, но получил только пару оплеух от папы.

Папа потом полчаса отходил:

– Сенсацию ему подавай! Материал! Пошел бы лучше в больнице поработал, горшки повыносил – вот где материала, хоть завались!

Но отошел, снова развеселился и отправился с Богданом кататься на лыжах – как раз выпал первый настоящий снег.

Мама больше грустила. То есть она, конечно, с огромным облегчением видела, что у ее сыночка – наконец-то! – ничего не болит, что он и говорить, и соображать стал гораздо лучше. Она уже договорилась о переводе в нормальную школу (хотя Богдан сильно отстал, и теперь ему придется учиться с детьми на два года младше).

И все равно. Что-то внутри не давало ей обрадоваться до конца. Почему-то мама каждую секунду ожидала, что вот-вот случится нечто страшное. Не возвращение болезни даже, а какая-то катастрофа, которую она и представить не может.

Этой осенью голова у нее болела сильнее обычного. И Нюшка постоянно простужалась. И папа, несмотря на счастье от выздоровления сына, то и дело сваливался с радикулитом. Или с повышенным давлением. Или еще с какой дрянью, о которой прежде не имел никакого представления.

– Ничего, – отшучивался муж, – это мы Данькины болячки на себя забрали.

И маме от этой шутки становилось нехорошо.

Зато Богдан наверстывал все, чего ему не хватало в детстве. Он начисто выжег в себе всю боль. Он накачивал мышцы под руководством любимого дяди Леши (правда, теперь на

тренировки приходилось бегать на школьный стадион). Он начал следить за своей внешностью и ухаживать за девчонками. И нравился им, особенно тем, которые раньше его не видели. Не только за рост и фигуру, но и за сдержанную силу, за сумасшедшее упрямство, с которым он преодолевал любую преграду.

Однажды Богдан увел первую красавицу двора у парня на год старше. Тот, помня Даньку еще хромым и убогим, решил устроить показательное избиение. Отозвал Богдана за гаражи и задал ритуальный вопрос:

– Ты че?

Богдан раньше не то что не дрался, но даже не видел, как это делается. Поэтому он не ответил положенным по этикету «А ты че?», а сразу заявил:

– Ты из-за Светки так напрягся?

Этот вопрос в лоб, да еще заданный самым дружелюбным тоном, сбил с толку и соперника, и присутствующих пацанов. На Богдана посмотрели с изумлением.

– Так она теперь со мной гуляет, понял? – улыбнулся Богдан. – Я ей больше нравлюсь.

Соперник совсем растерялся и не смог ничего придумать в ответ, как обложить Богдана незамысловатым, но очень обидным матом. Из относительно приличных слов там были только «ублюдок» и «инвалид». Богдан, не переставая улыбаться, резко ударил противника в живот. Неумело, но очень сильно. И еще раз. И еще. Глаза у него в этот момент были словно искусственные.

Если бы он не улыбался, а орал, пацаны среагировали бы раньше. А так они стояли и оторопело смотрели, как бывший колченогий Данька методично ударяет упавшего на землю соперника то правой рукой, то левой. И только когда он замахнулся ногой, кто-то сообразил:

– Да он его убьет!

Но и вчетвером оттащить Богдана удалось не сразу. Он уже перестал улыбаться, только глухо рычал и упрямо лез, чтобы добить, втоптать в землю.

После этого случая соперник неделю не выходил из дому, а у его кровати сидела его девчонка, которая испугалась «этого зверя». Ей заранее сообщили о драке, она наблюдала за ней из укромного места, чтобы успеть в нужный момент выскочить и защитить Даньку. А вместо этого увидела его улыбку и стеклянные глаза…

Больше она к Богдану не подходила. Зато остальные девчонки смотрели на него со смесью ужаса и восторга.

Богдан после этого случая попросил папу отдать его в какую-нибудь секцию типа каратэ. Он хотел научиться убивать человека с одного удара. Папе он этого, конечно, не сказал.

* * *

На каратэ ему не понравилось, на других восточных единоборствах тоже. Везде тренеры твердили о философии добра, о неприменении силы к слабому. И не только твердили, но и заставляли проникаться этой идеей. Богдан сначала честно пытался проникнуться. У него довольно быстро получилось овладеть техникой медитации. В свое время он проделывал что-то похожее, когда воображал свою голову чужой. Но отключившись, он шел за сенсеем совсем не туда, куда хотелось бы тренеру. Сенсей заставлял открыться миру, впустить его в себя, но это означало снова впустить в себя боль. Как только Богдан понял это, то намертво закупорился.

Тренеры рано или поздно замечали эту особенность мальчика. Кто-то пытался помочь выйти за пределы внутренней стены – от таких Богдан уходил сам. Другие старались избавиться от него – и он не возражал. Самым мудрым оказался сморщенный старичок, руководитель секции с каким-то очень запутанным названием.

Только глянув на Богдана, он наотрез отказался иметь с ним дело. Да еще и папе приказал никуда больше не отдавать «этого черного мальчика», пока тот не «выльет из себя грязь». Папа, конечно, старичка не послушался, но в ближайшее же воскресенье отвел сына в церковь. Так уж получилось, что туда Богдан не заглядывал с того момента, как объелся таблеток. Сначала его держали в больнице, потом он так увлекся выздоровлением, что не до церкви было.

Папа поставил Богдана рядом с собой. Служба на сей раз показалась мальчику нудной, хотя до этого он, кажется, даже получал от нее удовольствие. Вроде бы среди икон боль немного ослабевала. Но теперь, когда он сам с ней справился, зачем ему все эти почерневшие картины и ладанки? Однако Богдан стоял, чувствовал, что папа все время на него косится, словно ждет чего-то. Поэтому держался спокойно, время от времени крестился, в конце подошел и приложился к батюшкиной ручке.

На обратном пути папа повеселел. Похоже, он боялся, что в церкви с Богданом приключится, что-то плохое. Но оно не приключилось, и теперь папа болтал о том о сем. Богдан, пользуясь его хорошим настроением, попросил:

– Папа, а можно я на бокс запишусь?

Папа бросил настороженный взгляд на сына:

– Уверен? Может… ну не знаю… на танцы.

Богдан кивнул:

– И на танцы тоже. Можно?

Папа замолчал надолго.

– Давай с мамой посоветуемся, – предложил он, уже въезжая во двор.

Разговор с мамой получился странный. Она смотрела на Богдана слегка испуганно – последние месяцы она всегда на него так смотрела – и отвечала кратко, после паузы.

– Мам, я буду с вами на танцы ходить, хорошо?

Пауза.

– Хорошо.

– И на бокс.

Пауза.

– А может, какой-нибудь другой спорт?

– Я на бокс хочу. Почему мне на бокс нельзя?

Пауза.

– Твое здоровье…

– Я же уже проходил сто обследований, все говорят, мне можно. Почему ты против?

Пауза. Беспомощный взгляд на отца. Тот понимает, что решать все же придется ему, и кладет руку Богдану на плечо:

– Ладно. Попробуем. Только давай так: если опять… начнутся проблемы, больше никаких спортивных драк. На легкую атлетику пойдешь. Или в теннис. Договорились?

* * *

Полгода прошли весело. Танцы оказались очень прикольным занятием, хотя Богдан изначально пошел в студию только чтобы задобрить маму, которая могла часами любоваться спортивными танцами по телеку. У мальчика оказалось врожденное чувство ритма. Тренер боялся, что новенький не выдержит темпа тренировок (отец приватно предупредил о проблемах со здоровьем мальчика), но Богдан работал без дураков. Ему нравилось танцевать, особенно когда тело, руки и ноги запомнили нужные движения и не приходилось мучительно вспоминать, что там дальше. Теперь Богдан позволял себе двигаться, почти отключив голову.

Он открылся музыке, как не смог открыться миру во время медитаций. Мир был слишком сложный, слишком много там

было всего намешано, в том числе и страшного: отчаяния и боли, боли, боли. В музыке боли не было совсем. Они танцевали под чистые, теплые мелодии. Чаще всего в них переливалась радость, иногда – грусть, но тоже светлая и мягкая, которая не может поранить. Богдан словно купался под пушистым душем, подставляя всего себя разноцветным ароматным струям. Музыка оказалась предсказуемой и потому не опасной. Он смело плыл по ее лабиринту, не боясь наткнуться на что-нибудь острое, резкое или шероховатое. Даже заводная «латина» не таила в себе никакой опасности.

А вот боксом он прозанимался очень недолго, до первого спарринга. Когда партнер пробил его неумелый блок и Богдан почувствовал тупой тычок в челюсть, он немедленно стащил с себя перчатки со шлемом и отправился в раздевалку. Тренер зря разорялся в том духе, что «Терпи, это не шахматы!» и «Как девчонка, ей-богу!». Богдан сосредоточенно переодевался. Тычок был совсем не сильный, но он ясно показал, что в следующий раз будет больно. Или через раз. Но рано или поздно резкая боль ворвется туда, откуда Богдан с таким трудом ее выкурил. Этого не должно случиться.

В секцию бокса, к явному облегчению мамы и скрытому – папы, он больше не вернулся. Нужно было придумать другой способ убивать обидчиков. Такой, чтобы самому было совсем не больно.

На теннис с легкой атлетикой Богдан не пошел – дядя Леша каждый день занимался с ним на стадионе, и этого было вполне достаточно.

До лета он только учился и танцевал. И то и другое давалось ему если и не легко, то с удовольствием.

А потом они все вместе поехали в Крым. Там Богдану стало совсем хорошо: персики, море, девчонки в купальниках. Девчонки были веселые и компанейские, сразу стали зазывать на дискач. Богдан пообещал подойти вечерком. Весь день он представлял, как потрясет всех своей танцевальной техникой, но неожиданно мечты пришлось оставить. Они с папой уже даже пошли, но с танцплощадки доносилось что-то резкое и отрывистое, совсем не похожее на гладкую музыку танцклуба. Богдан попробовал открыться этой музыке – и вздрогнул. Она вся оказалось колючей и рваной, как кусок жести, покореженный ножницами по металлу. Плавать в ней он бы не смог. Это то же самое, что танцевать в тесном ящике с гвоздями. Пришлось врать про усталость и поворачивать назад.

Но и без дискотек все было зашибись. Можно было бесконечно валяться на песке. Богдан загорел сразу и без ожогов,

так что можно было даже подремать на солнышке. Мама, правда, строго следила за соблюдением санитарных норм и периодически загоняла Богдана с Нюшей в парное море. Но и это не раздражало – Нюшка наконец начала лопотать что-то разборчивое, и общаться с ней было прикольно и весело.

Сама мама загорала по науке, по часам переворачиваясь и уползая в тень. В результате она превратилась в свой негатив: темные волосы выгорели, а белая кожа потемнела. И еще мама понемногу расслабилась, перестала смотреть на Богдана с непонятным ужасом, много хохотала и трещала без умолку.

Она не особо задумывалась над фразами, поэтому получалось смешно.

Например, спросит папа:

– Который час?

А мама в ответ:

– Десяти еще нет, но будет.

И сама хохочет.

Словом было очень здорово, жизнь казалась идеальной, и даже первое сентября впервые в жизни не пугало своим неминуемым приближением.

* * *

Идеальная жизнь не могла продолжаться бесконечно.

В самом конце августа, когда Богдан с мамой пошли в танцклуб продлевать договор на обучение, состоялся очень неприятный разговор. Сначала мама обсудила с тренером график занятий и сумму, а потом спросила, как понял Богдан, без задней мысли:

– Ну как он, справляется?

– Еще бы! – воодушевленно ответил тренер.

Богдан разулыбался. Он ждал, что тренер продолжит: «Он у нас самый лучший», и тогда можно будет покраснеть от смущения и выслушать мамины охи и ахи. Но тренер сказал совсем другое:

– Хороший средний уровень!

Богдан обиделся. Почему «средний»? Он так здорово танцует! Лучше, чем все эти дохляки в очках! А мама почему-то довольно закивала:

– Ну и отлично. Значит, профессиональным танцором ему стать не грозит?

– Нет, – разулыбался тренер. – Чувство ритма у него неплохое, двигается хорошо. Много работает…

«Так почему же “средний”?» – закричал про себя Богдан.

– …но танцует несколько… без души.

И тут на мамино лицо вернулся тот самый затаенный ужас, от которого она было избавилась на юге. Тренер увидел это и принялся торопливо поправляться:

– Простите, это я неудачно… Я в смысле… Техника хорошая, но нужен особый талант, как и везде, понимаете? А душа… это я неправильно! У нас все Даню любят, многие девочки от него просто без ума!..

Домой они ехали на маршрутке, повернувшись в разные стороны.

Богдан снова и снова крутил в голове обидное слово «средний»… и был вынужден с ним соглашаться. Танцевал он неплохо, но и не виртуозно. В классе был одним из первых, но стоило ли этим гордиться, если учесть, что он на два года старше одноклассников? Что еще? Спорт? Не получилось. Какие-то особые таланты? Пытался играть на гитаре, но бросил, потому что сам понимал – слишком средне.

Он столько лет мучился, и зачем? Чтобы теперь быть «средним»? Почему он не может стать лучшим? Хотя бы в чем-то? Где справедливость?

О чем думала мама, осталось тайной, потому что до самого дома она так ничего и не сказала.

* * *

В сентябре Богдан перепробовал все, что попадалось под руку: рисование, роликовые коньки, кружок итальянского, даже программы на компьютере писать пробовал. И везде чувствовал – средне. Ни к одному делу не оказалось у него таланта. Ни одно дело он не завалил.

Середина.

Он пытался поговорить об этом с родителями, но те не понимали, о чем он. Папа настаивал, что нужно много работать над собой, тренироваться, тогда все получится. Мама отговаривала:

– А зачем тебе быть самым-самым? Быть нормальным ведь тоже счастье. Огромное счастье.

Богдан злился и продолжал экспериментировать. Он навалился на учебу так, что классная предложила родителям:

– А пусть Богдан два года за один пройдет! Так, глядишь, свой возраст догонит.

Папа обещал подумать, но Богдан после этого скатился на семерки. Вкалывать только для того, чтобы «догнать свой

возраст»? Чтобы стать еще более «средним»? А смысл?

Девочки по-прежнему выказывали ему свое внимание, тут он, пожалуй, был выше среднего, но разве об этом он мечтал год назад, когда выжигал в себе остатки боли?

И тогда Богдан вспомнил о Голосе, который так ему помог тогда. Если бы можно было снова его услышать, спросить… Он же обещал рассказать все «потом». Это «потом» уже наступило, самое время рассказывать!

Осталось только организовать встречу с Голосом.

Способ он вычислил быстро. Оба раза, когда Голос с ним разговаривал, Богдан находился под действием лекарств. Точнее, наркотиков – это он понял после осторожных расспросов родителей. В аптечке, с которой давно уже сняли замок, ничего подходящего не оказалось. Вернее, там было много чего, но Богдан специально проверил каждое название по интернету – только средства от желудочных и кишечных расстройств, жаропонижающие и тому подобное. Были еще мамины таблетки от головной боли, которые, кажется, что-то такое содержали. Богдан долго раздумывал, не принять ли их, но так и не решился. Вдруг мама хватится.

Пришлось искать вне дома. По телевизору часто говорили, что наркотики – угроза для детей, что их полно в школе. Однако на самом деле Богдану пришлось изрядно попотеть, пока он нашел долговязого старшеклассника, который торговал, как сам говорил, «дурью». Старшеклассник встретился с ним в парке, очень дергался и зыркал по сторонам. У него оказались только экстази («Всю ночь будешь скакать как заведенный, поал?») и самокрутки с марихуаной. Богдан купил одну и тут же, в присутствии долговязого, попытался выкурить. Ничего особенного не почувствовал, только дыма наглотался.

– А больше ничего нет? – спросил он без особой надежды у старшеклассника.

Тот неожиданно ответил:

– Есть, – и достал из кармана прозрачный пакетик с таблетками.

– А чего сразу не сказал? – удивился Богдан.

– А вдруг ты того, засланный? За травку мне бы ничего не было, а вот за эти… – долговязый сунул пакетик назад в карман. – Тебе сколько?

Богдан заколебался. Возможно, хватит и одной, а может быть, еще поговорить с Голосом придется.

– А они сильные?

– Рвет башню, как динамит! Химия! Новое поколение!

– А стоит сколько?

Тот назвал цену, и проблема решилась сама собой. У Богдана денег набиралось только на одну таблетку.

Напоследок старшеклассник посоветовал:

– Ты при родаках не свети. И глотай тоже без них. А то… короче, сам увидишь. А понравится – обращайся еще!

* * *

В субботу они собирались всей семьей рвануть к бабушке на дачу, но Богдан отказался под предлогом домашнего сочинения, которое у него никак не вытанцовывалось.

Мама захлопотала, наготовила еды, как будто собирала сына в небольшой поход, папа пригрозил: «Чтобы без сборищ тут!», Нюшка покапризничала, не хотела ехать без любимого брата – но в целом все прошло гладко.

Богдан раскрыл тетрадку, посидел над ней, пока квартира не опустела, и затаился. Очень хотелось поскорее проглотить заветную таблетку, но он держался. Не хватало еще, чтобы мама снова «что-то сердцем почувствовала» и с полдороги вернулась.

Он включил комп и полчаса погонял «Нид фор спид», потом набрал маму и озабоченным голосом поинтересовался:

– Мам, а как правильно пишется «интеллигентный»?

Мама тут же объяснила, спросила, все ли в порядке, не проголодался ли Богдан…

Через пять минут он почти честно сказал:

– Извини, мам, у меня сейчас мобильник отключится.

И действительно, как только мама положила трубку, Богдан отключил мобильник. А заодно и домашний.

Он выложил таблетку на середину стола и долго ею любовался. Она казалась ему верхом совершенства: маленькая, идеально круглая, голубоватая.

Богдан осторожно взял таблетку двумя пальцами и лег на тахту. Подумал и разложил подушки рядом с ней – мало ли как его будет колбасить. Лег, проглотил, запил водой из кружки.

И ничего не произошло. Не было водоворота или летающего туннеля – ничего сверхъестественного. Богдан ждал, не шевелясь, но по-прежнему оставался в комнате.

«Надул», – подумал Богдан и совсем не удивился, увидев, что книжная полка над головой начинает надуваться. При этом она тихонько позвякивала, а книжки внутри совершенно логичным образом тоже раздувались и покрывались узорами. Присмотревшись, Богдан понял, что эти узоры зависят от содержимого книги. Пушкин весь в африканских орнаментах.

Детектив в обложке превратился в пухлый гамбургер. На обложке «Энциклопедии юного историка» шевелятся какие-то седые водоросли… Нет, это мох.

«Кажется, все-таки работает таблеточка», – Богдан присел и рассмеялся подушкам, рассыпанным у подножия тахты. Подушки съежились, как грибы сморчки, и почему-то пошли ярко-зелеными пятнами. Услышав голос хозяина, они принялись подхихикивать.

«Голос, – вспомнил Богдан, – я хотел увидеть Голос».

И, действительно, увидел Голос. В видимой форме тот представлял собой черный вибрирующий столб.

– Привет, Богдан, – сказал Голос, и по его поверхности побежали разноцветные узоры, как на экране компьютера, когда играет музыка. – Я так и думал, что ты найдешь способ со мной пообщаться.

«Еще бы!» – подумал мальчик, потому что говорить было лень.

Голос изогнулся в спираль, и Богдан понял, что тот к нему присматривается.

– М-да, – сказал его собеседник, – так мы вряд ли пообщаемся продуктивно.

На миллионную долю секунду Богдана словно ослепили, оглушили и выключили все прочие органы чувств.

А потом он обнаружил, что смотрит на комнату словно через полиэтиленовую пленку. Все чудеса и метаморфозы остались, но теперь не казались ему совершенно естественными. Он снова ясно и четко соображал, и первая мысль была: «Да это же галлюцинации!». А вторая: «Дрянь какая!». Желудок непроизвольно попытался избавиться от содержимого. Богдан сглотнул – и тут словно что-то скользнуло по его лицу. Тошнота стала уходить.

– Так лучше? – участливо спросил Голос.

– Да. Я хотел спросить…

Богдан запнулся. Черный пульсирующий столб немного расплылся, словно устраиваясь поудобнее.

– Давай-давай! – подбодрил он мальчика. – Сегодня у нас полно времени, можем не спешить. Спрашивай все подряд, даже если вопрос кажется тебе ерундовым.

– Вы кто?

Голос хохотнул.

– Да, начало хорошее… Честно говоря, не смогу объяснить… Хотя… Помнишь, мы говорили о, – Голос на мгновение запнулся, – боге? Так вот, я – как он. Только он создал внутри себя мир, а я нет.

От услышанного Богдана замутило еще больше, чем от пятнистых подушек и мохнатых учебников.

– Внутри?

– Образно говоря, ваш бог – это и есть ваш мир. Ты, например, тоже одна из его клеточек.

Богдан поджал ноги, потому что одна из подушек отрастила себе две пары челюстей и грозно клацнула зубами.

– А почему?.. То есть… А как?.. – Богдан потер лоб. – Значит, вы – как он? А почему вы тогда не создали мир… внутри себя?

– А я должен? – удивился собеседник.

– Ну раз он…

– Он – это он. А я – это я. Ладно, неважно. Давай лучше о тебе.

Богдан кивнул. Действительно, какая разница, кто его собеседник, и что он там делает со своими внутренностями.

– Я все сделал, как вы сказали. Боль вылечилась…

Черный столб покрылся веселым узором.

– Но ты все равно не удовлетворен, – сказал голос утвердительно.

– Ну да. Я думал… раз я столько перенес, то мне… меня…

Богдан никак не мог сформулировать мысль. Наверное, потому, что на стенах начали надуваться ослепительно желтые пузыри.

– Наградят? – голос вздохнул. – Ты ошибся. Ладно, с вопросами у нас не очень получается. Давай я просто расскажу все, что тебе нужно знать.

Богдан снова кивнул, и Голос принялся рассказывать. Он был очень красивым и завораживающим, иногда повышал тон, иногда переходил почти на бормотание, то ускорял темп повествования, то останавливался в самом неожиданном месте. Богдан заслушался.

Оказалось, что весь мир устроен по принципу противовеса. Если ты умен, то жди проблем со здоровьем, или девушки не будут любить, или денег не будет. Если счастлив в любви, то не повезет в чем-то другом. И так далее. Будь все люди средними, нормальными, неудачников не было бы. Как не было бы и счастливчиков. Все было бы серым и обычным. Чтобы избежать тоски, все люди разные. По замыслу того, кто все это создал, разные люди должны помогать друг другу. Кто умный – учить глупых, кто богатый – кормить бедных, кто красивый – помогать наводить красоту уродливым. Но так не получается. Люди каждый сам за себя.

Поэтому иногда появляются такие, кто может дать людям много. Так много, что все это внутри одного человека не

помещается, ему просто приходится делиться. Поэты, оказывается, пишут стихи не для славы, а просто потому, что иначе их разорвет на части.

– Их прямо-таки тошнит этими стихами, понимаешь? – говорил Голос. – А кто-то не может не помогать нищим. Он бы и рад не платить им деньги, но не может. Он не спит тогда, не ест…

Но за все надо платить. Все «гиперхорошие», как назвал их Голос, люди за свой талант всегда расплачиваются: умирают до срока, страдают от неразделенной любви или от болезней, становятся посмешищем.

– Но почему? – возмутился Богдан. – Раз они хорошие, почему обязательно страдать?

– Равновесие. Принцип противовеса. Если его нарушить… в общем, ваш мир просто взорвется.

Они помолчали. Богдан вдруг заметил, что комната до потолка залита розовой жидкостью и в ней плавают какие-то совершенно неузнаваемые предметы. Хорошо еще, что они больше не пытались на него напасть.

– Значит, я – гиперхороший?

– Вот именно. Ты можешь освобождать людей от боли. Это очень редкий дар. Некоторые мамы могут забирать боль у своего ребенка, но больше ни у кого. А ты можешь у любого. Но за это ты получил свою ужасную болезнь.

Когда Голос произносил слова, они выделялись из него в виде пузырьков и всплывали к потолку, переливаясь разными цветами.

– Но ведь я смог вылечиться! Вы научили!

– Ну да. Я научил, и ты вылечился. Потому что я – не из этого мира. Я могу нарушать равновесие.

Богдан не понял этой мысли, но решил поверить на слово.

– Значит, теперь я буду нормальным? – вернулся он к главному мучавшему его вопросу. – Просто нормальным? Не больше?

– Почему? Все в твоих руках.

Мальчик посмотрел на свои руки. Ладони были облеплены противными зелеными пиявками, которые танцевали под неслышную музыку сложный танец. Кажется, восточный.

– Ты можешь забирать не только боль, – Голос стал проникновенным. – Можешь отнять радость, например. Или уверенность.

Вот это Богдан понял сразу.

– И силу? И… мозги?

– Нет, это у тебя не получится. Ни физическую силу, ни ум ты

забрать не сможешь. Только эмоции, чувства. Но поверь, это тоже немало. И тогда ты перестанешь быть средним. Ты станешь самым счастливым человеком в мире.

У Богдана захватило дух.

– А те люди, у которых я заберу?..

– Что ты заберешь, то у них исчезнет.

Богдан нахмурился.

– Ты считаешь, что это несправедливо? – спросил Голос. – А когда ты корчился от боли, когда с трудом мог поговорить с мамой, когда ровно пройти не мог? Ведь остальные в это время наслаждались жизнью! И у них ничего не болело! Это разве было справедливо?

Голос говорил с таким жаром, что Богдан понял – сам Голос тоже кем-то обижен и страдает от несправедливости.

– Не знаю, – ответил Богдан.

– Не буду давить, – Голос вдруг стал усталым. – Ты сам решай. Все теперь в твоих руках.

Черный столб начал колыхаться в розовой жидкости, распадаясь на кляксы.

– А мы еще поговорим? – спросил Богдан.

– Как захочешь. Все в твоих руках. А пока – наслаждайся.

Пленка вокруг мальчика растворилась, и он понял, как это здорово – дышать розовой водой. Она пахла чем-то пряным, а на вкус напоминала чернослив. Богдан рассмеялся и поплыл…

* * *

Родители вернулись в воскресенье вечером. Богдан не встал с тахты, чтобы их встретить – не смог.

– Ты чего бледный такой? – всполошилась мама. – И запах какой-то странный. Испортилось что-то?

Она бросилась на кухню.

– Заболел? – папа участливо подсел рядом с Богданом.

– Отравился, – буркнул тот.

– Ничего себе! – крикнула с кухни мама. – Он все съел!

– Понятно, – усмехнулся папа. – Ты, Данька, не отравился. Ты, пардон, обожрался!

Потом Богдану чистили желудок, поили активированным углем и настоями всяких травок. Он не сопротивлялся. На все вопросы отвечал, что проголодался, наелся, а потом его тошнило.

Правду рассказывать было невозможно. Не расскажешь ведь, что тошнило его еще до того, как он опустошил холодильник. Строго говоря, он не заметил ничего, когда очнулся в коридоре.

Только запах какой-то странный. И очень хотелось есть. Богдан даже не разогревал мамины запасы, стоял у холодильника и ел, ел. А потом зашел в комнату… Все воскресенье он наводил порядок. Периодически ему снова становилось плохо, он бегал в туалет, и снова вычищал свою комнату.

Напившись угля с травками, Богдан снова лег, но не в своей комнате, а в зале – на свою тахту он уже смотреть не мог. Мама еще раз перемыла детскую, но убедить сына вернуться туда не смогла.

Нюшка осталась у бабушки, поэтому родители весь вечер суетились возле сына, но его ничего не радовало. Единственное, что согревало сейчас Богдана – мысль о том, что завтра он сопрет у кого-нибудь кусочек радости.

* * *

Богдан сидел за задней партой и весь первый урок присматривался, на ком бы поэкспериментировать. Выбрал Варьку Ахремчик. Она все время улыбалась. На уроках, на переменах, домой шла – все время рот растянут, как резиновый. Значит, настроение у нее всегда хорошее. Именно то, что сейчас нужно Богдану.

На перемене он подошел к ней со спины. Так было проще, потому что все одноклассники боялись великовозрастного детину с задней парты, хотя он их и пальцем не трогал. Он вообще с ними не общался.

Богдан подошел к Варьке и осторожно погладил по голове. Одноклассники на него вылупились (с безопасного расстояния), сама Варька замерла, словно суслик, который притворяется пеньком, увидев на земле тень коршуна. Но Богдану было не до того. Он жадно шарил по Варькиной головке в поисках халявного счастья.

Страх… Синий, пульсирующий пузырь.

Светло-желтая лужа, еле плещется… Усталость…

Серый, неподвижный, очень вязкий туман… Печаль…

И никакого счастья.

Секунду… А это что? Что-то пронзительно-зеленое, тоненькое, как стебелек, жадно к нему тянется. Богдан даже руку отдернул, чтобы оно в него не вцепилось. Если бы он чуть-чуть лучше знал людей, то понял бы, что наткнулся на жажду любви. Варька очень хотела, чтобы ее любили. Хоть кто-нибудь. Хоть этот страшный большой мальчик с задней парты.

– Извини, – глупо сказал Богдан, – обознался.

Варька медленно повернулась к нему. В глубине ее огромных серых глаз угасало что-то пронзительно-зеленое.

* * *

Он провел еще несколько опытов и убедился, что улыбкам верить нельзя. Даже смеху верить нельзя, особенно громкому. Все эти улыбки и смешки могут прятать за собой такое… Богдану даже вспоминать об этом не хотелось. Тем более не хотелось забирать это себе.

Богдан стал всматриваться в глаза. И почти сразу нашел нужные – яркие карие глазищи. Они так светились изнутри, что казались янтарем на солнце. Глаза-янтарики принадлежали старшекласснице, но ростом она была не выше Богдана.

Он протянул руку к ее волосам, еще не зная, как объяснит свой странный жест.

Старшеклассница уставилась на него, как на оживший вдруг шкаф.

– Извините, – сказал Богдан, слегка ее поглаживая, – вы очень красивая.

Девушка от неожиданности потеряла дар речи, и Богдан спешил этим воспользоваться, гладил и гладил ее. Наконец – то, что нужно! Радость, пурпурная и пузырящаяся, как манная каша на огне, много радости.

– Я чуть-чуть! – бормотал Богдан. – Я чуть-чуть… Извините.

Тут старшеклассница очнулась и оттолкнула противного мальчишку.

– Иди отсюда! – закричала она. – Псих какой-то! Всю прическу испортил!

Богдан отошел, блаженно улыбаясь, и уже издали услышал, как девушка жалуется подошедшей подруге:

– Я специально прическу сделала… ну ты в курсе…

– Ты же сегодня встречаешься с…

– Вот именно! А этот дебил подошел и руками хватает! Все настроение испортил!

Богдан не обиделся ни на «психа», ни на «дебила», но понял, что со старшеклассниками лучше не связываться. Девчонки еще ладно, а пацаны могут и по шее накостылять.

На следующей перемене он спустился на второй этаж, где с воплями носились по коридорам мальки из начальной школы. И тут уж оторвался! У этих сопливых столько радости и бодрости, что подзаряжаться можно от любого. Отловил одного-двух, потрепал по голове – и чувство такое, как будто батарейку

проглотил! Хочется самому прыгать и лупить девчонок по голове портфелем.

Мальки, правда, от него отходили слегка присмиревшие, ну так что? Через пять минут развеселятся. Вон Богдан в их возрасте только ковылять мог, да и то – с папиной поддержкой. Так что все справедливо!

Теперь Богдан поверил Голосу окончательно.

* * *

Бабушка, чтобы запугать Богдана, часто ему рассказывала про наркоманов и алкоголиков. Дескать, это люди пропащие, они только об одном и думают – ширнуться или напиться. Ради этого они готовы все продать, от всего отказаться. Тогда Богдан не верил бабушке, думал, она все выдумывает, но теперь он понимал наркоманов и алкоголиков.

То есть сами наркотики его не вдохновили. Кайф, конечно, был сначала, но потом стало так плохо, что ну его к черту такой кайф. Да и вино, которым его на Новый год угостил дед, тоже показалось противным.

Но чистая радость, которую он собирал, как пчелка нектар… Это другое дело! Она вливалась в него легко и весело, клокотала и пенилась, разбрасывала брызги, от чего становилось еще веселее. И потом, когда радость выветривалась, похмелье не наступало. Просто становилось чуть грустнее и спокойнее. Ни голова не болела, ни желудок.

Для контакта, как оказалось, не обязательно было дотрагиваться до головы. Хватало и руки, плеча, ноги.

Оказалось, что приятный вкус не только у радости, есть своя прелесть в печали, сосредоточенности, надежде, уверенности, даже злости. Богдан стал делать из них коктейли.

Опытным путем он установил, что начинать лучше со злости. Это как острый салат перед основной едой. Злость возбуждает аппетит, который отлично утоляется, например, торжеством победителя. Потом что-нибудь пожиже, вроде безотчетной радости от жизни. И на десерт – легкая грусть, или нежность, или приятная усталость после хорошо сделанной работы. И тогда получался полный кайф.

Тут главное было не расплескать. Если перерывы между «приемами пищи» оказывались слишком большими, можно было сильно обломаться. Неутоленная злость, если ее вовремя не залить радостью или хотя бы нежностью, вызывает в голове что-то вроде изжоги. Да и светлая грусть, употребленная на почти

голодный желудок… то есть мозг, – это то же самое, что чипсы натощак. Только раздразнят, а ничего не утолят.

Поэтому пришлось учиться набирать чужие эмоции про запас. Богдан иногда очень ясно представлял у себя в голове что-то вроде огромного зоба, который он набивает злостью, весельем и далее по списку («Перемешать, но не взбалтывать!»). Чувства плескались там, не вливаясь в Богдана, только чуть-чуть остывали. Потом, когда коктейль был готов, его можно было выпить – залпом или маленькими глоточками. Оба способа оказались по-своему хороши.

После этого мальчик ходил полдня, как пьяный. Нет, не как пьяный – алкоголь не столько радует, сколько дурит мозг, а голова у Богдана как раз оставалась ясной. Просто на душе становилось очень здорово.

Это было самое лучшее время в его жизни. Теперь Богдан точно знал: он не такой, как все. Он самый лучший.

Если бы еще мама с папой так не переживали…

* * *

Он сам был виноват. Однажды, только-только «отобедав» чужими эмоциями и находясь по этому случаю в эйфории, Богдан проговорился маме. На ее вопрос: «Ты чего такой довольный?» надо было ограничиться стандартным: «Да так, настроение хорошее». А Богдана какой-то тупой черт толкнул под локоть.

– А у меня способ есть! – ответил он.

И выложил всю свою историю без утайки. Вернее, с одной небольшой утайкой – про наркотики он не рассказал. Соврал, что Голос иногда ему снится.

Мама перепугалась до икоты. Богдан даже пытался пойти на попятную, заявил, что он все придумал, нет никакого Голоса, но было уже поздно. Родители, вспомнив молодость, обрушили на сына всю мощь своей заботы.

Папа снова потащил его в церковь, на исповедь. Батюшка, понурый и помятый, слушал Богдана невнимательно, хотя и вежливо. Грехи отпустил и наказал приходить в церковь почаще, потому что только так можно спастись. Богдан, прикладываясь напоследок к его холодной руке, не удержался, проверил, нет ли чего у батюшки в голове – поживиться. Ничего не было, только серый и вязкий кисель скуки. Папе священник сказал, что Богдан – мальчик хороший, но бывать в храме нужно не только по распорядку, но и по зову души. И обряды выполнять.

Богдан обрадовался, что все так просто закончилось, но все

испортил какой-то священник непонятной должности. Уже на самом выходе, когда папа почти надел шапку, этот молодой человек в рясе преградил им путь и мягко сказал:

– А ты почему не во всем покаялся, мальчик?

Богдан набычился. Папа насторожился:

– Вы подслушивали исповедь?

– Нет нужды, я вижу. Пойдемте со мной.

Человек в рясе говорил по-прежнему мягко, но это была мягкость резиновой стены, за которой прячется вековая каменная кладка. Наверное, поэтому папа с Богданом двинулись за священником без возражений.

Они вышли на улицу. Стоял октябрь, излет позднего бабьего лета. Облаков почти не было, но солнце напрасно пыталось согреть стылый воздух. Папа поежился и надел шапку.

– Холодно, – сказал человек в рясе. – Зима скоро.

И он вдруг повел разговор про зиму, про то, что иногда кажется, что зима – это навсегда, что никто тебя больше не согреет. Тогда хочется согреться хоть как-нибудь: хоть водочной отравой, хоть в компании сомнительных друзей. Но это обман. Не нужно ничего этого, нужно просто молиться и ждать. Потому что за зимой обязательно приходит весна, а потом и лето.

Богдана отчего-то все больше раздражал этот тип, как будто тихий и покладистый, но на самом деле напористый, как бульдозер.

– А если зима затянулась? – спросил он таким недовольным тоном, что папа дернул его за рукав.

Но священник мягким жестом показал: ничего, пусть говорит.

– А если ты вообще на полюсе?! – продолжал Богдан. – И весны вообще не будет?

– Весна есть всегда. Даже если ты на полюсе. Представь: ты работаешь там… допустим, полгода, мерзнешь, скучаешь по теплому солнышку, а потом заработаешь на отпуск – и на юг. И там можно загорать, отдыхать и наслаждаться летом.

– Это вы про царствие небесное? – уточнил Богдан.

Он словил себя на том, что стоит набычившись, поэтому попытался расслабиться и расправить плечи.

– И про это тоже, – согласился человек в рясе. – Но если человек праведный, то его праведность – уже оплата. То есть если ты честно и радостно работаешь на полюсе, то тебе тепло и светло уже от этого.

– От работы?

– От честности.

Они замолчали, каждый оставаясь при своем. Папа не сводил с Богдана недовольного взгляда, но не вмешивался.

– Нельзя согреться, отнимая тепло у других, – сказал священник очень грустно.

Богдан вздрогнул и замер. Откуда он знает?!

– Чтобы согреться, надо отдавать тепло другим. Так что зря ты не покаялся батюшке во всем.

Богдан сообразил, что собеседник про тепло просто так сказал, для выразительности. Это придало мальчику наглости:

– Я во всем признался!

– Нет. По глазам видно. Черные у тебя глаза. Не хочешь ты никому ничего давать. Хочешь только брать.

Священник уже не пытался убедить Богдана. Кажется, теперь он обращался больше к папе.

– Думаете, – озабоченно сказал папа, – надо еще раз его на исповедь?

Человек в рясе тонко улыбнулся.

– «На исповедь»… как «на техосмотр»… Простите, ради бога! Приводите, конечно, но только тогда, когда мальчик сам захочет излить душу. Раньше смысла нет.

Богдану вдруг до жути захотелось вытащить из священника его уверенность в себе. Даже не для того, чтобы забрать себе, а для того, чтобы отнять у этого самодовольного типа. Но он решил не рисковать. Слишком непростым оказался этот молодой человек. И слишком необычным.

Даже папа это почувствовал, потому что спросил:

– Извините, отец…

– Виталий.

– Отец Виталий. А почему мы не в храме разговариваем, а тут?

Отец Виталий с ироническим недоумением осмотрелся:

– Тут хорошо, светло. И прихожанам своими речами не мешаем молиться.

Папа смутился:

– Да… но все-таки…

– Храм – дом Божий? – помог ему священник. – Это правда. Но ведь Бог – повсюду. Он вокруг нас. Он нас услышит, даже если мы обратимся к Нему молча, только в сердце своем. Ступайте с Богом!

Отец Виталий перекрестил их, без лишней резкости, но быстро развернулся и отправился в церковь бодрым шагом.

* * *

Богдан сто раз обругал себя за то, что проболтался. Ситуация

ухудшалась тем, что в школе от него начали шарахаться. Не то чтобы кто-то против него распускал слухи или прямо в чем-то обвинял, но все каким-то нижним чутьем стали чувствовать в нем опасность. Может быть, слишком долго Богдан «доил» свою школу, а может, дело было в том, что теперь ему требовалось больше чужих эмоций, чтобы получить кайф. Он не мог удержаться, чтобы не опустошить каждого, до кого дотронется. Негатив (страх, депрессию, боль) он оставлял «дойной корове», а положительные ощущения втягивал в себя, словно вакуумный насос, который им недавно показали на уроке физики.

Видимо, стоило разнообразить место «охоты». Ведь есть же двор, есть танцы, на которых партнерша, хочет не хочет, а дает держаться за нее.

Так или иначе, с каждым днем становилось все труднее приблизиться к жертве и взять ее хотя бы за руку. Дошло до того, что классная пришла к Богдану домой и что-то долго втирала родителям. Они болтали в зале, оттуда трудно было что-то расслышать. Богдан разобрал только «энергетический вампир».

Про вампиров он, конечно, слышал, и даже видел в кино. Там они неизменно изображались бледными и с противно торчащими зубами. Богдан придирчиво рассмотрел себя в зеркало, но ничего такого в своем облике не обнаружил. Хотя про себя признал, что в чем-то училка права. Но только немного. Вампиры пьют чужую кровь, а он – всего лишь чувства. После вампирского укуса человек или умирает, или сам становится вампиром, а после Богдана разве что немного настроение портится. Наверное, классная это выражение использовала для большей выразительности. Она была молодая, вела литературу и любила красивые слова.

На родителей эти красивые слова подействовали, и даже очень.

Его посадили под домашний арест. Никакой школы, никаких выходов во двор, никаких танцев. Это было чудовищно несправедливо… и очень больно. Богдан неожиданно понял, что без подпитки ему становится физически плохо. В тех местах в голове, где он когда-то выжег старую боль, теперь прорастала новая. С ней справиться оказалось невозможно, потому что это было не физическое страдание, а что-то другое. Пещерный ужас, безнадега и отвращение ко всему.

Это оказалось еще больнее, чем воспаленные нервные окончания.

Богдан несколько дней держался – надеялся, что родители увидят, какой он хороший, успокоятся и выпустят его на охоту. Но родители держались стойко. Папа заставлял молиться по

десять раз на дню, мама обзванивала знакомых, спрашивала про какого-то психолога.

На третий день голодная душа мальчика не выдержала. Он ничего такого не собирался делать, но когда зашел в зал и обнаружил там Нюшку… Она смотрела мультики и так беззаботно хохотала!

В общем, он сорвался. Набросился на сестру, как оголодавший шакал на свежий труп. И пил из нее, пил, пил – пока на плач Нюшки не прибежали родители. Папа впервые в жизни ударил его, потому что добровольно Богдан отдавать добычу не собирался. Но добычу вырвали силой, а самого Богдана швырнули в комнату, как в камеру.

Из-за двери доносились Нюшкины всхлипы:

– Даня похой! Даня похой!

– Он ударил тебя? – мама находилась на грани истерики. – Где он ударил? Где больно?

– Нет! Не ударил! Не больно! Плохо! Даня похой!

Богдан сидел на тахте, притянув колени к груди и обхватив их руками. Нюшкина радость, высосанная вся без остатка, разливалась по нему, но не привела к обычной эйфории, а просто немного притушила ту, новую, боль.

Добычу следовало расходовать очень экономно. Богдан понимал, что следующий раз ему представится не скоро.

* * *

Психолог оказался совсем не похожим на врача. Он вообще ни на кого не был похож. Просто дядька. Никакой. Что-то в нем было от хамелеона. Сядет на стул – и кажется, что всегда тут сидел. Станет у окна – и такое чувство, что тут ему и место. Когда надо – молчит, когда ждешь от него слов – говорит, словно и не свои мысли озвучивает, а твои собственные.

Но даже такой гладкий и обтекаемый человек сейчас Богдана раздражал.

Мальчик уже неизвестно сколько времени сидел голодный. То есть еду ему, само собой, давали, но ведь нужна была не еда, а кое-что гораздо более важное. Пару раз Богдан собирался выпить папу или маму, но с сожалением отказывался от этой идеи. Во-первых, после этого его вообще изолируют от людей. Во-вторых – и это стало определяющей причиной – вряд ли сейчас мама с папой испытывали какие-то положительные эмоции. Скорее всего, он потратил бы свой последний шанс впустую.

Поэтому на психолога он возлагал особые надежды. Очень

хотелось впиться в него сразу же, но Богдан сдерживал себя. Нужно было дать жертве успокоиться, обрадовать ее чем-нибудь, а уж потом…

Мальчик очень старался угодить психологу. Он честно рассказал все. Даже про наркотики – правда, перед этим взял честное слово, что родители об этом не узнают.

Психолог кивал и улыбался. По глазам понять что-нибудь не представлялось возможным – глаза светились таким вниманием-пониманием, что ничего больше в них рассмотреть было нельзя.

И тогда Богдан решил провести маленькую разведку боем.

– Вы думаете, я обманываю? – жалобно спросил он. – Что я наркоман?

– Нет, конечно, я верю…

– Нет, вы проверьте! – Богдан протянул руки к психологу. – Посмотрите на вены!

Психолог глянул ему в глаза и не стал спорить. Раз пациент очень хочет показать вены, значит, надо посмотреть вены. Он принялся закатывать рукав Богдановой рубашки…

…Они оба замерли…

…Ничего подобного Богдан никогда в жизни не видел! Снаружи психолог был неживой! Просто скафандр какой-то. Мальчику живо представился синтетический костюм, который психолог натягивает перед выходом из дома. Натянутый скафандр расправляется, складки исчезают, он вертится перед зеркалом, проверяя, хорошо ли сидит «костюмчик».

Но там, внутри, определенно кто-то был! До него нужно было просто добраться. Богдан осторожно представил, как он погружается в скафандр.

Неизвестно, о чем думал психолог, но он ему не мешал. Наоборот, когда Богдан спохватился («А не слишком ли я обнаглел?!») и собирался дать задний ход, психолог тихонько приказал:

– Продолжай.

И мальчик продолжил. Скафандр казался непробиваемым. Когда Богдан усиливал мысленное давление, он сразу чувствовал, как резко возрастает сопротивление.

В одном месте… В другом…

А вот тут, кажется, подается.

Богдан стал нашаривать слабую точку. Это оказалось что-то вроде клапана. Мальчик почувствовал, что достаточно приложить чуть больше силы – и оболочку можно будет снять. А там внутри… вкусно.

Богдан вопросительно глянул на психолога. Тот был очень напряжен, но все-таки улыбнулся и утвердительно кивнул.

Он надавил. Еще. Давануул изо всех сил.

Клапан поддался.

Богдан даже успел почуять то живое, что пряталось внутри, но только на мгновение. Содержимое скафандра улетучилось так стремительно, что он не успел засечь направление.

Опустошенная оболочка шмякнулась о землю. Богдан тупо смотрел на нее. Внешне это был самый обычный человек.

Самый обычный мертвый человек.

И ничего вкусного.

Богдана начала душить ярость, но одновременно и голова заработала в бешеном темпе. Пусть вскрытая раковина оказалась пуста, но кто сказал, что ее нельзя использовать?

Он расправил недозакатанный рукав, сделал шаг в сторону от двери и крикнул как можно отчаяннее:

– Мама! Сюда!

Дальше все пошло точно по плану.

Мама прибежала, раскрыла дверь, замерла на секунду, потом бросилась к скорчившемуся на полу психологу.

Богдан тут же рванул к двери, сунул ноги в туфли и выскочил на лестничную площадку. Не дожидаясь лифта, понесся вниз, добежал до парка, углубился в него… и тут план кончился.

Вернее, план был, но очень обтекаемый: «Найти наркотики и поговорить с Голосом». В квартире Богдану казалось, что главное – выбраться на улицу, а уж так как-нибудь… Теперь нужно было придумать это самое «как-нибудь». Можно попытаться отыскать долговязого старшеклассника, но денег все равно нет. И потом – наверняка мама уже подняла тревогу, вызвала папу, позвонила в милицию…

Богдан шел по аллее быстрым, почти спортивным, шагом. В конце концов, можно хотя бы утолить голод. Нужны счастливые люди. Очень счастливые.

И одного такого он увидел на пересечении двух аллей. Хорошо одетый, гладко выбритый дядька с блаженной улыбкой валялся на асфальте, нежно поглаживая урну. Богдан почти не раздумывал. Какая разница, чье счастье воровать? Может, у пьяных оно даже вкуснее?

Богдан сел рядом с дядькой и крепко к нему прижался.

Это было нечто! Словно в дорогом ресторане официант сошел с ума и рассыпал по столику дорогие кушанья. Блюда смешались с рассыпанной солью, разлитым уксусом и всякими сафетками-зубочистками. Богдан пытался сначала вылавливать деликатесы – бесшабашную удаль, упрямый оптимизм, веселье без причины – но потом понял, что сможет убить разом двух зайцев. Он собрался с силами и зачерпнул из головы пьяницы всю кашу, которая в ней

варилась, разом.

* * *

Расчет оказался верным.

Чувство голода удалось если не утолить, но хотя бы ошарашить.

А кроме того, проглоченный компот из эмоций оглушил мозг почти так же, как наркотик. Богдану пришлось совсем немного напрячься, чтобы вырваться еще дальше, на край сознания, где – он чувствовал – его уже ждали.

– Что ты делаешь?! – рявкнул Голос, едва Богдан оказался в зоне его досягаемости. – Зачем ты мелешь языком? За каким перепугом ты сбежал?

Богдан, который привык к другому Голосу, ироничному и рассудительному, растерялся.

– Ты понимаешь, – продолжал давить Голос, – что теперь тебя могут запереть навсегда?! В психушке! А то и в тюрьме! Немедленно назад!

Богдана замутило. На сей раз общение происходило в очень неуютном месте, похожем на дедушкин чердак: всюду паутина, воняет крысами, в углах шебуршит кто-то, а сверху капает черная вода. В лучшем случае вода.

Голос звенел отовсюду сразу, и непонятно было, куда обращаться, поэтому Богдан крикнул прямо перед собой:

– Подожди! Я все понимаю, но мне нужна помощь! Что мне делать?! Я так проголодался, мне плохо!

Голос как будто смягчился:

– Конечно, плохо… А делать тебе пока ничего не надо. Сиди и терпи.

– Опять? – Богдан почувствовал во рту горький привкус.

То ли он так сильно разочаровался в Голосе, то ли его попросту тошнило.

– Теперь все по-другому, – возразил невидимый собеседник. – Раньше ты страдал непонятно почему и неизвестно зачем. А теперь ты должен немного помучиться из-за своих… понимаешь, своих!.. ошибок. И цель есть. Ты можешь снова выпивать других людей. Любых, каких захочешь. Только делать это нужно осторожно и с умом…

– А если я не хочу? – Богдан понял, что ему действительно все надоело. – Я хочу быть нормальным! Обычным!

– Не получится, – Голос понемногу возвращался к своей обычной тональности. – Ты необычный. Обычных людей вообще

не бывает, а ты – особый случай. Тебе придется…

– Я не хочу! Не буду! Не буду!..

Чердак вдруг начал размываться, Голос пропал, как будто его отключили, а Богдан почувствовал, что его куда-то несут. Мысли спутались окончательно, и мальчик продолжал кричать непонятно кому:

– Нет! Я не хочу! Им всем плохо из-за меня! Нюшка! Я хороший! Не буду…

* * *

Потом Богдану сказали, что он бредил несколько дней. Он не спорил, хотя по его внутренним часам прошло совсем немного. Сначала он чуть-чуть побуянил, потом, кажется, поспал, а потом проснулся на несколько минут посреди ночи.

Рядом лежала мама. Она пыталась обхватить сына целиком, но тот уже давно был больше нее. Мама смогла укрыть собой только голову и грудь.

– Спи-спи-спи, – пробормотала она, не раскрывая глаз, – все будет хорошо.

Богдан вдруг понял, что она давно так лежит и бормочет при каждом его шевелении.

Он прижался к ней… и осторожно заглянул маме в голову. Он не собирался ничего воровать! Ему просто захотелось, без повода, без цели.

Мама очень устала. Ей было больно и неудобно, но она не могла проснуться. Что-то там было еще… Богдан не успел заметить, потому что рассмотрел кое-что, что заставило его облиться холодным потом.

Из мамы в него переливался ручеек чего-то красного, очень горячего и очень ему нужного. Богдан перепугался – неужели он все-таки не выдержал, начал высасывать и маму? Неужели он это делает бессознательно?

Но он тут же понял, что ошибается. Он из мамы ничего не тянет. Она сама вливает в него это красное и горячее. Богдан несколько минут просто лежал, наслаждаясь тоненькой горячей струйкой. Она совсем не обжигала, просто поддерживала в нем жизнь. Потом Богдану стало стыдно. Ведь маме самой нужно согреться, а он тянет из нее последнее!

Богдан попытался отгородиться от красной струйки. Не получилось. Наверное, он слишком ослаб.

Тогда он начал возвращать то, что уже попало в него. Это вышло легко, как будто даже без напряжения. Теперь мама

получала столько же, сколько давала ему. Богдан замер. Он приготовился к тому, что станет холодно, ведь он все честно возвращал.

Но холодно не стало. Наоборот, как будто немного потеплело.

Богдан присмотрелся к себе, к маме… Горячее и красное не исчезало, сколько бы они не переливали его друг в друга!

Богдан тихонько заплакал. Оказывается, можно и не воровать. Нужно только найти человека, у которого есть внутри такое… красное и горячее.

«Как оно называется?» – подумал Богдан. Из всех слов, которые ему были известны, больше всего подошло «любовь».

Продолжая плакать, Богдан обнял маму и принялся вытаскивать из нее страх, и боль, и усталость. Он почувствовал, как боль врывается в его голову, занимает привычные позиции и начинает его душить. Ему было наплевать.

Он почувствовал, что маме стало легче дышать, и отключился…

* * *

– Молодец, Данька! – похвалил его дядя Леша. – Почти ровно наклонился.

Богдан улыбнулся. Дядя Леша, как обычно, врал. Наклонился Богдан только с третьей попытки и как-то кривовато – до носков не дотянулся. А если бы дядя Леша его не придерживал бы, то вполне мог загреметь носом вниз.

Богдан напрягся и наклонился еще раз, почти нормально. Сильно болели ноги, потому что гипс после последней корректирующей операции сняли всего три дня назад. И остальное все сильно болело.

Наклон застал дядю Лешу врасплох, он поскользнулся и грохнулся на пол вместе с Богданом. Правда, старая борцовская привычка сработала, он успел сгруппироваться и приземлил Богдана на себя. Но коленом в шведскую стенку все-таки заехал.

– Ты как, Даня? – тревожно спросил дядя Леша, потирая коленку. – Не больно?

– Н… нормально! – ответил Богдан, хотя внутри что-то дергалось от резкой боли.

Теперь это снова было нормально.

Дядя Леша осторожно посадил Богдана на стул и принялся вставать сам, поглаживая ушиб. Богдан улыбнулся, обхватил его колено двумя руками и зажмурился.

– Ты чего, Дань? – смутился дядя Леша. – Не надо!

– Я т… т… тебя л… люблю! – ответил Богдан, не отпуская колено.

Чужая боль вливалась в его собственную, как стакан воды в океан.

А навстречу боли откуда-то из сердца Богдана лилась тоненькая ниточка красного и горячего.

ЧЕЛОВЕК ТРЕТИЙ. МЕЦЕНАТ

(Человек, который вернулся)

Позднее примечание

Этот дневник я вел в течение восемнадцати лет.

Сегодня, 9 января 2008 года, случится самое важное событие в моей жизни. Честно говоря, не уверен, что все завершится хорошо, поэтому и не удаляю файл с дневником. Возможно, кто-нибудь обнаружит его и… ну, хотя бы узнает, как оно все было на самом деле. Пользы эти записи не принесут никакой.

Хотя… кто знает?..

Я сохранил неизменным стиль и содержание записей, которые относятся к ключевым фактам моей биографии, но удалил пустопорожние размышления и заметки типа «Сегодня ничего не случилось» или «Кажется, сегодня все точно так же, как и в прошлый раз». Убрал я также переживания по поводу отсутствия в прошлом мобильных телефонов и гипермаркетов и восторги по поводу отсутствия пробок на улицах.

В результате пришлось выбросить процентов 80 текста, но это, наверное, к лучшему.

Д. А.

9.01.1990

Написал дату и сам офигел. На дворе – 1990 год. XX век.

Может быть, я сплю? После аварии мне дали наркоз, и я вижу последовательный, цветной, удивительно связный сон?

Это произошло только что…

Или произойдет через 18 лет?..

Скажем так: 9 января 2008 года мы с женой Верочкой и дочкой Маринкой ехали на званый ужин. На нас опрокинулась цистерна с чем-то горючим. В момент катастрофы я успел очень сильно пожелать чего-то невероятного и невнятного. И в следующее мгновение оказался на 18 лет в прошлом, в 9 января 1990-го.

Надо лечь спать. Сейчас все плывет перед глазами. Может, это какой-то эксперимент?

21.02.90

Понемногу прихожу в себя, хотя ощущение анриала не

покидает.

Надо готовиться к экзаменам. Надо приспосабливаться к жизни. Надо разбираться с семейными проблемами.

Последнее, похоже, задача номер один. Год назад я женился, но не по любви. И не по расчету. «Сдуру» – самое точное описание. Если я все-таки повторяю свой жизненный путь…

Будем считать, что повторяю, иначе – бегом в психушку.

Значит, через год мы перестанем жить в одной квартире, через два окончательно прекратим отношения, через пять (или четыре?) – наконец разведемся официально. Несколько лет нервотрепки и вытягивания нервов друг из друга. Так и подмывает развестись прямо сейчас… Но не могу. Если разойдемся в ближайшее время, то 8 июня 1991 года не родится мое любимое Солнышко, мой Тошка-Антошка, красавчик и отличник.

Из приятных открытий – здоровье. Чувствую себя непривычно полным сил, хотя голова изредка побаливает. Ну, теперь-то я умный, теперь я не буду доводить себя до гипертонии. Побольше движения, поменьше спиртного, мучного и сладкого. И вообще хорошо быть молодым!

Правда, жаль того, что я достиг за восемнадцать лет – с 1990-го по 2008-й. Теперь все это придется достигать заново.

14.03.90

Все больше и больше убеждаюсь в том, что несправедлив к своей первой жене. Раньше, в будущем (удивительное сочетание слов), я считал, что она меня гнула в бараний рог… А теперь понимаю: правильно гнула, потому что бестолочь я был и лоботряс. И семьей (то есть женой) не занимаюсь. Торчу в лабе круглыми сутками. Она, естественно, подозревает меня в измене. В прошлом это меня бесило больше всего. В результате все изменой и закончилось – как говорится, уж лучше грешным быть, чем грешным слыть.

Но это случилось в предыдущий раз, теперь я вовсе не обязан сдуру тащить в постель второкурсницу только потому, что супруга извела напрасными подозрениями.

17.06.90

Уже почти полгода прожито по второму разу – и пока двигаюсь по тем же рельсам. Теоретически у меня огромный

гандикап, я ведь знаю будущее наперед. Практически – ни черта я не знаю. Помню только общие тенденции, а важны детали.

Во что конкретно вложить стремительно дешевеющие рубли? Валюту пока не продают. Нужно открывать какое-то дело… Какое? Впрочем, и рублей тех – кот наплакал. Единственное, что удалось сделать – уломать родителей снять их с книжки и купить дачу. В прошлой жизни отец локти себе кусал, что оставил заначку в сберкассе, а не отгрохал дом своей мечты. Теперь кусать не будет.

Но это, пожалуй, единственное, что я смог выжать из своего знания будущего.

Отношения с женой все напряженнее. Хуже всего, что теперь я не горячий и самолюбивый пацан. Внутри я сорокалетний мужик, трезвый и мудрый. Я могу сохранить эту семью. Не так уж и много нужно. Стать немного надежнее и заботливее. При необходимости проявлять железную волю (Ницше говаривал: «Идешь к женщине – возьми плетку»). Я могу избежать развода. Но тогда мне никогда не встретить Верочку, у нас не родится Маруська… Нет, об этом не может быть и речи.

И рвать окончательно прямо сейчас тоже нельзя – не родится Тошка.

Придется идти по колее, четко повторяя ее повороты. Максимум, что я смогу изменить в судьбе, – смягчить разрыв, сделать его более быстрым и однозначным, без этого бесконечного «отрубания хвоста по частям».

8.09.90

Лето прошло ужасно.

Живу в агонизирующей стране, смотрю, какой у всех нервный подъем, с каким благоговением произносят слово «демократ»… А ведь десяти лет не пройдет, как это слово станет ругательным, вроде «недоноска».

Стараюсь не брать в голову, терпеливо жду, пока закончится это смутное время.

Иду по колее, стараясь не отклоняться в сторону. Только один раз из колеи выбрался – отказался от возможности изменить жене. А ведь была возможность, была! Как Анечка мне улыбалась, как невинно просила подтянуть ее по матану. Помнится, в прошлый раз и подтянул, и…

Ладно, будем считать, сделал будущей бывшей жене подарок. Правда, из-за этого линия моей судьбы слегка вильнула в сторону. В прошлый раз жена из-за Анечки психанула, уехала

к матери, я ездил к ней мириться. И помирился так, что через девять месяцев родился Тошка, мой замечтательный вундеркиндище. Сейчас никто никуда не уехал…

Ладно, неважно. Какая разница, где произошло зачатие? Родиться Тошка должен в следующем июне, стало быть, в этом сентябре нужно быть активным в постели. И вся арифметика.

21.10.90

Твою мать! Ничего не получилось! Жена до сих пор не беременна! Я сначала думал – скрывает или сама пока не знает. Затащил за руку к гинекологу – нет, точно не беременна!!! Еще и удивляется: «У меня же спираль!». Блин… У нее и в прошлый раз была спираль, но это не помешало!

Так что ж теперь, Тошки не будет? Я не буду гордиться чудесным сыном, который знает три европейских языка и побеждает на всех математических олимпиадах?!

Да и не в этом дело, просто Тошка, мой чудесный Тошка, никогда не появится на свет. Я его не буду качать на руках, не будем мы до хрипоты спорить, что важнее – физика или математика. Не буду его учить кататься на велосипеде, а он меня – на роликах.

Чувствую себя убийцей.

И все потому, что я чуть-чуть высунул нос из колеи?

22.10.90

Вчера напился по-черному и что-то такое наболтал жене. Косится на меня, как на умалишенного. Перечитал вчерашнюю запись… Да, крепко меня расколбасило. Впредь никаких спиртных напитков, кроме коньяка. В будущем он мне будет очень нравиться. Правда, пока нет ни денег, ни нормальных коньяков. Значит, стану вести трезвый образ жизни.

И пора разводиться. Нечего тянуть, раз такое дело. Тошка уже факт, что не родится, а если даже и родится кто-то другой, я же всю жизнь буду помнить, что этот ни в чем не повинный ребенок занимает место моего любимого сына.

17.04.91

Ненавижу СССР! Ей-богу, хочется всех этих уродов, которые

через пятнадцать лет начнут ностальгировать по «великой империи», взять – и в 1991 год носом, носом! В пустые прилавки, в ужас неопределенности, в карточки, в агонию КПСС… Если есть ад, пусть они после смерти вечно живут в 1991 году!

Почти бывшая жена требует обеспечить ее жилплощадью. Начал бегать по обменным конторам… Ужас! У каждого на роже написано: «Вас много, а я один». Скорее бы нормальный капитализм с человеческим лицом. И чтобы это лицо угодливо улыбалось мне, принимая мои деньги, а не хамило!

8.06.91

Сегодня должен был родиться Тошка…

18.08.91

Нарушил собственный «сухой закон» – в одиночку поднимал тосты за упокой души СССР. Никто не подозревает, что завтра кончается эпоха. Чувствую себя не то чтобы богом – но оракулом точно.

«Вижу! Вижу чудище обло, озорно, огромно, восьмизевно и лаяй! И имя ему – ГКЧП!» И демонический хохот.

Как ни странно, готовящийся «путч» меня совсем не трогает. У меня есть свои близкие к телу рубашки: вчера закончился разъезд по квартирам, и мы наконец подали заявление о расторжении брака. Хоть и знал я, что первая моя жена исключительно ради жилплощади за меня выходила, а все равно немного обидно. Впрочем, не буду ее упрекать, она ведь даже не скрывала намерений.

А с обменом очень классно получилось. Мы свою треху махнули на двушку и две однокомнатные. И еще денег получили сверху. Потому что в престижном доме. Смех один: в 1995 за эту же квартиру мы взяли три однешки безо всякой доплаты. А в 2001 хорошо если две однокомнатные урвали бы. Все-таки есть свои плюсы в знании перспектив!

31.12.92

Просмотрел записи за год… Ерунда сует и все ерунда. Казалось бы, все знаю наперед. Знаю, где подстелить соломки, знаю прикуп, а все равно время от времени больно падаю и живу

не в Сочи. Потому что избегаю одних граблей, но иногда натыкаюсь на другие.

Правда, преимущества возраста (настоящего, а не биологического) все-таки есть. С людьми гораздо лучше разговариваю, чем это было в прошлой жизни. Научился даже имитировать акценты разных социальных слоев и некоторые диалекты. Смотрю в глаза, а не рассматриваю потолок, как любил это делать во время первой молодости. Все эти нехитрые приемы работают – люди мне доверяют.

И я этим пользуюсь. Втюхиваю им компьютеры с какой-то безумной наценкой. В прошлой жизни мне было совестно накручивать больше тридцати процентов на первых «компах». Теперь не совестно. Я уже пожил при капитализме, уже знаю, что «клиент должен быть облизан и обобран» (© Чичваркин).

Есть и другие плюсы психологической зрелости. Опыт сорокалетнего мужчины, который полжизни прожил холостяком – это дорогого стоит. Девушки просто тают, когда обнаруживают, что молодой человек, пусть даже не красавчик, умеет быть внимательным и обходительным. Ну и запах денег, конечно… Вот странно: малиновых пиджаков (бррр!) не ношу, никаких тебе золотых перстней – но все равно девчонки понимают, что в деньгах я не стеснен.

Словом, проблем с девушками нет. Разве что одна. Как бы они ко мне не ластились, как бы не смеялись над моими шутками, все равно у меня перед глазами Верочка. Иногда возникает безумная мысль разыскать ее и познакомиться, но потом я прикидываю, сколько лет моей будущей жене… Нет, не будем опускаться до педофилии.

31.12.92, позже

Ну вот, дожили… Задорнов поздравляет нас по телевизору с Новым годом вместо Президента! В прошлый раз этого, кажется, не было… Получается, я изменил ход истории? Или все-таки было, но я не помню?

09.06.94

Вчера снова отмечал день рождения Тошки. В одиночестве. Напился зачем-то…

Какая-то девчонка ко мне подсела. Или я к ней? В общем, излил ей душу. Сбежала. Представляю, что она обо мне подумала.

Болит голова. Сделаю праздник для своих работничков – не приду в офис.

Но пить больше не буду. Как напьюсь, тянет на ненужную откровенность.

10.06.94

Похмелье располагает к философии.

Перечитал дневник с самого начала. Пришел к неутешительному выводу: никаких бонусов вторая жизнь мне не дает. Как продавал компы, так и продаю – правда, с большей прибылью. Как жил холостяком, так и живу – правда, выбор приходящих девушек гораздо богаче.

А вот Тошка не родился, потому что я, видите ли, решил проявить самодеятельность.

Иными словами, как только пытаюсь сильно отклониться от курса, получаю от судьбы оплеуху. Если в целом соблюдаю траекторию – получаю «плюшки» в виде денег и женщин.

Вот так: или плюхи, или плюшки.

Похоже, судьба все-таки существует – в виде той самой колеи, которую я постоянно поминаю. Человек может идти по колее, а может выбраться из нее и двинуться по бездорожью. Первый путь легкий, второй тяжелее, но почему-то считается более почетным. Хотя… Откуда человеку знать, вдруг бездорожье – это и есть его колея? Вдруг его судьба как раз в том и состоит, чтобы преодолевать, разрушать и лезть напролом?

1.01.95

Новогоднее утро исполнено философией.

Почему-то вдруг подумалось, что не просто так меня швырнуло назад, в прошлое. Не зря мне дали второй шанс. И не только ради меня, ради моих девочек. Нет, кому-то я нужен, кому-то я должен помочь. Уверенность эта абсолютно нерациональная, возникла сама по себе, но…

31.12.97

Опять Новый год, который я по традиции встречаю один. Я да компьютер. Так было в первой жизни, ergo так должно быть и в этой.

Это ритуал. Я повторяю свой путь шаг за шагом, след в след. Иногда для этого приходится сдерживать шаг, обходить несуществующие препятствия, как Николаевская железная дорога тупо следовала царской ошибке. Кстати, недавно узнал – это всего лишь легенда. Не было никакого пальца, обведенного Николаем I. Там просто какая-то сопка оказалась непроходимая. Потом-то дорогу спрямили, не такой уж сложный участок оказался…

Вот и я обхожу сопки, которые тогда казались неприступными. Теперь я могу перескочить их одним махом. Иногда не выдерживаю, перемахиваю – и замираю испуганно, оглядываясь, не слишком ли далеко махнул.

16.08.98

Завтра кризис.

Пришлось по этому случаю отступить от правил и воспользоваться знанием будущего на полную катушку. Все личные сбережения превращены в валюту. Взят рублевый кредит, и тоже обращен в доллары. С родительскими накоплениями я проделал все те же операции, хотя с отцом пришлось повоевать, брать кредит он отказывался со всей решительностью советского человека. Пришлось оформлять на маму.

Вроде бы на мою колею эти телодвижения никак повлиять не могут, но на душе все равно копошится толпа скандальных кошек.

30.03.2000

Не знаю, возможно, сейчас я ломаю свой путь… Может быть, мне это будет стоить знакомства с Верочкой… Но я готов рискнуть.

Через полгода у отца обнаружат опухоль вокруг позвоночника. Сначала решат, что злокачественная, мы с мамой чуть не поседеем. Потом сделают операцию, возьмут пункцию… Опухоль окажется доброкачественной, но ее будут долго и упорно лечить. И через три года она все-таки переродится. А еще через пять месяцев…

Но я могу этого не допустить. Надо проверить его прямо сейчас. Ведь откуда-то она взялась? Стоит ее удалить на ранней стадии – и все!

15.04.2000

Я все-таки неисправимый оптимист. Затащить к врачу мужчину средних лет, который чувствует себя здоровым, – неразрешимая задача. Я просил, угрожал, врал, подключал к этому делу маму. Пришлось бросить все свои фирмы на заместителей, чтобы сконцентрироваться на этом деле. В конце концов удалось провернуть хитроумную операцию. Папа и сам не понял, как оказался на приеме у хорошего специалиста.

И этот Авиценна тупой ничего не нашел!

Я ему пальцем тыкал, указывая, где искать – а он только руками разводил. По лицу было видно, что только выплаченный вперед внушительный гонорар не позволяет послать идиота (то бишь меня) в места, известные по анатомическому атласу и надписям на заборах.

Папа сдал груду анализов, но у меня нехорошее предчувствие, что и в них все будет «в пределах нормы».

Черт бы их всех побрал с их пределами и нормами! Я же точно знаю, что болезнь уже зреет и вот-вот проклюнется!

Договорились, что приведу отца через месяц на повторное обследование. Папа, как только мы вышли из кабинета, заявил, что больше его ноги у врача не будет, а я совсем свихнулся на своем бизнесе, поехал бы лучше с ним на дачу.

К его изумлению, я поехал. И даже работал там, чего не случалось со мной… не помню сколько лет. Папа гордился перед соседями, а я все время искоса за ним наблюдал. Боялся пропустить признаки приближающейся болезни.

17.05.2000

Отец в грубой форме отказался обследоваться. У него дача. Мама, которая в прошлый раз меня поддерживала, на сей раз сохраняла неодобрительный нейтралитет. Даже заикнулась, что надо бы мне работать поменьше, да и жениться пора бы.

Я психанул, наорал на них. Отец наорал на меня. Мама ушла на кухню плакать.

Домой я поехал на метро – руки тряслись, как будто в них зажат отбойный молоток. Если сел бы за руль, печальный день 9 января 2008 года случился бы досрочно. А мне досрочно нельзя. Маринка-Маруська еще не родилась.

21.08.2000

Отвез папу к врачу силой. Обманом посадил на заднее

сиденье, а там защита от детей – дверцу только снаружи открыть можно. Довез, выслушав по дороге сначала поток матерщины, а потом гордое уничижительное молчание.

Из машины отец выйти отказался.

И тогда я разревелся, как когда-то в детстве.

Папа воспитывал из меня настоящего мужчину, который от дачи до автобуса должен ходить своими ножками. Я со всей искренностью четырехлетнего лентяя считал такую установкой глупостью и издевательством. Как только мы выходили за забор дачного участка, я останавливался, вцеплялся в сосну и начинал реветь. Успокаивался только на папиной шее. Он всегда ломался.

Сломался и теперь, хотя и презирал за это меня, себя и всю систему здравоохранения.

Наверное, потому, что спина у него уже начала болеть.

Опухоль нашли почти сразу.

Теперь остается только молиться, чтобы они сумели ее вовремя удалить.

18.10.2000

Ненавижу врачей!

Никакие деньги, никакие убеждения не действуют. Они упорно проверяют какие-то почки, хотя на снимке ясно видно уплотнение! На все мои истерики холодно отвечают, что я не медик, а они медики…

Я заметил, что стал напиваться почти каждую пятницу.

Это все от бессилия.

23.01.01

Операция назначена на завтра.

К стыду своему, не помню, когда она была в прошлой жизни. Зимой – это точно. Даты не помню. Помню ужас ожидания результатов.

Сейчас гораздо легче. Мама безусловно верит мне. Когда я заявил, что врачи ни хрена не понимают, что опухоль доброкачественная, мама в моих словах не сомневалась ни минуты. Но все равно нервничает. Пустырник пьет вместо минералки.

Я остался у нее ночевать.

24.01.01

Все, как в прошлый раз.

Опухоль доброкачественная, но придется за ней следить. Позвоночник пришлось укрепить титановой скобой. Папа ходить будет, хотя и с палочкой. Два раза в год – упреждающая химиотерапия.

Мама плакала и кивала, вцепившись мне в рукав.

Когда врач ушел, она повернулась ко мне и спросила: «Теперь все будет хорошо, да?»

Я не стал ей врать. Сказал, что почти три года все будет нормально, а потом… потом придется сильно напрячься. Но мы справимся. Должны справиться.

15.05.02

Говорят, что время к старости летит все быстрее. Я уже второй раз иду к старости, наверное, из-за этого мое внутреннее время вытекает из меня, как из прохудившегося шланга. Я то безучастно наблюдаю за этим водопадом, то судорожно пытаюсь заткнуть дыры какими-то событиями.

Папа болеет строго по сценарию, который я видел в прошлый раз. Тогда мы радовались, что после сложной операции он не сел в инвалидное кресло, что ходит, что борется с болью. Теперь я не уверен, что это хорошо. Ведь все идет к той злосчастной осени, когда…

Впрочем, именно той злосчастной осенью и будет совершена ошибка, которая убьет моего отца. Вернее, не так – может быть совершена ошибка, но я ее не допущу! Я отлично ее помню, я буду начеку, постелю соломку.

10.10.03

Завтра все решится. Отца нужно вести на очередную химиотерапию. Он будет злиться и спорить. Его уже тошнит от этих химикатов, а самочувствие и так нормальное, состояние стабильное… В прошлый раз мы с мамой поддались, не повезли его в больницу. Теперь, если надо, я поволоку его силой. Мама, которая во всем слушается меня, когда речь идет о папином здоровье, поддержит.

12.10.03

Полжизни…

Такое чувство, что не человека уговаривал, а вагоны разгружал. Спать хочу – сил нет. Но зато лягу спать с чувством хорошо выполненного долга.

8.11.03

Впервые мы забирали отца из больницы в таком состоянии. Он даже не пытается ходить. Врачи флегматично изрекают: «Интоксикация, что ж вы хотели». У папы нет сил даже злиться на меня. Мама просительно заглядывает мне в глаза: «Но ведь мы правильно все сделали, да, Дима?»

Черт! Я НЕ ЗНАЮ, ПРАВИЛЬНО ЛИ МЫ СДЕЛАЛИ!!!

Но очень надеюсь, что правильно.

31.12.03

Переселился к родителям. Маме тяжело ухаживать за отцом, у которого отказывают почки, кишечник, и, кажется, скоро наступит очередь печени. Я взял бессрочный отпуск и ухаживаю за папой изо всех сил. Все как в прошлый раз. Только на полгода раньше. И дело не в раке, а в лечении от него.

А я ведь хотел, как лучше.

Мама перестала просительно заглядывать мне в глаза и задавать глупые вопросы.

13.04.04

Папа умер.

21.05.04

Я ничего не смог.

Не знаю, кто и зачем дал мне второй шанс, но я им не пользуюсь. Тошка не родился. Папа умер раньше и в бо́льших мучениях, чем в прошлый раз.

Мама почти не говорит со мной. Смотрит куда-то в сторону, отвечает односложно. Гораздо больше времени проводит с тетей Машей, которую не видела уже лет десять. Тетя Маша приехала из какой-то тьмутаракани и поселилась в маминой квартире.

Икон навезла. Я смотрю и молчу. У меня больше нет решающего голоса. Даже совещательного.

Пробовал напиваться, но спирт перегорает еще в пищеводе, до мозга ничего не доходит. Сижу трезвый и злой, только башка по утрам трещит.

До знакомства с Верочкой еще полгода, но я не уверен уже, что решусь на это знакомство.

Все равно все испорчу.

8.06.04

Отмечал Тошкин день рождения. Совсем не пил.

Ничего не хочу. Все дела фирм ведут замы. Наверняка дурят мне голову и воруют. Но мне наплевать.

Какая разница? Пусть все идет как идет.

5.09.04

Сегодня проснулся с чувством остервенения. Какого дьявола! Да, я проиграл – уже два раза – но это не повод распускаться! Валяюсь дома, жру и смотрю ящик целыми днями! Женщины полгода не было! Маму ни разу не навестил!

Разозлился на себя так, что собирался повторить сюжет «Бойцовского клуба» и набить себе рожу без посторонней помощи. Может, и набил бы, но хватило ума направить злость в конструктивное русло.

Первым делом промчался с инспекцией по своим ООО. В первом зам изобразил такую бурную радость, что стало понятно – рыло у него даже не в пушку, а в… Не знаю, как называется, когда пуха много. В пуховике!

В остальных фирмах замы были предупреждены, поэтому вели себя более сдержанно, но глазки бегали у всех. Я пригрозил, что с завтрашнего дня устрою комплексную проверку, и отправился к маме. Без предварительного звонка.

Мы уже месяца три не общались, так какой, к дьяволу, предварительный звонок? Застал ее в компании жидкобородого попенка и в окружении тысячи икон. Он, бедолага, пытался вступить со мной в мировоззренческий спор! Невовремя пытался, я его размазал по стене интеллекта булыжниками логики. Мама, которая в начале разговора сидела безучастно, к концу забеспокоилась и все переводила взгляд с меня на… этого… черт, не помню, как его там звали.

В общем, одержал сокрушительную победу. Хорошо еще, что хватило ума не дожимать маму. Оставил ее немного подумать над жизнью. Думаю, ей тоже пора на себя разозлиться.

19.09.04

Замы, как и следовало ожидать, проворовались. Двое ударились в бега, третий понес повинную голову мне. Я так удивился, что оставил его на должности – с условием, что нанесенный ущерб будет покрыт из его зарплаты. Он искренне меня поблагодарил… и вот уже неделю не могу до него дозвониться.

И черт с ними со всеми. Остальные притихли и стараются выглядеть образцами исполнительности. Никогда мои ООО так четко не работали!

А вот с мамой все не так просто. Я еще раз приезжал к ней, и на сей раз меня встретил не давешний жидкобородый попик, а некто отец Виталий. Молодой, совсем еще пацан. Я и на него сначала набросился, обрушивая доводы разума на хрупкую основу религиозного мистицизма, но он и не думал спорить, стоял и слушал. Это очень утомительно – спорить со скульптурой, пусть даже и слушающей.

Когда я выдохся, он вдруг спросил: «А почему вы к матери не приезжаете?». Я тут же взвился: «А почему вы у меня это спрашиваете? Ведь все в руце божией! Вот у него и интересуйтесь!». Он кивнул совершенно безмятежно: «Все в его руке, это так. Но у вас есть свобода воли. Это господь вам ее даровал…» – «Так вы определитесь, кто все решает – бог или человек!» – «Бог говорит нам, что делать. А уж делать или нет, это мы сами решаем. Господь слишком уважает нас, чтобы решать все за нас».

Я потом еще что-то пыжился, но с тем же неуспехом.

А мама весь разговор не сводила с него глаз. Мы договорились, что в следующий раз я приеду к нему в храм, и мы продолжим беседу. Честно говоря, не понимаю, как я на это повелся? С моим-то воинствующим атеизмом в крови?

P. S. Не могу уснуть. Что-то есть в этом отце Виталии. Да и насчет воинствующего атеизма… Моя собственная судьба в его рамки не очень-то укладывается.

21.09.04

Я-то думал, что о. Виталий в храм зовет, чтобы поразить меня пышностью и величием. А оказалось, что эта церковь еще строится. Так мы и беседовали – между стремянками.

По-моему, он просто талантливый психолог. Расковырял все мои болячки, показал все мои страхи. Я ему чуть было не поверил (не в религиозном смысле, конечно – в человеческом!), но в конце он меня ошарашил: «Ваша мама хочет принять послушание». Я даже не сразу понял, что речь идет о монастыре. Когда понял, опять взъярился.

Отец Виталий посоветовал мне поговорить с мамой. Я предупредил, что буду говорить с глазу на глаз.

И тут же отправился к маме. Выгнал ошивающуюся тут же тетю Машу… и долго не понимал, с чего начать.

Мама тоже, кажется, не знала, как подступиться. А потом мы вдруг заговорили о другом. Мама просила у меня прощения – она ведь меня винила в папиной смерти. Не хотела винить, а изнутри что-то черное ее грызло: «Это сын твой убил!». Я плакал и все пытался объяснить, что я в самом деле виноват, но не в смерти, а в том, что эту смерть приблизил. И тоже просил прощения.

Не помню уже, когда я так много плакал.

Мама попросила отпустить ее в монастырь. Я не стал спорить. Только попросил разрешения навещать ее иногда.

22.10.04

Завтра я встречусь с Верочкой.

Все валится из рук, даже про маму почти не вспоминаю.

Завтра я уйду из офиса пораньше, в половине пятого. По необъяснимому капризу пойду на остановку, чтобы доехать домой на троллейбусе вместе с народом. Троллейбуса долго не будет. От скуки я начну рассматривать людей на остановке.

И встречусь с ней взглядом. Точнее так: наши взгляды столкнутся, как бильярдные шары. Это будет так неожиданно, что мы рассмеемся. А потом станет накрапывать дождь, и я подойду к ней и предложу подвезти ее на такси. Она удивится, но согласится.

Мы доедем до самого дома, беспрерывно болтая о всякой ерунде. А когда она будет высаживаться, я неожиданно для себя выйду из машины, расплатившись с таксистом какой-то купюрой (кажется, пятьсот рублей, потому что водила не станет окликать меня). И провожу ее до подъезда. Она даже удивляться не станет, только рассмеется. А когда я потребую телефончик, она без колебаний продиктует его – и снова будет хохотать, когда

выяснится, что я не знаю ее имени и не понимаю, что записать в телефонную книгу.

После чего мы разойдемся, улыбаясь, легкие, словно наглотавшиеся гелия.

Все будет именно так.

Завтра я пройдусь по своей тропе след в след.

23.10.04

Троллейбус пришел почти сразу!!!

Какого черта он вдруг решил не опаздывать, я не знаю, но он прошел явно раньше, чем в прошлый раз, дождем еще и не пахло!

Видимо, я что-то такое сместил в прошлом, наступил на какую-то бабочку – и троллейбус, который должен был сломаться на маршруте, не сломался…

Это был самый страшный миг в моей жизни. Потом, на остывшую голову, я понял, что паниковать не стоило. Я помнил Верочкин адрес, знал, где она работает. Я мог устроить сотню случайных встреч. Но в тот момент ни о чем таком я не подумал – бросился к Верочке, схватил ее за руки и почти закричал: «Не садитесь в троллейбус!». Она уставилась на меня в полном обалдении, двое подвыпивших пролетариев двинулись защищать симпатичную девчонку от маньяка, но маньяк (то есть я) рявкнул на них: «Не мешайте! Это моя будущая жена!». Получилось очень убедительно, пролетарии остановились в нерешительности.

А я продолжил, обращаясь теперь только к Верочке. Умолял не садиться в троллейбус, просил выслушать, рассказывал ей обо всех ее привычках и привязанностях, приводил такие детали ее характера, которые никто мне рассказать не мог…

И постепенно Верочка успокоилась. Думаю, подействовали не мои доводы, а мой страстный, отчаянный и одновременно убежденный тон. Она только попросила: «Отпустите, пожалуйста, мои руки. Троллейбус уже ушел». Я понял, что сделал ей больно и, совершенно потеряв крышу, принялся целовать ее запястья, на которых краснели следы от моих пальцев…

Когда мы расставались, я предупредил, что позвоню, что теперь она от меня никуда не спрячется. «У вас и телефон мой есть?» – рассмеялась Верочка. Я продиктовал номер. Она только покачала головой.

Уже дома я почувствовал, что становлюсь легче воздуха.

Значит, все получилось.

Я не удержался и послал эсэмэску «Ага?». Это из наших будущих совместных секретов, из песенки «А ты меня любишь –

Ага!».

Верочка ответила правильно: «Ага!». И смайлик.

11.11.04

Наши отношения с Верочкой развиваются и так, и не так, как в прошлый раз. События все другие – в первой жизни я долго сомневался, топтался вокруг да около. Теперь иду короткой дорогой. Но внутри крепнет необъяснимая уверенность, что все правильно. Все идет туда, куда и должно идти. Однако страх потерять колею так сильно въелся в меня за последние годы, что время от времени начинаю паниковать.

Может, найти толкового психолога?

13.11.04

Сходил к маме в гости. Она светлая и по-хорошему задумчивая. Выглядит гораздо лучше. Говорит, что от молитв и от работы на свежем воздухе. Спрашивает, как у меня дела. Осторожно рассказал ей про Верочку. В прошлый раз она мое «случайное знакомство» восприняла в штыки, а теперь только головой покивала: «Главное, чтобы она тебя любила. А там – как Бог даст».

Этот визит навел меня на мысль заехать к о. Виталию. Чем не психотерапевт?

Я тут же отправился к нему в гости. О. Виталий как раз работал на стройке, собирал строительный мусор и на тачке отвозил на свалку. «Епитимья?» – блеснул я своими познаниями церковного быта, но батюшка меня разочаровал. «Да нет, – сказал он, – просто так думается лучше. Делаю что-то полезное, тело радуется, дух с Богом беседует»…

Как-то так само получилось, что я взялся ему помогать. Мы бросали в тачку осколки кирпичей, куски застывшего бетона, обрезки арматуры и болтали. Именно болтали – не беседовали. Я сначала использовал опосредованный рассказ об «одном своем знакомом», но постепенно перешел к повествованию от первого лица. О. Виталий слушал внимательно, и я решился рассказать все как есть. В том числе и о перемещении во времени. Говорить старался иронично, чтобы потом можно было быстро перевести все в шутку.

«Ну что, батюшка, – усмехнулся я, добравшись до конца истории, – какова история? Бред, правда?»

«Отчего же бред?» – задумчиво ответил тот и взялся за ручки тачки, была его очередь катить.

«То есть вас не шокируют перемещения во времени?» – я шел рядом, недоверчиво на него поглядывая.

«Я верю в воскрешение Божьего Сына, – пожал он плечами, – и во многие другие чудеса. Неужели вы меня удивите перемещениями во времени? Мудрость и сила Господни бесконечны… Но вы можете и лгать. Можете оказаться безумны».

Я хмыкнул, помогая переворачивать тележку.

«Спасибо, батюшка… Значит, псих?»

Тут он глянул мне в глаза так, как никогда не смотрел раньше. Так опытный хирург одним движением скальпеля вскрывает нарыв.

«Нет, Дмитрий Алексеевич, – сказал он совершенно серьезно. – На безумного вы не похожи. И не врете, уж ложь-то меня Господь научил в людях видеть. Значит, придется признать, что вы говорите правду».

И тут меня прорвало. Я вывалил на о. Виталия все свои сомнения. Безо всякой системы, горячо и нетерпеливо, меня словно рвало словами. Почему я пытаюсь совершить что-то хорошее, а не получается? Почему я убил собственного ребенка? Может, лучше вообще ничего не делать, плыть по течению? Как мне вести себя с Верочкой? Смогу ли я удержать ее, или получится, как с Тошкой и папой?..

Когда я иссяк, о. Виталий сказал с необычайной проникновенностью… нет, скорее, с нежностью: «Вы хороший человек. Вы хотели как лучше, но только Господь наш знает эту меру, только он может сказать, что лучше, что хуже…»

Это было совсем не то, что я хотел услышать. Я-то ждал готового рецепта. «Не умею я с богом договариваться», – сказал я и принялся отряхиваться.

«А вы попробуйте. Бог – Он повсюду, значит, и внутри вас. Послушайте себя. Поймите себя. Идите за своим сердцем. Это и будет совет Господа».

Пока я обмозговывал эту сентенцию, он загрузил меня еще больше: «А если, Дмитрий Алексеевич, Господь действительно сотворил с вами чудо, то ведь это не спроста. Может быть, это не только для того, чтобы вы решали ваши личные проблемы? Может быть, стоит применить ваше… м-м-м… знание будущего кому-нибудь на пользу?»

Я ехал домой и перекатывал его слова в голове так и сяк. Все-таки что-то есть в этом попе. Именно на таких попах и держится любая религия. По-моему, такие отцы виталии – и есть религия.

Наверное, и Иисус был таким же.

14.11.04

Эк меня пробило вчера!

Отец Виталий мозги прочистил качественно. Теперь я совсем не думаю ни о какой колее, просто живу. И с Верочкой отношения развиваются своим путем.

Возможно, из чувства благодарности о. Виталию я решил помочь кому-нибудь, используя свое «знание будущего».

Осталось придумать, кому помочь.

Сегодня вечером – интимное свидание с Верочкой! Волнуюсь, как будто в первый раз!

15.11.04

Свидание прошло отлично, хотя и не так, как ожидалось. Мы сразу набросились друг на друга, как голодные на гуманитарную помощь, и… В общем, мне все понравилось.

Нет, не буду кокетничать – я в полном восторге. Верочка, кажется, тоже. «Странно, – сказала она, – такое чувство, что ты знаешь каждый миллиметр моего тела».

Еще бы мне не знать!

Находясь в послеинтимной эйфории, вспомнил о вчерашней идее помочь кому-нибудь. С большим трудом нашел кандидата на мою помощь. Был когда-то… Вернее, есть где-то один удивительный слепой художник, который создаст так называемое «тактильное искусство». Он, кажется, выйдет из бомжей и через полгода, 13 августа (дата в память врезалась!), умрет смертью странной и таинственной. Все газеты обеих столиц будут мусолить это дело, намекать на вину его спонсора.

Зовут его Александр Петрович Добрышев, более известный как Петрович.

Потому что если и спасать кого-нибудь – так это именно Петровича. И самое надежное – самому стать его спонсором.

14.12.04

Менеджер Петровича Миша наконец отвел меня к своему великому слепому. Выпил душу, вытащил нервы по одному, выдурил денег, заставил подписать бумагу, что только он является официальным представителем Петровича – но отвел.

Художник оказался совсем не таким, каким я его представлял по газетным публикациям (впрочем, публикации – дело

будущего). Никакого нимба вокруг головы, никакой особой харизмы, очень обычный мужичонка, грубоватый, но работящий. Неподвижные глаза на подвижном, словно текучем, лице. Плавность и отточенность движений. И еще… не знаю почему, но кажется мне, что он все время себя играет. Гениальный актер, вжившийся в роль. С чего я это взял? Сложно сказать. Наверное, из-за улыбки. Жуткое зрелище, но какое-то… отрепетированное? Выверенное?

Ладно, посмотрим.

Купил несколько его штуковин, попробовал – очень странное чувство. На кончиках пальцев возникает то ли жжение, то ли щекотание. Потом начинают гореть ладони, руки, а затем и вся поверхность тела. И мир меняется. Видишь звуки, слышишь тепло. По отзывам специалистов, так бывает, когда налижешься ЛСД.

Отнес Верочке. Она у меня как раз химик по образованию и месту работы. Она ничего не нащупала – во всех смыслах. У нее никаких необычных тактильных ощущений, на штуковинах никаких наркотических веществ.

Сводил Верочку в гости к маме. Мама приняла ее прохладно. Ничего, дело привычное. В прошлый раз они тоже долго друг к другу принюхивались.

1.01.05

Встречал Новый год с мамой, без Верочки. Мама все-таки решила остаться «в миру», хотя и будет помогать местному священнику.

(Кстати, вчера звонил о. Виталию, поздравил его с обрезанием Христовым. Тот посмеялся, но уточнил, что я почти на две недели опережаю события.)

Несмотря на кротость и просветление, мама сразу напряглась, когда я намекнул, что хочу позвать к столу и Верочку. «Конечно, – сказала мама, потупившись, – я могу и с подругами посидеть. Хотя праздник-то семейный…» Решил не педалировать конфронтацию, уверил маму, что моя семья – это только она. Мама сразу расцвела и наготовила провизии на полк.

Иногда у меня мелькают подозрения, что в монастырь она не пошла исключительно из-за появления в моей жизни Верочки.

Вере я все объяснил, утешил. Она расстроена, конечно, но спорить не стала.

А ведь пройдет всего два года, и она раскомандуется круче маршала Жукова! Что с женщиной замужество делает…

Кстати, поеду прямо сейчас к ней и сделаю предложение. По-моему, отличный новогодний подарок.

9.03.05

Вчера сделал Верочке презент – целый день был в полном ее распоряжении. Я и так стараюсь побольше времени с ней проводить, но «побольше времени» качественно отличается от «все время». И в офис заглядывать надо, и Петрович требует присмотра. Он замечательный мужик, с большим запасом всяких баек, с мудростью необыкновенной. Чтобы накопить такую мудрость, не один век нужен.

Кстати, сводил Верочку на Петровича поглядеть, она давно просила. Но визит получился очень коротким. Мы подъехали к дому Миши, увидели Петровича, который сидел во дворе, грелся – и Вера вдруг напряглась. Отказалась выходить из машины, минут десять подозрительно всматривалась в лицо Петровича. Он, не замечая нас, полностью расслабился, развалился в вынесенном во двор кресле. Слепота Петровича в этот момент совершенно не бросалась в глаза, казалось, он просто задумчиво смотрит в пустоту перед собой. Может, и правда смотрел – в руках у Петровича я заметил его любимую поделку «Пианино». С помощью этой штуки он умеет вызывать зрительные галлюцинации, я – слуховые. Миша однажды тоже попробовал «Пианино» тайком от хозяина, но его немедленно стошнило.

Верочка наблюдала за ленивым Петровичем с каким-то болезненным любопытством. Это была завораживающая пара: безмятежный художник и предельно напряженная женщина. «Боже, – сказала она наконец, – какой он старый. Поедем отсюда, хорошо?»

Так они и не познакомились. Весь вечер пришлось Верочку развлекать, ночью даже съездили в ночной клуб, но, по-моему, она так и не отошла от впечатления, которое получила от Петровича.

Странно, мне он таким уж старым не кажется – если не считать его нечеловеческую мудрость. Но как Верочка ее почуяла? Они ведь даже словом не перемолвились?

Женщины…

2.04.05

Все! Теперь мы законные супруги! Верочка до последнего делала вид, что свадьба ей не нужна, что ей и так со мной хорошо, но стоило ей надеть подвенечное платье…

Такое ощущение, что свадебный наряд – главная, если не единственная, причина для современной женщины сочетаться браком. В этом наряде любая, даже самая некрасивая, девушка превращается в Золушку, которую наконец разыскал принц. Верочка и так весьма привлекательная особа, но в платье… Нет слов, одни фотографии. Хотя и фото, и видео не в состоянии передать ту пыльцу волшебной феи, в облаке которой находится невеста. Смотреть на это без слез невозможно. Верочкины родители плакали. Моя мама непрерывно промокала глаза. Гости произносили тосты с подозрительной дрожью в голосе.

Одному мне было неприлично весело, я постоянно сдерживался, чтобы не огласить праздник веселым ржанием.

Я чувствовал, что абсолютно точно попал в колею! Идеально! Хотя в прошлой жизни и свадьба случилась на год позже, и мама моя ее бойкотировала, и вообще все было по-другому – но я чувствовал нижним нюхом, что все происходит именно так, как должно.

Петровича на свадьбу звать не стал. Он мне не друг, да и занят он сейчас по уши – готовит экспозицию к первой выставке. А самое главное – невеста вряд ли обрадовалась бы, увидев его за столом.

10.05.05

Выставка в галерее Звягинцевой прошла на ура. Кто-то из посетителей реально получил неземные ощущения, кто-то приехал с целью засветиться перед прессой, забрело пару идиотов. Нашлись и такие, кто ни черта не понял и не почувствовал, но вслух сказать побоялся. Десяток скандалистов, правда, с порога обвинили Петровича в шарлатанстве, но они к его «теркам» даже не прикоснулись. Кто-то напился, кто-то заявился с чужой женой, литератор Маратов потряс за грудки критика Гурченко… В общем, журналистам было о чем писать.

Петрович прислушивался ко всей этой суете с хладнокровием Наполеона на поле Аустерлица. Похоже, на деньги ему наплевать, хотя цены он заламывает дикие. В тщеславии тоже вроде как не замечен – но профессиональных искусствоведов (для разнообразия я пригласил и их) Петрович выслушивает с неподдельным интересом. Но что они могут ему сказать? Они в тактильном искусстве понимают ровно столько же, сколько и я.

Разве что терминология более наукообразная.

Многие интересовались, когда следующая выставка. Я отвечал уклончиво: «В начале осени». И думал про себя: «Главное – пережить 13 августа».

Пока Петрович готовил экспозицию, я не слишком его опекал. Только в тех случаях, когда мне казалось, что Петрович слишком часто дышит, вызывал «скорую». Дважды они приезжали вхолостую, и мне приходилось платить штраф, но один раз помощь «скорой» все же пригодилась.

Однако теперь пора вводить жесткий контроль за здоровьем моего великого слепого. Сразу же после презентации я ввел сухой закон и непрерывное дежурство медперсонала в доме Миши. Вырученные от «терок» деньги позволяли нанять полноценный госпиталь МЧС, но я ограничился бригадой кардиологов. В прошлой жизни у Петровича отказало именно сердце.

Петрович почему-то недоволен. При всей своей мудрости он удивительно легкомысленно относится к собственному телу. Как будто у него куча жизней в запасе.

7.06.05

Состояние Петровича стабильное. Это самое тревожное. Если бы начал барахлить какой-нибудь клапан, это заметили бы мои эскулапы. Но с его сердцем все более-менее нормально. «Насколько оно вообще может быть нормальным», – каждый раз уточняет бригадир эскулапов, доктор медицинских наук, между прочим.

Я нервничаю и дергаюсь. Верочка тоже какая-то сама не своя ходит.

А еще я совершенно потерял чувство колеи! Я уже не понимаю, куда меня несет!

10.06.05

Не выдержал и заехал к о. Виталию. Говорил с ним долго и невнятно. То есть говорил, как обычно, только я. О. Виталий умеет изумительно слушать. Как будто подорожник к ране прикладываешь: ничего вроде не ощущаешь, но боль незаметно уходит, кровь останавливается.

Когда я завершил свой сумбурный рассказ риторическим «Что делать?», он ответил мне вроде бы тоже риторически: «Делай что должно и будь что будет». Но сказано было так душевно, что я

воспринял сей афоризм не как отмазку, а в качестве руководства к действию. Действительно, что я дергаюсь? Не дергаться нужно, а делать что должно.

Например, с Верочкой стоит поговорить по душам. Задать все неприятные вопросы и получить все неприятные ответы. Иначе ведь гнить начнет…

P. S. Поговорил! У нас будет ребенок! У нас будет Маринка-Маруська! Ура!!!

13.07.05

Остался ровно месяц до времени «Ч». До того момента, когда я узнаю, можно ли менять судьбу не только в худшую сторону. Перед Верочкой приходится изображать бодрость и оптимизм, а стоит остаться в одиночестве – и начинают трястись руки.

Все ли я делаю правильно? Может быть, я снова все порчу?

Опять ездил к о. Виталию, и опять он меня успокоил. При этом ни слова о необходимости выполнить какой-нибудь церковный обряд. Даже креститься меня не подбивает! О боге говорит, но ненавязчиво и всегда к месту. Например, советует не брать на себя ответственность за весь мир, это под силу только богу.

Уходя, я не удержался и спросил: «Отец Виталий! Зачем вы со мной возитесь? Я ведь не приближаюсь к религии ни на шаг!». Он ответил: «Во-первых, это вам так кажется. На самом деле вы к Господу гораздо ближе, чем раньше. Во-вторых, я просто хочу вам помочь. В-третьих…»

Тут он осекся, как будто раздумывая – говорить ли мне правду. Решился и закончил: «В-третьих, по-моему, некрещеный праведник Господу ближе, чем крещенный лицемер». И добавил, улыбнувшись: «Только вы никому об этом не говорите, иначе меня лишат сана за ересь».

16.07.05

Вчера я все-таки сорвался.

Наглотался виски (почему вдруг виски? Я его терпеть не могу!) и впал в меланхолию. Инстинкт сохранения рода подсказал, что к Верочке в таком состоянии идти не стоит, поэтому я направил свои нетвердые стопы к Петровичу. По дороге добавлял, так что саму встречу помню смутно.

Только свои слова – про вторую жизнь, про отца с Тошкой,

которых я не уберег…

Что-то он такое мне сказал, что меня удивило, но в памяти не задержалось.

Проснулся на гостевом диванчике в Мишином доме. С Петровичем решил не встречаться, заглянул только к врачам. Главный уверил меня, что с пациентом все в порядке, а затем предложил аспирина. Пришлось принять и поспать еще полдня. Хорошо, что Миша догадался отзвониться Верочке, предупредил ее.

Может, у меня все-таки паранойя? И не случится ничего с Петровичем 13 августа?

13.08.05

Это была не паранойя. Он умер. Несмотря на все меры безопасности. Несмотря на героические усилия кардиологов.

Черт!

15.08.05

Сегодня окончательно рассчитался с эскулапами. Бригадир взял только половину денег, от остальных категорически отказался. Я не смог его убедить, потому что сил не было. А ведь они сделали все, что смогли. И я – все, что смог. В день смерти Петровича даже поговорил с ним максимально откровенно. К моему удивлению, он воспринял мой рассказ о второй жизни без насмешек и верчения пальцем у виска. Значит, месяц назад я действительно все на него вывалил. И он то ли поверил, то ли решил не заморачиваться на бреде своего мецената.

Пообещал мне, что будет во всем слушаться. И ведь слушался! Не упирался, не выкидывал коленца.

И все равно умер… Кстати, с сердцем все было в порядке, отказал мозг. Причем совершенно невероятным образом – никакого инсульта, отключился и все.

В последний момент произошло что-то странное. Видимо, чтобы утешить меня, Петрович принялся намекать, что не умрет, а куда-то реинкарнируется. Даже успел договориться о том, что пришлет мне по е-мейлу кодовое слово. С перепугу я продиктовал не вполне приличную фразу про обезьян, которые использовали банан не по назначению.

До сих пор стыдно, что мои последние слова, обращенные к Петровичу, получились такими.

Еще более стыдно, что я бросился к компьютеру проверять почту сразу же, как только врачи констатировали смерть…

20.09.05

Отмечал сорок дней по Петровичу.

За столом сидели я, Миша и о. Виталий (Верочка не рвалась, да ей в ее положении и не стоит посещать траурные мероприятия). Вспоминали только хорошее. Миша выпил больше обычного и много рассказывал о том, как он нашел Петровича в больнице, как тот продемонстрировал ему свою первую тактильную картину – якобы прямо на больничном покрывале.

Выпили еще, и я завел философскую беседу на тему, которая не дает мне покоя: зачем это все? Почему судьба нас сводит и разводит? Почему оказались рядом такие странные люди, как я и Петрович? (Тут, правда, о. Виталий меня мягко поправил – на Петровича я вышел вполне целенаправленно.)

Чувствуется во всем этом некий замысел… или промысел? Короче, план. Не случайно мы сошлись, нутром чую.

Миша понес какой-то бред, мол, великих людей во все времена тянет друг к другу, но это чистой воды подхалимаж, как это часто бывает у Миши. О. Виталий ответил вдумчиво: «Чуете? Значит, и правда, есть план. Познать нам его не дано…» И рассказал чудесный анекдот.

Умирает не слишком праведный человек и попадает прямиком в рай. Он удивленно спрашивает у Бога: «Как же так? Я ничего такого в своей жизни не совершил, часто грешил, а меня сразу в рай?» – «Грешат все, – ответил Бог, – но ты, в отличие от многих, выполнил свое предназначение». – «Какое?» – «Помнишь, ты ехал в поезде из Парижа в Берлин?» – «Да». – «Помнишь, в вагоне-ресторане женщина попросила тебя передать соль, и ты передал?» – «Ну?» – «Вот».

Мы негромко посмеялись, и я вспомнил, что та же идея использована в «Сиренах Титана». Живет себе очень удачливый человек, которого «любит кто-то там, наверху», потом его мотает по космосу… Словом, в конце выясняется, что вся его сложносочиненная судьба нужна только для того, чтобы доставить запчасть для летающей тарелки на Титан.

Уже потом, когда ехал на такси домой, подумал: «А шутка ли это? Вдруг я получил второй шанс, чтобы передать кому-нибудь какую-нибудь запчасть?»

Кстати, роль «запчасти» вполне может сыграть «Пианино». Петрович так любил эту штуковину, что я не смог ее никому

продать. Оставил себе на память.

Каждый день проверяю почтовый ящик. Письма про обезьян с бананами, естественно, нет.

18.10.05

Он написал!

Не знаю, какое чудо произошло, но Петрович жив! Сегодня с какого-то бесплатного сервера пришло сообщение «Сорок голых обезьян…» и так далее!

Значит, хоть что-то я смог! Значит, и Верочку с Марусей спасти смогу!

Только теперь я понял, почему мне так важно было спасти Петровича. Он дорог не только сам по себе, но и как доказательство моей власти над колеей!

Хожу и сияю, как елка! Верочка не может на меня нарадоваться. Причины ей не говорю, просто повторяю: «Теперь все будет хорошо!»

Написал Петровичу радостный ответ, зову в гости. Интересно, какой он теперь?

30.12.05

То письмо от Петровича так и осталось единственным. Иногда я начинаю паниковать: вдруг это чей-то розыгрыш? С большим трудом удается себя успокоить.

Мама согласилась встретить Новый год с нами. Надеюсь, рождение Маруськи окончательно примирит ее с Верочкой.

1.3.06

Маринка родилась точь-в-точь такая же, как в прошлой жизни!

Впрочем, возможно, я сам себя обманываю. Все младенцы одинаковые… Неважно! Все равно она родилась, и теперь уж я не допущу никаких сбоев на нашей колее.

31.12.07

Сегодня сел и перечитал весь дневник. Оказалось, если

читать все подряд, получается довольно занудно. Надо будет сократить. Вдруг это все, что от меня останется?

Петрович пропал насовсем. Иногда я беру в руки его «Пианино», протираю тряпочкой, но никогда не «играю» на нем. Где-то внутри теплится надежда, что когда-нибудь я смогу передать эту «терку» ее создателю.

Эй, Петрович! С Новым годом тебя! С новым телом!

7.01.08

Я как раз занимался сокращением дневника, когда пришло письмо от Петровича.

Сначала я долго не мог въехать, кто и что от меня хочет, а когда въехал…

Странно, я даже вроде и не рад… Наверное, слишком долго убеждал себя, что он пропал навсегда. Оказывается, не навсегда.

Петрович (которого теперь зовут Алексей Мухин) просит доставить ему «Пианино».

Все-таки не зря я его хранил! Два с половиной года берег, и вот сегодня, за день до главного события моей жизни, оно ему понадобилось!

Нет, это не совпадение. Это промысел и есть. Не знаю, божий ли, но точно промысел.

Опомнился и ответил Петровичу, пригласил его в гости. Он прилетит сегодня.

Не понимаю, волнуюсь я или нет.

8.01.08

Петрович (сильно помолодевший!) улетел, прижимая к груди свое «Пианино». Я так и не понял, для чего оно ему – сам он его теперь не чувствует.

Но есть в этом что-то очень правильное: я раздаю долги перед завтрашним днем. Подписал бумаги о продаже всех своих компаний, выбросил все ненужное из дому и с компьютера, даже за квартиру заплатил, хотя обычно тяну до последнего. Позвонил о. Виталию и поблагодарил за все. Неожиданно для себя попросил благословить. Он не стал отшучиваться, серьезно пожелал Божией милости – даже не спросил, для чего мне благословение. Замечательный он все-таки мужик!

Задача на завтра – самая что ни на есть простая: никуда не выходить из дому.

Я накупил всевозможных продуктов и предметов первой, второй и прочих необходиостей. Дошел до того, что спрятал Верины ключи (у нас замок изнутри ключом отпирается). Наверное, это смешно.

С удовольствием посмеюсь над собой послезавтра.

10.01.08, 0 ч 00 мин

Все.

Это оказалось очень просто.

Неправдоподобно просто.

Мы тупо отсидели день дома.

Судьба даже не пыталась вытолкнуть нас наружу. Никто не звал в гости, никто не назначал деловых встреч.

Верочка пару раз порывалась погулять с ребенком, но я лег перед порогом, аки пес, и не выпустил. На все вопросы пообещал ответить сегодня. Сейчас они уже спят, так что разборки придется оставить до утра.

Хотя чего тут разбираться? Дам почитать дневник – хоть какая-то от него польза.

Что я чувствую? Да ничего особенного. Никакого такого освобождения от судьбы, никакой безумной радости. Наверное, слишком устал ждать сегодняшнего дня.

А с другой стороны, какое, к лешему, «освобождение от судьбы»? Колея-то осталась, никуда не делась. Я по-прежнему ее чувствую, по-прежнему знаю, куда идти правильно, а куда – не очень. Раньше помогала память, теперь выработалось чутье. Как будто раскрутился внутри меня мощный гирокомпас, указывающий верный курс.

И, честное слово, это мне нравится.

ЧЕЛОВЕК ЧЕТВЕРТЫЙ. МАШЕНЬКА

(Человек, который не умер)

Не знаю, как бы меня звали, если бы я родилась. Мне нравится имя Машенька. Мама так меня называла, пока я была в ней. Хотя то время я плохо помню. Помню, было тепло, спокойно, уютно. И безопасно. И ни о чем не надо думать.

Почему мама не захотела, чтобы я родилась? Может, у нее уже есть дети, и она не хотела еще одного? Или она вообще меня не хотела? Или я сильно болела и все равно умерла бы?

Этого я не знаю. Другие рассказывают свои истории, но я пока только слушаю.

Других тут очень много. Мы все должны были родиться, но что-то пошло не так. Мы не родились. Но и не умерли – ведь умереть может только тот, кто родился. Мы где-то. Где? Этого не знают даже самые старые из нас. Никто не знает, сколько нас тут, потому что все время появляются новенькие. И никто не исчезает.

Мы часто говорим об этом – о том, что хорошо бы исчезнуть, перестать быть. То есть я пока не часто говорю, я только слушаю, потому что я попала сюда недавно. Мне тоже не нравится это место. Тут не побегаешь, потому что негде и нечем. Не поиграешь, потому что нет ни игрушек, ни рук. Даже разговариваем мы не языками, а как-то по-другому – мне объясняли, но я так и не поняла.

Я пока мало что понимаю, хотя мне все время что-то объясняют: как люди бегают, играют, разговаривают языками. У старших есть единственная игра – все объяснять младшим. Хотя есть и такие старшие, которые ничего не делают. Совсем ничего. Моя старшая подружка – Натали – говорит: «Они так устали от всего этого, что уже ничего не хотят». Другие рассказывают какую-то ерунду. Это сумасшедшие. Есть еще какие-то «мечтатели». Они собираются в группы и что-то все время придумывают. Натали меня к мечтателям не пускает, чтобы я «зря не обнадеживалась».

Я мечтателям немного завидую, потому что они заняты делом. По крайней мере, они всегда куда-то спешат, часто друг с другом спорят, и иногда очень сердито. Когда Натали меня научит всему, я обязательно попрошу мечтателей, чтобы они меня обнадежили. Пусть даже это будет зря.

* * *

Сегодня я задумалась – а откуда Натали узнала все то, что рассказывает мне? Может, и нет никакого другого мира? Может, мне только кажется, что я была когда-то внутри мамы? А мамы на самом деле и нет? Я спросила Натали, она ответила, что ей рассказали другие старшие. Но ведь старшие тоже должны были откуда-то узнать. А откуда? Мы все попадаем сюда совсем глупыми, ничего почти не помним, так откуда же нам знать про большой мир? Про мам? Про смерть и рождение?

Натали сначала рассердилась на меня и приказала не говорить глупости. Тогда я пригрозила, что найду себе другую старшую подругу. Натали сразу испугалась. Старших очень много, новеньких не хватает. Поэтому Натали после моей угрозы перестала на меня кричать. Наоборот, стала ласковой и внимательной. Она пообещала, что скоро все мне расскажет, но пока придется немного потерпеть.

Мне стало ее жалко, и я оставила Натали своей старшей подругой. Она очень обрадовалась, и долго рассказывала мне всякие красивые вещи. Например, про цвета. Я уже знаю, что в большом мире есть цвета, которые позволяют людям видеть друг друга и всякое разное. Я, правда, не совсем понимаю, что такое «видеть», но все равно приятно слушать про радугу, в которой «цвета незаметно меняют друг друга». Или про солнце, которое «такое яркое, что на него невозможно смотреть, но зато оно дает тепло». Что такое «тепло», я помню. У мамы внутри было тепло, а потом меня схватило что-то холодное и твердое («Щипцы», – назвала это Натали) и вытащило меня из мамы. И я оказалась там, где я теперь.

Раз от солнца тепло, значит, оно похоже на маму. Натали рассмеялась, но согласилась со мной. Еще она рассказала, что очень красиво, когда солнце появляется или прячется. Тогда оно очень большое и красное. Натали постаралась очень понятно мне объяснить – и я вдруг поняла, что знаю, как видеть! Когда эти… щипцы меня выволокли наружу, я видела что-то яркое и, как теперь понимаю, красное.

Натали подробно меня расспросила и назвала это красное словом «кровь».

Я подумала и решила, что не хотела бы смотреть на солнце, когда оно появляется или прячется, раз оно похоже на кровь. Но Натали со мной не согласилась. По ее словам, красный цвет бывает разным, и иногда он очень приятен. Например, в животе у мамы вокруг тоже был красный цвет, только не яркий, а темный.

Мне остается только верить, что Натали говорит правду. Я

попросила пока не рассказывать мне ничего нового. Я хотела вспомнить другие цвета, которые видела. У меня ничего толком не получилось. Везде была только красная-красная кровь.

Мне стало очень плохо. Натали поняла это и научила меня плакать. Мне, и правда, полегчало. Хотя Натали говорит, что живым плакать интереснее, у них при этом текут слезы.

Мы поплакали еще немного.

* * *

Я знаю уже много. Натали отлично все мне объясняет, кроме того, откуда мы узнаем про большой мир. Я пока не настаиваю. Иногда прошу Натали дать мне время, чтобы обдумать то, что она рассказывает. И чем больше думаю, тем больше ненавижу маму.

Я даже не заметила, когда она началась – моя ненависть. Сначала мама была для меня просто воспоминанием. Приятным воспоминанием. Мама – это тепло и уютно. Но теперь я понимаю, что она – мой злейший враг. Если бы не она, мне не пришлось бы вечно торчать в этом странном месте. Не пришлось бы мучиться от тоски… Ну, пока я не мучаюсь, но вижу, как другие страдают – значит, и мне скоро придется.

Это очень обидно. За что меня так? Я ведь ничего плохого не сделала. Даже не думала ничего плохого.

Ненавижу ее.

Я рассказала о своей ненависти Натали. Спросила, хорошо ли это. Она впервые ничего определенного мне не ответила. Сказала, что каждый сам для себя решает – ненавидеть свою маму или любить.

Любить? Я даже думать не смогла от возмущения. Как можно любить существо, которое виновато в твоем несчастье?

Тогда Натали погрустнела и сказала: «Ладно, придется тебе рассказать… Но сначала мы проверим, готова ли ты».

«Готова к чему?» – спросила я.

«К тому, что ты узнаешь, если будешь готова».

Собралось много старших. Они задавали всякие разные вопросы: про звуки, про страх, про память, про запахи. Я честно отвечала, что думала. Потом мне рассказывали всякие странные и страшные вещи. Даже, наверное, не рассказывали, а показывали… Там были непонятные фигуры и удивительные ощущения. Несколько раз я очень испугалась. Натали тут же говорила, что я еще не готова, что меня еще нужно многому учить, но ее никто не поддерживал. Мне только сказали, что я правильно испугалась. Вот если бы я не испугалась, тогда было

бы плохо.

В конце концов мне сказали, что я готова узнать правду. Они даже хотели тут же мне ее и сообщить, но Натали всех разогнала. Она хотела сама открыть мне главный секрет.

Когда мы остались наедине, Натали немного помолчала, а потом рассказала, откуда мы все знаем про большой мир…

* * *

Время от времени люди в большом мире устают и перестают жить. Как бы немного умирают. Это называется «спать» или «видеть сны». В эти моменты наши миры соприкасаются, и мы можем попасть в их сны. Из снов мы и знаем о большом мире.

Сны не всегда говорят правду. Вернее сказать, они всегда искажают правду. Но если сравнить много-много снов, можно понять, каков большой мир на самом деле.

Мне не хотели этого рассказывать, потому что я могла сойти с ума в чьем-нибудь сне. Потому что пришлось бы сразу узнать слишком много такого, к чему я не была готова. А теперь, когда Натали мне так много рассказала, я с ума не сойду.

Я не поверила Натали. Мне кажется, она специально не говорила мне про сны, чтобы подольше меня держать при себе. Так у нее есть какой-то смысл. А без меня она никому не нужна. Я сказала об этом Натали, она снова погрустнела.

«Давай поговорим об этом потом, – сказала она, – после того как ты в первый раз попадешь в чей-то сон».

«Зачем мне теперь с тобой говорить? Я и сама все узнаю из снов!»

«Это правда… – Натали заплакала. – Но ты все равно со мной поговори, ладно? Я прошу тебя!»

Мне ее стало жалко, и я решила, что, может, и поговорю с ней.

Но сначала мне нужно было найти сон моей мамы. Натали сказала, что тут она мне ничем помочь не может. Я спрашивала у других старших, но все они подтвердили – никто мне не поможет. Я сама должна найти свою маму. Придется скользить из сна в сон, пока я не почувствую ее. По словам старших, это будет похоже на то, как я сидела у мамы внутри.

Мне показали, как искать сны и как в них нырять. Даже проводили туда, где наши миры соприкасались с миром снов. Здесь наших оказалось еще больше! Они шли к границе мира и ныряли в большие мутные пузыри. Я сразу догадалась, что пузыри – это и есть сны людей из большого мира.

Сначала хотела выбрать пузырь побольше, но в последний момент испугалась. В сне могло быть слишком много всего. А вдруг я все-таки сойду с ума? Я нырнула в маленький пузырек.

* * *

Я оказалась во сне маленькой девочки.

И поняла, что правильно меня не пускали в сон без подготовки.

Тут было слишком много всего: света, звуков, запахов. Меня что-то касалось, и я почувствовала еще что-то необычное – наверное, это был вкус.

Я очень быстро выскочила из сна, не успев толком ничего рассмотреть. Натали тут же оказалась со мной рядом и стала утешать. Мы поплакали. Я попросила у Натали прощения за то, что не поверила ей. Она призналась, что могла меня отпустить и раньше, но – я была права! – ей не хотелось терять смысл. Мы снова поплакали.

Теперь я понимала, что плачем мы не на самом деле. Нам только кажется, что мы плачем, но в большом мире все гораздо сложнее и интереснее.

Мне опять захотелось в чей-нибудь сон. Пузырь, из которого я вынырнула, куда-то запропастился. Натали объяснила, что я слишком резко в него зашла, а потом вышла. Девочка во сне испугалась и проснулась. Натали посоветовала в следующий раз нырять потихонечку.

Я выбрала еще один пузырек и осторожно вошла.

Это был сон старенькой бабушки. Цветов не было, да и звуков тоже не особо…

Я постаралась не двигаться, чтобы не сон не лопнул. Бабушке снилось что-то из ее прошлого. Она видела себя молодой и веселой. Шла по дорожке над обрывом, а рядом с ней – кто-то высокий и сильный, но почему-то без лица. Молодая бабушка тихо смеялась и гладила безликого человека по руке. Вот рука была очень хорошо видна. Я видела черные волосинки на обратной стороне ладони и рисунок чем-то синим – кораблик, плывущий по волнам. А еще рука была очень сильная и надежная. Бабушка-девушка постоянно спотыкалась и хваталась за эту руку, а рука ее бережно подхватывала под локоть. Я догадалась, что бабушка специально спотыкается, чтобы снова и снова почувствовать крепкую ладонь на своем локте.

Я подождала. Мне было интересно, куда приведет дорожка над обрывом, но она все не кончалась. Я заглянула в обрыв, но

там не было ничего. Вообще ничего.

Я осторожно попятилась и вынырнула.

«Ну как? – жадно спросила Натали. – Что ты видела?»

Я рассказала.

«А откуда ты узнала, что это была дорожка? – хитро спросила Натали. – И что она шла именно над обрывом?»

Я задумалась. Действительно, Натали много чему меня научила, но про дорожки и обрывы не было ни слова. Значит, это бабушка мне показала?

«Вот именно, – согласилась Натали, – это она. Теперь понимаешь, как мы узнаем о большом мире?»

Теперь я понимала. То есть я и раньше почти понимала, когда рассказывали старшие. Но теперь поняла окончательно.

* * *

Мир снов похож на наш. Он тоже не совсем жизнь и не совсем смерть. Расстояния не существуют. Время течет как попало. Нет тела. Нет никаких правил.

В мире снов человек большого мира не может увидеть небо, или солнце, или дерево, или стол. Но он может вспомнить, как выглядит небо, солнце, дерево, стол и все, что он когда-то видел. Иногда во сне память выкидывает коленца, и спящий «видит» причудливую смесь воспоминаний.

У нас своей памяти очень мало. Мы можем передавать друг другу слова, но не свою память. Иногда удается «показать» своим какую-нибудь картинку, но для этого нужно много старших, каждый из которых «рисует» свою деталь картинки… В общем, сложно это.

Зато в чужих снах мы воруем память людей большого мира. Мы чувствуем все то, что и они. Мне очень понравилось чувствовать запах. Я специально стала рыскать по пузырям, чтобы что-нибудь понюхать. Это оказалось не так просто. Красивых снов вообще очень мало. Почти никто не видит цветных снов, у многих во сне – ватная тишина, а уж запахи… их чувствует один на тысячу. Наверное, поэтому я и увлеклась охотой за ароматами.

Мне нравятся любые запахи, даже резкие и грубые. Натали, с которой мы теперь болтаем на равных, посмеивается надо мной, но вообще-то одобряет.

«Правильно, – говорит она, – ищи редкие сны. А то быстро все это надоест».

Сама она когда-то развлекалась тем, что выискивала сны с музыкой. Это тоже нечасто встречается, так что она

продержалась довольно долго. Когда надоело, пошла в воспитатели. Теперь она тоже иногда ныряет в чужой сон, чтобы послушать модные мелодии, но не часто – жалуется, что теперь не музыка, а какой-то перестук.

* * *

Я научилась различать запахи, даже если они другим кажутся одинаковыми. Например, однажды я затащила Натали в сон одного дегустатора духов.

Натали шла за мной, пока я ей показывала всякие ароматы. Она честно принюхивалась, но так и не поняла, чем отличаются запахи свежей гвоздики от гвоздики, которая немного присохла. Или коричной палочки от молотой корицы.

Я чувствовала себя очень довольной. Приятно знать, что ты особенная!

Натали это немного раззадорило, и она пригласила меня послушать музыку. Долго перебирала сны, пока не нашла подходящий. Сон принадлежал дирижеру. Вернее, не сон, а кошмар. Дирижер видел себя скрипачом, а на его месте размахивал руками какой-то неприятный тип, почему-то весь голый. Тип дирижировал бестолково, и дирижер все никак не мог вступить. А когда вступал, тут же бросал играть и принимался подкручивать струны на своей скрипке.

«Понимаешь, – спросила Натали, – почему он не может играть?»

«Наверное, что-то со скрипкой. Но я не успеваю понять, он слишком быстро бросает».

«Маэстро, – обратилась Натали к дирижеру, – будьте любезны, сыграйте хотя бы пяток тактов!»

Дирижер совсем не удивился, он в очередной раз попытался вступить и сыграл короткую музыкальную фразу. Это доставило ему прямо-таки физическую боль – рот скривила гримаса отвращения, а по вискам потекли струйки пота. Дирижер выдернул скрипку из-под головы, как будто собирался ее зашвырнуть подальше – но не зашвырнул, а принялся остервенело настраивать. Голый человек захохотал и издевательски захлопал в ладоши.

«Теперь поняла?» – спросила Натали.

«Нет».

«У него скрипка фальшивит, – торжествующе объявила она. – Верно, маэстро?»

«Четверть тона! – с ненавистью произнес дирижер. – На

четверть тона ниже!»

Голый захохотал еще больше.

После этого случая я поняла, что с людьми большого мира можно разговаривать в их снах.

* * *

Я гонялась за запахами, но, если честно, больше всего мне хотелось наткнуться на маму.

Много раз я представляла, как вхожу в ее сон. Там должно быть темно и тепло. Я собиралась превратить этот сон в мучительный кошмар. Я хотела доставить мамочке как можно больше боли. Она должна была понять, какую большую ошибку совершила, не дав мне родиться. Пусть бы я сразу умерла – но у меня было право на рождение, а потом и на смерть!

И однажды я ее все-таки отыскала.

Это вышло неожиданно и совсем не так, как я представляла. Никакой кромешной тьмы и уютного тепла. Но это была точно она. Я ее узнала. И она меня узнала. Мы стояли посреди поля серой пшеницы (сон оказался не цветной). Мама казалась молодой и красивой, хотя я знала, что на самом деле ей много лет и выглядит она не очень.

Мы всегда знаем все про того, в чьем сне оказались. Потом, когда выныриваем в свой мир, многое сразу же забывается, но пока мы там, вся память человека в нашем распоряжении.

Поэтому я сразу все поняла про маму. Как она жила, как потеряла меня, как папа ее поддерживал… Я впервые узнала, что и папа у меня есть!

– Здравствуй, дочка! – сказала мама. – Ты такая красивая!

Во сне я была не такая уж и красивая – вздернутый нос, слишком большой лоб, тонкие губы. Обычная пятилетняя девочка. Но мама считала меня красивой совершенно честно.

И я не стала ее мучить. Не стала кричать, что ненавижу ее. Вместо этого обхватила маму руками и вжалась в нее курносым носом. Сейчас мне хотелось одного – чтобы появился запах. Он сразу же появился. Мама пахла теплым и сытным. И усталостью. И немного духами. И жареными котлетами. И папиным одеколоном.

Мама погладила меня по голове, ее запах немедленно впитался в мои русые волосы.

– Пойдем со мной, Машенька, – попросила мама. – Папа так хотел покатать тебя на коленках.

– Я не могу, мамочка. Прости.

Она задумалась. Теперь она выглядела так же, как в реальности: худое лицо с рассыпанными по нему морщинками, желтоватая кожа, руки, покрытые синими жилками и темными пятнышками. И очень усталые глаза.

– Я заберу тебя отсюда, – сказала мама. – Обещаю.

– Не получится, мамочка, – я зарылась в ее кофту, чтобы как можно сильнее запомнить этот запах. – Мы тут навсегда.

– Это у других не получится, – мамин голос звучал странно, – а мы с тобой особенные.

Я оторвалась от мамы и посмотрела в ее глаза. Она улыбалась, но так, как будто вот-вот расплачется. Я поняла, что она задумала. Мне стало страшно. Если у нее не получится, я буду всегда помнить о том, что могла вырваться из своего мира – и не вырвалась.

– А папа?

– Папа поймет. И потом… папа у нас тоже непростой, – мама подмигнула.

С ее ресницы сорвалась слезинка. В сон ворвался требовательный писк будильника. Мама заторопилась.

– Я обязательно тебя заберу! Верь мне…

* * *

Натали я ничего не рассказала, как она меня ни пытала. Вместо этого направилась к мечтателям. Я помнила предупреждение своей бывшей воспитательницы – они могли дать ненужную надежду, которая заставит страдать. Но надежда и без того во мне появилась, а вдруг мечтатели что-нибудь подскажут?

Но и им я не рассказала правды. Соврала, что хочу вырваться, но не знаю как. Они набросились на свежего слушателя, как пираньи на неосторожного теленка.

У них были сотни способов спасения. И уже количество способов указывало на то, что ни один из них никуда не годится.

Некоторые мечтатели думали, что мы в аду. Нужно искупить грехи своих родителей – тогда и они, и мы будем прощены. Другие говорили, что над нами проводят эксперимент. Нужно только понять, чего хотят экспериментаторы, и выполнить поставленное условие. Мечтатели-практики предлагали подойти к проблеме практически. Мол, к чему плодить теории? Лучше пытаться что-то сделать. Причем это «что-то» должно быть нелогичным, неожиданным. Например, всем вместе подумать о… и дальше целый список: родных и близких, светящемся туннеле, белой обезьяне…

Один раз их болтовню вдруг перебил кто-то из постоянно молчащих.

– Ерунда, – сказал он тускло, – нельзя отсюда выбраться. Мы прокляты навеки. Мы те, которые…

И снова замолчал. Мечтатели никак не отреагировали на эти странные слова, они продолжали предлагать все новые способы.

Чем дальше я слушала мечтателей, тем грустнее мне становилось. Они все были большие дети, которые так и не выросли. Но я им даже завидовала. Мечтатели играли в придуманные ими игрушки, а у всех остальных и того не было – они могли побаловать себя только путешествием по снам людей большого мира.

Мечтатели все говорили и говорили, я перестала запоминать способы, которые они предлагали, и ждала удобного момента, чтобы уйти. И вдруг почувствовала, что меня зовут. Зовет мама.

В ту же секунду я оказалась на краю мира. Все наши тоже почувствовали что-то, заволновались, сгрудились возле границы и обменивались возбужденными замечаниями. Но только я понимала, что происходит, да и то, если честно, не до конца.

Мама звала меня, хотя ее сна я нигде не могла обнаружить. И тогда я шагнула туда, где кончался наш мир, но не в чей-то сон, а между пузырями. Как будто единый вздох пронесся за моей спиной. «Как просто! – шептали миллиарды несуществующих губ. – Как просто! Почему мы сразу не догадались?!»

Они бросились за пределы мира все разом – и все разом ударились о невидимую преграду. Звали только меня. «Машенька! – шептала мама. – Иди ко мне, маленькая моя!»

«Мамочка! А как же остальные?»

Я остановилась и бросила взгляд за спину. Мир, в котором я провела столько времени, исчез, но я слышала хор проклятий, несущийся в мою сторону.

«Я могу забрать только тебя… Побыстрее, пожалуйста, доченька!»

Мама говорила еле-еле. Я испугалась и бросилась по угасающему путеводному лучу. Теперь я его видела – ярко-красный, тоненький, он вдруг начал пульсировать. Я испугалась, что луч вдруг исчезнет, и потянулась к нему изо всех сил. И из меня тоже вдруг вытянулся тонкий красный стебелек! Он потянулся к маминому, слился с ним, и теперь я могла лететь по этой тонкой нити без страха потерять путь.

Я летела к маме быстро, но очень медленно. Ничего не было вокруг: ни других людей, ни снов, ни темноты, ни света, ни звуков, ни тишины. Мама была все ближе, она повторяла из последних сил: «Машенька… Машенька…». Казалось, стоит

протянуть руку – и я дотронусь до маминой руки. «Ну почему, почему у меня нет рук?!» – закричала я про себя… и вдруг поняла, что рука есть.

И вторая рука.

И голова.

И ноги.

И все тело.

Все это было прозрачное, светящееся, не совсем настоящее – но все-таки живое и реальное.

Я вытянула руку перед собой, и мои пальцы схватили мамино запястье. Оно оказалось очень тоненьким и слабым. Я выбросила вперед и вторую руку, нашла мамины пальцы и рывком подтянулась к ним.

– Наконец-то, – сказала мама. – Пойдем со мной, Машенька.

Я не стала спрашивать, куда мы идем. Какая разница? Мы пошли… полетели… упали во что-то огромное и разноцветное. А еще там было целое море звуков, и фонтан вкусов, и лавина прикосновений. И запахи! Какие запахи меня окружили – или я их окружила, впитала за одну секунду? Какой же у меня тогда огромный должен быть нос! Я даже отпустила одну руку и потрогала нос. Нормальная вздернутая пуговка.

Мама рассмеялась:

– Все нормально, доченька. Это Вселенная, Большой мир. Он теперь весь внутри нас.

Я захохотала. И заплакала. И пустилась в пляс. И свернулась калачиком в теплой радуге. Весь мир внутри нас с мамой! Мы можем делать все, что хотим! Мы можем делать тысячу дел одновременно!

И главное – мы теперь вместе! Всегда будем вместе!

* * *

Я обняла мамочку, не переставая хохотать, плакать, танцевать, петь, раскрашивать океан закатом, сидеть на баобабе, гладить кошку, кричать в колодец «Эге-гей!» – и делать еще тысячу дел.

И мама обняла меня. Она больше ничем не занималась, только обнимала меня, всю нашу Вселенную, чтобы нам с Большим миром было тепло и уютно.

Я тоже бросила все остальное. Мы обнимались долго-долго-долго-долго-долго. И все-таки в нашем мире чего-то не хватало.

– Мамочка, – сказала я, – а мой папа…

– Он найдет нас, Машенька… Постой… Он уже нашел нас!

Большой мир стал окончательно уютным и завершенным. Папа, сильный и надежный, был вокруг нас, защищал и охранял.

– Все, – сказал он нарочно строго, чтобы все поняли, какой он надежный и сильный, – теперь вы от меня никуда не денетесь.

– Прости, Машенька, – добавила мама, – мы не хотели, чтобы ты страдала.

Мы были втроем, но как будто одно существо. Мир плескался внутри нас, как вода в аквариуме.

Я оглянулась туда, откуда пришла, на место, которого не было, которое заселяли несуществующие люди.

– Не волнуйся за них, – сказал папа. – Теперь они знают, что оттуда можно вырваться. Нужно просто любить кого-то. И чтобы тебя кто-то любил. Они догадаются, вот увидишь.

Я вопросительно посмотрела на маму. Та улыбнулась и кивнула:

– Они догадаются. Не могут не догадаться, это же так просто.

Я верила им. И все равно не могла оставаться здесь, когда там столько хороших, ни в чем не виноватых людей бьются о невидимые стены своей тюрьмы. И никто им не поможет, кроме меня.

– Я должна, – сказала я. – Я не могу… Я быстренько!

Мама и папа держали меня за руки совсем не крепко, но не было сил вырваться.

– Хорошо, дочка, – сказала мама, – мы отпустим тебя в твое второе пришествие.

– Только побудь с нами, хорошо? – попросил папа. – Побудь совсем немного. Мы так по тебе соскучились.

– И я по вам соскучилась, – я прижалась к ним покрепче, чтобы впитать в себя побольше тепла, и уверенности, и запаха папиных сигарет и маминых духов. – Я постою немного и вернусь к ним. Я быстренько-быстренько всех спасу – и опять к вам!

Мама и папа тихонько смеялись, и вместе с ними улыбался огромный мир внутри нас.

А я стояла и думала, какими словами объяснить моим бывшим товарищам по несчастью простую в общем-то мысль. «Люди! – повторяла я про себя. – Любите друг друга. Вы же такие хорошие, люди! Даже те, которые…»

Права

© Андрей Жвалевский, 2013
© «Время», 2013